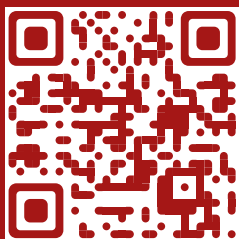

МӘҢГІЛІК ЕЛ

ҚМ

E PLURIBUS UNUM

MNU

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 3 (112), 2026

WWW.KM.MNU.KZ

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 3 (112), 2026

В НОМЕРЕ:

- Does Law Exist Ideally? Lorenz Kaehler's Ontology of Law Revisited;
- "Law in the Face of Changing Problems of the World" (Review of the XXXII IVR World Congress, June 28–July 3, 2026, Istanbul, Turkey);
- Issues of Recognition Migrant Worker's Social Vulnerability for Ensuring Right to Healthcare in the Central Asian Region;
- Правовой реализм: идея и метод;
- Критика института комплексной психолого-психиатрической экспертизы в лекции Мишеля Фуко 1975 г.;
- Преамбула Конституции Республики Казахстан как ценностная основа политики репатриации кандасов;
- Інклюзив білім беру контексінде арнайы мектептердің рөлін қайта пайымдаудан туындайтын құқықтық коллизиялар;
- Искусственный интеллект в государственном управлении Казахстана;
- Презумпция диспозитивности норм о договорах в Гражданском кодексе Республики Казахстан;
- Проблемы защиты прав землевладельцев и землепользователей.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕСІ:

1. Қаудыров Т. Е. (төраға) – заң ғылымдарының докторы, Жеке құқық департаментінің профессоры Maqsut Narikbayev University (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
2. Ахпанов А. Н. – заң ғылымдарының докторы, Astana International University Жоғары құқық мектебінің профессоры (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
3. Борчашвили И. Ш. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Astana International University Құқық жоғары мектебі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
4. Зимблицкий Б. – PhD, Вроцлав экономикалық университеті (Вроцлав қ., Польша);
5. Козловски А. – доктор хабиле, профессор, Вроцлав университеті (Вроцлав қ., Польша);
6. Кэлер Л. – заң ғылымдарының докторы, Бремен Университетінің заң факультетінің профессоры (Бремен қ., Германия);
7. Лундмарк Т. – заң ғылымдарының докторы, Халл Университетінің Жоғары құқық мектебінің профессоры (Ұлыбритания);
8. Мелкевик Б. – заң ғылымдарының докторы, құқық профессоры (tenure), Лаваль Университеті профессоры (Квебек қ., Канада);
9. Мороз С. П. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Каспий университетінің «Әділет» Құқық жоғары мектебінің деканы (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.);
10. Нурмагамбетов А. М. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Заң факультетінің азаматтық, еңбек және экологиялық құқық кафедрасының меңгерушісі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
11. Оглезнев В. В. – философия ғылымдарының докторы, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Associate professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
12. Постема Дж. – философия және құқық бойынша құрметті профессор, Солтүстік Каролина университетінің Философия департаменті (Чапел-Хилл қ., АҚШ);
13. Рогов И. И. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның төрағасы, Қазақстан Республикасынан Құқық арқылы демократия үшін Еуропалық Комиссияның (Венеция комиссиясы) мүшесі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
14. Сарсембаев М. А. – заң ғылымдарының докторы, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің заң факультетінің профессоры (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
15. Саидов А. Х. – академик, заң ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан Республикасының Адам құқықтары жөніндегі ұлттық орталығының директоры, Олий Мажлис Заң шығару палатасының депутаты, БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі комитетінің мүшесі, Төтенше және Өкілетті Елші (Ташкент қ., Өзбекстан);
16. Стоипов Я. Б. – Болгарияның Конституциялық Сотының судьясы, құқық докторы, Әулие Климент Охридский ат. София университетінің профессоры (София қ., Болгария);
17. Торбен С. – заң ғылымдарының докторы, Стокгольм университеті Заң факультетінің профессоры (Стокгольм қ., Швеция);
18. Ударцев С. Ф. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық сотының судьясы (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
19. Химма К. – заң ғылымдарының докторы, Вашингтон университетінің Жоғары заң мектебінің профессоры (Сиэтл қ., АҚШ).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ:

1. Дидикин А. Б. (бас редактор) – философия ғылымдарының докторы, заң ғылымдарының кандидаты, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Associate professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
2. Аубакирова И. У. – заң ғылымдарының докторы, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Teaching professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
3. Ахмади М. А. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің, Assistant professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
4. Бектибаева О. С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Басқарма төрағасының орынбасары (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
5. Биебаева А. А. – заң ғылымдарының кандидаты, доцент, ҚР Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының директоры (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
6. Возняк О. А. – заң ғылымдарының кандидаты, Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Teaching professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
7. Ешниязов Н. С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Халықаралық құқық департаментінің Assistant professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
8. Есенқұлова Б. Б. – PhD, Орталық Азиядағы Америка университетінің PhD, Associate professor (Бішкек қ., Қырғыз Республикасы);
9. Жұмагулов М. И. – заң ғылымдарының докторы, ҚР Президенті жанындағы Қазақстандық стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
10. Жусупов А. Д. – заң ғылымдарының докторы, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
11. Идрышева С. К. – заң ғылымдарының докторы, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Professor Emeritus (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
12. Калишева Ж. Г. – заң ғылымдарының кандидаты, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Professor Emeritus, Заңгерлерді бағалау және сертификаттау бюро-сының басшысы (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
13. Ким К. В. – заң ғылымдарының кандидаты, Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
14. Когамов М. Ч. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Maqsut Narikbayev University қылмыстық сот төрелігі және ғылыми сараптама саласындағы ғылыми жобалардың жетекшісі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
15. Малиновский В. А. – заң ғылымдарының докторы, «Нархоз Университеті» КАҚ профессоры (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.);
16. Мельник Р. С. – заң ғылымдарының докторы, professor, Maqsut narikbayev University Қоғамдық құқық департаменті (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
17. Нарикбаев Т. М. – заң ғылымдарының кандидаты, Maqsut Narikbayev University Басқарма төрағасы (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
18. Нуртаев Р. Т. – заң ғылымдарының докторы, Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
19. Оразбаева А. А. – заң ғылымдарының кандидаты, Maqsut Narikbayev University Конституциялық және саяси зерттеулер институтының директоры (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
20. Пен С. Г. – заң ғылымдарының кандидаты, Басқарма Төрағасының ғылым, инновация және жасанды интеллект жөніндегі орынбасары Maqsut Narikbayev University (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
21. Подопригра Р. А. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Каспий қоғамдық университетінің Жеке құқық ФЗИ бас ғылыми қызметкері, Каспий қоғамдық университетінің «Әділет» Жоғары құқық мектебінің профессоры (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.);
22. Саплин С. В. – заң ғылымдарының докторы, КИМЭП Университетінің Құқық мектебі қауымдастырылған деканы, қауымдастырылған профессор (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.);
23. Сейтенов К. Қ. – заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының бірінші проректоры (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
24. Сибириев Г. И. – заң ғылымдарының кандидаты, Гданьск университеті Қылмыстық құқық және криминология кафедрасының доценті (Гданьск қ., Польша);
25. Темировов Ж. Р. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
26. Тлепина Ш. В. – заң ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Қазақстан Республикасы, Астана қ.);
27. Хасенов М. X. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Assistant professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

1. Каудыров Т. Е. (председатель) – доктор юридических наук, профессор Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
2. Ахпанов А. Н. – доктор юридических наук, профессор Высшей школы права Astana International University (Республика Казахстан, г. Астана);
3. Борчашвили И. Ш. – доктор юридических наук, профессор Высшей школы права Astana International University (Республика Казахстан, г. Астана);
4. Зимблицкий Б. – PhD, Экономический университет во Вроцлаве (г. Вроцлав, Польша);
5. Козловски А. – доктор хабиле, профессор, Вроцлавский Университет (г. Вроцлав, Польша);
6. Кэлер Л. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
7. Лундмарк Т. – доктор права, профессор Высшей школы права Университета Халла (Великобритания);
8. Мелкевик Б. – доктор юридических наук, профессор (тепуге) права, профессор Университета Лавалья (г. Квебек, Канада);
9. Мороз С. П. – доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы права «Әділет» Каспийского Университета (Республика Казахстан, г. Алматы);
10. Нурмагамбетов А. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского, трудового и экологического права юридического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, г. Астана);
11. Оглезнев В. В. – доктор философских наук, Associate professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
12. Постема Дж. – почетный профессор философии и права, Департамент философии Университета Северной Каролины (США, Чапел-Хилл);
13. Рогов И. И. – доктор юридических наук, профессор, Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) от Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Астана);
14. Сарсембаев М. А. – доктор юридических наук, профессор юридического факультета Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан, г. Астана);
15. Саидов А. Х. – академик, доктор юридических наук, профессор, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса, член Комитета ООН по правам человека, Чрезвычайный и Полномочный Посол (г. Ташкент, Узбекистан);
16. Стоилев Я. Б. – судья Конституционного Суда Болгарии, доктор права, профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского (г. София, Болгария);
17. Спаак Т. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Стокгольма (г. Стокгольм, Швеция);
18. Ударцев С. Ф. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Астана);
19. Химма К. Э. – доктор права, профессор Высшей школы права Вашингтонского университета (г. Сизтл, США).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

1. Дидикин А. Б. (главный редактор) – доктор философских наук, кандидат юридических наук, Associate professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
2. Аубакирова И. У. – доктор юридических наук, Assistant professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
3. Ахмади М. А. – PhD, Assistant professor, Департамент частного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
4. Бектибаева О. С. – PhD, Заместитель Председателя Правления Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
5. Биебаева А. А. – кандидат юридических наук, доцент, директор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде РК (Республика Казахстан, г. Астана);
6. Возняк О. А. – кандидат юридических наук, Senior Teaching Professor, Департамент уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
7. Еширязов Н. С. – PhD, Assistant professor Департамента международного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
8. Есенкулова Б. Б. – PhD, Associate professor Американского университета Центральной Азии (г. Бишкек, Кыргызская Республика);
9. Жумагулов М. И. – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Астана);
10. Жусупов А. Д. – доктор юридических наук, Teaching professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
11. Идрышев С. К. – доктор юридических наук, Professor Emeritus Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
12. Калишева Ж. Г. – кандидат юридических наук, Professor Emeritus Департамента публичного права, руководитель Бюро по оценке и сертификации юристов Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
13. Ким К. В. – кандидат юридических наук, Professor Emeritus Департамента Уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
14. Когамов М. Ч. – доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам уголовного правосудия и научной экспертизы Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
15. Малиновский В. А. – доктор юридических наук, профессор НАО «Университет Нархоз» (Республика Казахстан, г. Алматы);
16. Мельник Р. С. – доктор юридических наук, Professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
17. Нарикбаев Т. М. – кандидат юридических наук, Председатель Правления Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
18. Нуртаев Р. Т. – доктор юридических наук, Professor Emeritus Департамента уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
19. Оразбаева А. А. – кандидат юридических наук, директор Института конституционных и политических исследований, Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
20. Пен С. Г. – кандидат юридических наук, заместитель Председателя Правления по науке, инновациям и искусственному интеллекту, Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
21. Подопригора Р. А. – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ публичного права Каспийского общественного университета, профессор ВШП «Әділет» Каспийского общественного университета (Республика Казахстан, г. Алматы);
22. Саяпин С. В. – доктор права, ассоциированный профессор, ассоциированный декан Школы права Университета КИМЭП (Республика Казахстан, г. Алматы);
23. Сейтенов К. К. – доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Астана);
24. Сибиричев Г. И. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Университета Гданьска (Польша, г. Гданьск);
25. Темирбеков Ж. Р. – PhD, Teaching professor Департамента публичного права Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана);
26. Теплина Ш. В. – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, г. Астана);
27. Хасенов М. Х. – PhD, Assistant professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана).

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

1. Kaudyav T. Y. (Chairman) – Doctor of Law, Professor, Department of Private Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
2. Akhpanov A. N. – Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University (Astana, Republic of Kazakhstan);
3. Borchashvili I. Sh. – Doctor of Law, Professor, Higher School of Law, Astana International University (Astana, Republic of Kazakhstan);
4. Ziemblicki B. – PhD, Wrocław University of Economics and Business (Wrocław, Poland);
5. Kozłowski A. – Habilitated Doctor, Professor, University of Wrocław (Wrocław, Poland);
6. Kahler L. – Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Bremen (Bremen, Germany);
7. Lundmark T. – Doctor of Law, University of Hull, Law School, Professor (United Kingdom);
8. Melkevik B. – Doctor in Law, Professor (tenure) of Laval University (Quebec City, Canada);
9. Moroz S. P. – Doctor of Juridical Science, Professor, Dean of the “Adilet” Higher School of Law at Caspian University (Almaty, Republic of Kazakhstan);
10. Nurmagambetov A. M. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil, Labor and Environmental Law, Faculty of Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);
11. Ogлезnev V. V. – Doctor of Philosophy Science, Associate professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
12. Postema G. – Professor Emeritus of Philosophy and Law, Department of Philosophy, University of North Carolina (Chapel Hill, USA);
13. Rogov I. I. – Doctor of Law, Professor, Chair of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan, Member of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) representing the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan);
14. Sarsembayev M. A. – Doctor of Law, Professor at the Faculty of Law of L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);
15. Saidov A. K. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Chairman of the Committee for democracy institutes, non-governmental bodies and civil self-government bodies of Legislative Chamber of Uzbekistan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
16. Stoilov Y. B. – judge of the Constitutional Court of Bulgaria, Doctor of Law, Professor of St. Kliment Ohridski Sofia University (Sofia, Bulgaria);
17. Spaak T. – Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Stockholm (Stockholm, Sweden);
18. Udartsev S. F. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan);
19. Himma K. E. – Doctor of Law, Professor, Law School, University of Washington (Seattle, USA).

EDITORIAL BOARD:

1. Didikin A. B. (Editor-in-Chief) – Doctor of Philosophy Science, Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
2. Aubakirova I. U. – Doctor of Juridical Science, Assistant Professor, Department of Public Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
3. Akhmedi M. A. – PhD, Assistant Professor, Department of Private Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
4. Bektiybayeva O. S. – PhD, Vice-Chair of the Board, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
5. Biebayeva A. A. – Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Director of the Research and Educational Center of Criminal Law Disciplines of Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan);
6. Voznyak O. A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Criminal Justice at Maqsut Narikbayev (Astana, Republic of Kazakhstan);
7. Yeshniyazov N. S. – PhD, Assistant professor of the Department of International Law at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
8. Yessenkulova B. B. – PhD in Law, Associate Professor, American University of Central Asia (Bishkek, Kyrgyz Republic);
9. Zhumagulov M. I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan);
10. Zhussupov D. D. – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev (Astana, Republic of Kazakhstan);
11. Idryshev S. K. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Private Law at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
12. Kalisheva Zh. G. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Public Law, Head of the Legal Assessment and Certificate Bureau at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
13. Kim K. V. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
14. Kogamov M. Ch. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the research projects in the field of criminal justice and scientific expertise of Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
15. Malinovsky V. A. – Doctor of Juridical Science, Professor of NJSC «Narxoz University» (Almaty, Republic of Kazakhstan);
16. Melnik R. S. – Doctor of Law, Professor, Department of Public Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
17. Narikbayev T. M. – Candidate of Law, Chair of the Board, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
18. Nurtayev R. T. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
19. Orazbayeva A. A. – Candidate of Legal Sciences, Director of the Institute for Constitutional and Political Research, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
20. Pen S. G. – Candidate of Law, Deputy Chairman of the Board for Science, Innovation and Artificial Intelligence, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
21. Podoprigora R. A. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chief Researcher at the Research Institute of Public Law of the Caspian Public University, Professor at the Higher School of Economics «Adilet» of the Caspian Public University (Almaty, Republic of Kazakhstan);
22. Sayapin S. V. – Dr.iur., Associate Professor, Associate Dean School of Law at KIMEP University (Almaty, Republic of Kazakhstan);
23. Seitenov K. K. – Doctor of Juridical Science, first Vice Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan);
24. Shibtsev G. I. – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, University of Gdansk (Gdansk, Poland);
25. Temirbekov Zh. R. – PhD, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan);
26. Tlepinia Sh. V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Professor of the Department of International Law L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);
27. Khassenov M. Kh. – PhD, Assistant professor of the Department of Private Law at Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan).

СОДЕРЖАНИЕ

Құқық және мемлекет
Право и государство
Law and State
№ 3 (112), 2026

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

<i>Утеген Д., Балахмет А. (Республика Казахстан, г. Астана)</i> Искусственный интеллект в государственном управлении Казахстана: защита персональных данных и механизмы предотвращения подрыва общественного доверия	6
<i>Сайранқызы Н. (Қазақстан Республикасы, Астана қ.)</i> Инклюзив білім беру контексінде арнайы мектептердің рөлін қайта пайымдаудан туындайтын құқықтық коллизиялар	19

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Есетова С.К., Ибраева А.С., Имангазиев Т.А. (Республика Казахстан, г. Алматы)</i> Преамбула Конституции Республики Казахстан как ценностная основа политики репатриации кандасов	31
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

<i>Бабаджанян Е.Л., Ахмади М.А., Мальков Р.М. (Республика Казахстан, г. Астана)</i> Презумпция диспозитивности норм о договорах в Гражданском кодексе Республики Казахстан: опыт сплошной оценки и законодательное предложение	49
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Сибирцев Г.И. (Польша, г. Гданьск)</i> Критика института комплексной психолого-психиатрической экспертизы в лекции Мишеля Фуко 1975 года в Коллеж де Франс	67
---	----

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Мукашева А.А., Ибраев А.С. (Республика Казахстан, г. Алматы, г. Астана)</i> Проблемы защиты прав землевладельцев и землепользователей: отечественный и зарубежный опыт	77
--	----

ТРУДОВОЕ ПРАВО

<i>Tazhiyeva M.N., Mytalyapova A.S. (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)</i> Issues of Recognition Migrant Worker's Social Vulnerability for Ensuring Right to Healthcare in the Central Asian Region	93
--	----

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

<i>Didikin A.B. (Astana, Republic of Kazakhstan)</i> Does Law Exist Ideally? Lorenz Kaehler's Ontology of Law Revisited	104
<i>Беляев М.А. (Российская Федерация, г. Москва)</i> Правовой реализм: идея и метод	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ogleznev V.V., Didikin A.B. (Astana, Republic of Kazakhstan)</i> "Law in the Face of Changing Problems of the World" (Review of the XXXII IVR World Congress, June 28–July 3, 2026, Istanbul, Türkiye)	119
---	-----

МАЗМҰНЫ / CONTENTS	121
--------------------------	-----

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ	122
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	123
INFORMATION FOR AUTHORS	124

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ КАЗАХСТАНА: ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПОДРЫВА ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ

Д. УТЕГЕН, PhD докторант, Adjunct Assistant Professor Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана), e-mail: d_utegen@kazguu.kz

А. БАЛАХМЕТ, студентка 3 курса, Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана), e-mail: a.balakhmet@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена ускоренной цифровой трансформацией государственного управления, в рамках которой государственные органы все чаще используют аналитические и генеративные системы искусственного интеллекта для подготовки проектов решений, обработки обращений граждан, сокращения времени принятия решений в рутинных административных процедурах и анализа больших массивов данных. Вместе с тем внедрение искусственного интеллекта в государственном секторе порождает значимые правовые риски, включая утечки персональных данных граждан и государственных служащих, раскрытие служебной информации ограниченного доступа, алгоритмическую предвзятость, а также ошибки и галлюцинации языковых моделей. Предметом исследования выступают законодательство Республики Казахстан в сфере цифрового права, искусственного интеллекта и персональных данных, а также право Европейского союза и стандарты Совета Европы, рассматриваемые в сравнительно-правовой перспективе. Цель статьи состоит в выявлении ключевых рисков применения искусственного интеллекта в государственном управлении Казахстана и в обосновании правовых и организационных инструментов, обеспечивающих баланс между эффективностью цифрового государства и гарантиями прав человека. Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также метод кейс-стади с опорой на зарубежный опыт и казахстанскую практику. Научная новизна работы заключается в комплексной оценке рисков цифровизации государственного управления через призму категории «правовое качество цифровизации» в условиях обновления цифрового законодательства Республики Казахстан. В качестве основного вывода обоснована необходимость перехода от абстрактных этических принципов к юридически обязательным процедурам, включая создание публичного реестра алгоритмических систем, используемых в государственном секторе.

Ключевые слова: общественное доверие, государственное управление, искусственный интеллект, персональные данные, конфиденциальность, служебная информация, алгоритмическая предвзятость, подотчетность, алгоритмические системы, Цифровой кодекс Республики Казахстан.

Введение

В Казахстане цифровая трансформация государственного управления в 2026 году получила дополнительный импульс – Указом Президента Республики Казахстан № 1151 от 6 января 2026 г. 2026 год объявлен Годом цифровизации и искусственного интеллекта [1]. В развитие данного решения Правительством утвержден План мероприятий по проведению Года цифровизации и искусственного интеллекта [2]. Одновременно принятие Цифрового кодекса Республики Казахстан [3] и профильного Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» [4] переводит повестку внедрения интеллектуальных систем в плоскость юридически значимых обязанностей государственных органов и требований к подотчетности.

Еще в 1950 году А. Тьюринг задал дискуссионный вопрос: «Могут ли машины мыслить?» [5]. Э. Шмидт и соавторы утверждают, что искусственный интеллект становится фактором, формирующим социальную реальность и управленческие решения: «ИИ постепенно и незаметно становится автором нашей реальности» [6]. Для государственного управления это означает не только рост эффективности, но и усиление рисков для прав личности, прежде всего в части конфиденциальности данных и предсказуемости административных решений.

Практика передовых государств в сфере цифровизации государственных услуг демонстрирует, что инструменты искусственного интеллекта активно используются в различных формах в публичной сфере. Министерство юстиции Эстонии публично разъясняло, что не разрабатывает ИИ для замены судей, а сосредоточено на средствах снижения административной нагрузки и поддержке рабочих процессов [7; 8]. Также нашли широкое распространение процедурные модели управления рисками. Так, в Канаде действует Директива об автоматизированном принятии решений и обязательный инструмент предварительной оценки воздействия автоматизированных систем, проводимый до ее внедрения на права человека, оценка нацелена на выявление угроз для неприкосновенности частной жизни и защиты данных. [9; 24]. В Сингапуре государственное агентство цифровых технологий внедряет виртуальных помощников на сайтах государственных органов для помощи в навигации по услугам [10]. В Великобритании государственная цифровая служба запустила эксперимент с государственным чат-инструментом для упрощения доступа граждан к информации на государственном портале [11].

В международной практике цифровая зрелость государства оценивается через комплексные индексы и модели. Так, Индекс цифрового государства Организации экономического сотрудничества и развития использует измерения зрелости, включая цифровизацию, управление на основе данных, государство как платформу, открытость по умолчанию, ориентацию на пользователя и проактивность по части выявления уязвимостей и возникновения киберинцидентов [12]. Индекс зрелости государственных технологий Всемирного банка измеряет зрелость базовых государственных систем, цифровой инфраструктуры и электронных услуг, а также вовлечение граждан [13].

В Казахстане акцент на измеримости цифровой зрелости проявляется в переходе к цифровым метрикам результативности и прозрачности. Министерством финансов Республики Казахстан внедряется «цифровой профиль» государственного органа как совокупность данных об уровне цифровой зрелости и результативности ведомств, при этом отдельно подчеркивается необходимость экспертной верификации прогнозируемых данных, полученных с использованием интеллектуальных инструментов [14]. В отчете о реализации Концепции цифровой трансформации за 2023 год закреплены целевые показатели ускорения и автоматизации предоставления услуг [15].

Высокие позиции Казахстана в глобальных индексах электронного правительства по данным Обзора электронного правительства Организации Объединенных Наций 2024 г. отражают общую динамику цифрового развития [16], однако не исключают различия уровней зрелости между ведомствами и различий в качестве данных и процессов на уровне конкретных государственных органов.

Несмотря на удобство и эффективность применения интеллектуальных инструментов в государственных услугах и судебной системе, существует ряд рисков, усиливающихся при недостаточной цифровой зрелости. Во-первых, возрастает риск утечек персональных данных и раскрытия служебной информации, особенно при использовании внешних сервисов без классификации данных, разграничения доступа и безопасной инфраструктуры, риски конфиденциальности и безопасности данных выделяются в рамках управления рисками искусственного интеллекта [16]. Во-вторых, алгоритмические решения могут воспроизводить структурную дискриминацию, если обучающие данные отражают недостоверные данные либо на входе языковая модель получила данные, основанные на предвзятом мнении [17; 18]. В-третьих, генеративные модели способны формировать правдоподобный, но фактически недостоверный контент, что критично при подготовке юридически значимых документов данный риск отдельно обозначен в профиле рисков генеративного искусственного интеллекта [20].

Отдельного внимания требуют биометрические технологии распознавания лиц, используемых правоохранительными органами, как зона повышенного риска, помимо того, в ЕС активно обсуж-

даются и иные формы биометрии, включая поведенческую, что обостряет вопросы определения правового режима, прозрачности и подотчетности при обработке таких данных [21]. Это подтверждает необходимость для госорганов заранее закреплять режимность биометрических данных и требования к проверке оснований обработки в ведомственных регламентах [21].

Указанные риски концентрируются в зоне управления данными, поскольку государственные органы одновременно выступают операторами обработки и пользователями персональных данных ограниченного доступа [22].

При этом для обеспечения доверия общества недостаточно этических деклараций и рекомендаций [23]. В научной статье Бегишева И. и Шутовой А. подчеркивается, что этические стандарты не заменяют правового регулирования и без нормативно закрепленных обязанностей и процедур формируется разрыв между этикой и исполнимыми механизмами ответственности, что особенно критично для публичного сектора [24].

По этой причине последующие разделы статьи фокусируются на правовых и организационных мерах предотвращения утечек и обеспечении сохранности данных при использовании ИИ. Для целей настоящей статьи ключевые понятия используются в значениях, закрепленных в национальном законодательстве и применимых международных стандартах.

Термины «искусственный интеллект», «система искусственного интеллекта» и «модель искусственного интеллекта» применяются в значении, установленном Законом Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» [4].

Под персональными данными понимаются сведения, относящиеся к определенному или определяемому субъекту; биометрические данные рассматриваются как персональные данные, характеризующие физиологические и биологические особенности, на основе которых можно установить личность [25].

Под служебной информацией ограниченного доступа в статье понимаются сведения, отнесенные к служебной информации ограниченного распространения и маркируемые пометкой «Для служебного пользования» в порядке, установленном Правительством Республики Казахстан [25]. Конфиденциальность данных понимается как режим недопущения несанкционированного доступа и раскрытия персональных данных и служебной информации, обеспечиваемый правовыми, организационными и техническими мерами защиты [25; 26].

Общественное доверие рассматривается как устойчивое ожидание законности, справедливости и предсказуемости действий государства, влияющее на легитимность управленческих решений. Оценка воздействия используется как обозначение предварительной процедуры выявления и снижения рисков для прав и свобод личности при внедрении и существенных изменениях цифровых решений повышенного риска, включая риски для частной жизни, конфиденциальности и недискриминации [9; 25; 28].

Индексирование неприкосновенности частной жизни применяется как авторский прикладной инструмент ведомственной самооценки на основе измеримых индикаторов конфиденциальности данных, подотчетности и безопасности.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на основе формально-юридического анализа законодательства Республики Казахстан в сфере искусственного интеллекта, персональных данных и режима служебной информации [3; 4; 25; 26], а также сопоставления с правом Европейского союза и стандартами Совета Европы в части защиты данных и подотчетности цифровых решений [26; 27; 29].

Сравнительно-правовой анализ проводился путем выделения сопоставимых элементов регулирования цели обработки, минимизация данных, разграничение доступа, механизмов контроля и аудита и сопоставления того, как эти элементы закрепляются и реализуются на уровне законов и ведомственных процедур в Казахстане и на опыте стран участниц Европейского союза.

Метод анализа конкретных ситуаций применен для систематизации типовых инцидентов утечки данных, раскрытия служебной информации, ошибок и недостоверных выводов генеративных моделей, включая инцидент 2023 года сбоя генеративного сервиса [31]. На заключительном этапе выводы сформулированы в виде индикаторов индексирования неприкосновенности частной

жизни для каждого индикатора определены объект контроля, подтверждающий документ и ответственный субъект внутри государственного органа.

Основные положения

В соответствии со статьей 93 Цифрового кодекса Республики Казахстан цифровая трансформация государственного управления связана с повышением эффективности оказания государственных услуг, применения аналитики данных на основе принципа прозрачности и проактивности по рискам в целях соблюдения прав субъектов в цифровой среде [3]. По логике данного положения цифровая зрелость государственных органов должна оцениваться не только по скорости и удобству сервисов, но и по качеству архитектуры данных и соблюдению гарантий защиты неприкосновенности частной жизни и персональных данных.

Важный шаг в сторону измеримости закреплен в статье 95 Цифрового кодекса, где вводится индекс цифрового развития как комплексный показатель готовности государственных органов и организаций к процессам цифровизации [3]. Индекс определяется ежегодно в рамках оценки эффективности деятельности государственных органов, а методика его расчета утверждается уполномоченным органом по согласованию с Высшей аудиторской палатой [3]. Это положение создает нормативную основу для включения в оценку цифровой зрелости измеримых критериев доверия, основанных на режиме данных и подотчетности.

Для практической реализации принципа устойчивости общественного доверия представляется обоснованным дополнить оценку цифрового развития показателями «правового качества цифровизации», в том числе: наличием классификации данных и запретов на ввод служебной информации ограниченного доступа и специальных категорий персональных данных во внешние сервисы, управлением доступом, соблюдением обязанностей по уведомлению о нарушении безопасности персональных данных и наличием процедур человеческого контроля при пересмотре решений принятых на основе алгоритмов ИИ.

Согласно требованиям статьи 43 права субъектов цифровой среды обеспечиваются при использовании алгоритмических систем и полностью автоматизированных решений, включая недопустимость применения дискриминационных мер, право на доступ к информации о порядке принятия алгоритмического решения [3]. Дополнительным инструментом подтверждения цифровой зрелости выступают предусмотренные Кодексом испытания и аудит цифровых объектов на соответствие требованиям кибербезопасности и аудит качества цифровых объектов, систем искусственного интеллекта с проверкой правомерности использования обучаемых данных и наличия запрещенных функциональных возможностей [3]. В качестве прикладного модуля для государственных органов может быть использовано индексирование неприкосновенности частной жизни, позволяющее фиксировать минимальный набор индикаторов конфиденциальности, безопасности и подотчетности при внедрении ИИ и иных цифровых решений.

Обеспечение общественного доверия в условиях повсеместной цифровизации государственных услуг требует предсказуемости режима обработки данных государственными органами, объяснимости процедур, периодического аудита и внедрения механизмов контроля.

Во-первых, в части конфиденциальности приоритет должен быть смещен от постфактум реагирования к превентивному управлению рисками на всех стадиях жизненного цикла ИИ. Рамочная модель управления рисками ИИ Национального института стандартов и технологий США исходит из необходимости непрерывного управления рисками, включая управление данными, тестирование, мониторинг уязвимостей [16]. Для госсектора Казахстана это означает закрепление обязательных правил безопасного использования ИИ государственными служащими путем классификации данных по уровню чувствительности, запрета на ввод служебной информации ограниченного распространения и специальных категорий персональных данных во внешние сервисы, а также применения технических и организационных средств предотвращения утечек данных. Данная логика корреспондирует с публичной позицией депутата Мажилиса Е. Смышляевой о том, что в публичных и государственных процессах должны использоваться только цифровые решения, соблюдающие требования национального законодательства, поскольку применение непроверенных внешних платформ создает риски утраты контроля над персональными данными

и ограничивает возможности правовой защиты пользователей [32]. Дополнительно в парламентском обсуждении регулирования ИИ депутат Смышляева отдельно указывала на значимость защиты данных и ответственности за последствия применения ИИ [33]. Такой подход также соответствует принципам Организации экономического сотрудничества и развития по ИИ, где доверие связывается с уважением прав человека, прозрачностью, надежностью и подотчетностью цифровых систем [34].

В марте 2023 года произошел инцидент, связанный с генеративным сервисом ChatGPT, который был временно приостановлен из-за ошибки в программном компоненте с открытым исходным кодом. Компания OpenAI признала риск раскрытия ограниченных пользовательских данных у части пользователей, что демонстрирует возможность утечки даже при отсутствии умысла и при внешней зависимости от программных компонентов [31]. В Казахстане в соответствии с Законом Республики Казахстан «Об информатизации», Законом Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» и подзаконными актами такие случаи должны рассматриваться не только как технический сбой, но и как юридически значимый инцидент. Собственник и (или) оператор при обнаружении нарушения безопасности персональных данных уведомляют уполномоченный орган в установленном порядке и сроке [25;35;36]. Уполномоченный орган, получив уведомление, в течение одного рабочего дня направляет оператору электронного правительства сведения, необходимые для оповещения субъектов персональных данных о нарушении безопасности персональных данных [36].

Во-вторых, для снижения дискриминационных эффектов и предотвращения непрогнозируемых последствий требуется закрепить обязательность предварительной оценки воздействия и процедур управления рисками до внедрения высокорисковых систем, а также при их существенных изменениях. В Европейском союзе статья 27 Регламента 2024/1689 предусматривает обязанность органов публичной власти и частных организаций, оказывающих публичные услуги, проводить оценку воздействия на фундаментальные права до первого использования высокорисковой системы ИИ, включая описание сценария применения, категорий затрагиваемых лиц и меры человеческого контроля [30]. Согласно статьям 10, 11, 14, 15 Регламент также устанавливает требования к управлению данными и наборами данных, к технической документации, к человеческому надзору, а также к точности, устойчивости и кибербезопасности на протяжении жизненного цикла [30].

Обсуждение

Практика ЕС подтверждает, что дискриминационный эффект может формироваться через данные и управленческие настройки. Так, в Нидерландах аналитика пособий по уходу за детьми показала, что риск-профилирование в целях выявления мошенничества может приводить к массовым ошибочным квалификациям заявителей как нарушителей [37; 38].

В Нидерландах также применялась система «Systeem Risico Indicatie» (далее – SyRI) – информационная система индикаторов риска для риск-профилирования в социальной сфере. Окружной суд Гааги в 2020 году признал использование SyRI несоразмерным вмешательством и указал на недостаточность гарантий, в том числе с учетом риска дискриминации и стигматизации, при непрозрачности критериев профилирования и отсутствии достаточного независимого контроля [39; 40].

Для Казахстана указанная процедурная модель соотносится с Цифровым кодексом Республики Казахстан, который закрепляет приоритет прав, свобод и законных интересов человека в цифровой среде как высшей ценности и ориентирует правоприменение на предотвращение дискриминации и злоупотреблений цифровыми технологиями [3]. Следовательно, требование предварительной оценки воздействия для высокорисковых систем, включая оценку рисков дискриминации и качества данных, может рассматриваться как инструмент практической реализации принципов цифрового законодательства, а не как дополнительная рекомендация.

При разработке ведомственных правил следует отдельно выделять биометрические системы как категорию повышенного риска и закреплять дополнительные гарантии их применения, путем ограничения целей, минимизации данных, независимого аудита, и процедур доступа. Сравнительные исследования по моделям регулирования распознавания лиц подчеркивают необходимость

риск-ориентированной категоризации биометрических систем и усиленных мер охраны биометрических данных как условия защиты права на неприкосновенность частной жизни [22].

В административных процедурах необходим минимальный стандарт объяснимости и права на оспаривание решений, поддержанных ИИ. Канадская Директива об автоматизированном принятии решений предусматривает обязательную предварительную оценку воздействия автоматизированных систем на права и интересы затрагиваемых лиц, а также меры прозрачности и механизмы обжалования [9; 28]. Для Казахстана подобная логика существенно важна, в тех случаях, где решения затрагивают доступ к услугам, социальным выплатам, контрольным и надзорным мерам. В практическом плане это требует закрепления обязанности указывать правовое основание и используемые данные, процедуры пересмотра результата человеком, понятного канала подачи жалобы и исправления ошибки, а также фиксации стадий принятия решения и ответственных лиц [3].

Инструментом укрепления доверия является публичный реестр алгоритмических систем, применяемых государственными органами в высокорисковых сферах, с описанием цели, правового основания, категории данных, ответственного оператора, процедуры проверки результатов и итогов оценки риска. Реестр снижает информационную асимметрию между государством и гражданами, создает основу для независимого аудита и повышает предсказуемость государственного управления.

В сентябре 2025 года правительство Албании объявило о назначении виртуального министра на основе ИИ под наименованием Diella с задачей повышения прозрачности и борьбы с коррупцией в государственных закупках [41]. В феврале 2026 года агентство Reuters сообщило о судебном споре, в рамках которого актриса заявила, что ее изображение и голос были использованы для создания аватара без надлежащего согласия, что актуализировало вопрос правового режима биометрических данных и ответственности публичных субъектов [42]. Параллельно отмечались случаи распространения сатирических и ложных сообщений вокруг кейса, что повышает значимость прозрачной коммуникации государства и верифицируемости фактов при внедрении ИИ в публичной сфере [43].

Наконец, важно учитывать, что применение ИИ в госсекторе затрагивает не только цифровые права граждан, но и служебную идеологию как систему ценностей публичной службы. Нарушение конфиденциальности служебной информации и персональных данных государственных служащих повышает уязвимость ведомств, снижает качество принятия решений и создает риски злоупотреблений. Следовательно, меры по защите данных в госсекторе должны рассматриваться как элемент укрепления доверия и профилактики коррупционных рисков.

Заключение

Таким образом, применение искусственного интеллекта в государственном управлении одновременно расширяет возможности цифрового государства и усиливает риски, способные подорвать устойчивость общественного доверия. К числу наиболее критичных относятся риски конфиденциальности персональных данных граждан и государственных служащих, раскрытия служебной информации ограниченного доступа, дискриминационных эффектов и ошибок генеративных моделей.

В Казахстане этап 2025-2026 годов характеризуется институционализацией искусственного интеллекта через принятие Цифрового кодекса и профильного закона. Вместе с тем доверие граждан зависит от того, насколько измеримо и проверяемо государство обеспечивает режим данных и подотчетность цифровых решений. В этой связи целесообразно использовать предусмотренный Цифровым кодексом индекс цифрового развития как инструмент оценки цифровой зрелости государственных органов и дополнить методику его расчета показателями правового качества цифровизации, включая управление данными, безопасность и гарантии прав субъекта при применении алгоритмических систем [3].

В качестве прикладных рекомендаций для государственных органов, в развитие экспертных предложений, представленных автором Даной Утеген на Совете по вопросам цифровизации и искусственного интеллекта при партии АМАНАТ в рамках Года цифровизации и искусственного интеллекта, предлагается:

- утвердить обязательную оценку воздействия на права человека и конфиденциальность для высокорисковых систем;
 - внедрить публичный реестр алгоритмических систем в госсекторе и единый стандарт информирования и пересмотра решений;
 - установить усиленные ограничения для применения биометрической идентификации и обработки данных детей;
 - закрепить ведомственные правила безопасного использования ИИ, включая запрет на ввод чувствительных данных во внешние сервисы и процедуры уведомления об инцидентах;
 - обеспечить независимый аудит качества и кибербезопасности цифровых объектов.
- Реализация указанных мер повысит предсказуемость цифровых процедур, снизит риски утечек данных и дискриминации, тем самым поддержит устойчивость общественного доверия.

Вклад авторов:

Балахмет А.Б. – разработка концепции статьи, сбор эмпирических материалов, подготовка первоначального текста;

Утеген Д. – методология исследования, правовой анализ, рекомендации, обсуждение и написание и утверждение окончательной версии.

Д. Утеген, PhD докторант, Adjunct Assistant Professor Maqsut Narikbayev University (Қазақстан Республикасы, Астана қ.); А. Балахмет, 3 курс студенті, Maqsut Narikbayev University (Қазақстан Республикасы, Астана қ.): Қазақстанның мемлекеттік басқаруындағы жасанды интеллект: дербес деректерді қорғау және қоғамдық сенімнің әлсіреуінің алдын алу тетіктері.

Зерттеудің өзектілігі мемлекеттік басқарудың жедел цифрландырылуымен байланысты, соның аясында мемлекеттік органдар шешім жобаларын әзірлеуде, азаматтардың өтініштерін өңдеуде, күнделікті әкімшілік рәсімдерде шешім қабылдау уақытын қысқартуда және ауқымды деректерді талдауда жасанды интеллект жүйелерін барған сайын жиі қолдануда. Сонымен қатар, мемлекеттік секторда жасанды интеллектті енгізу азаматтар мен мемлекеттік қызметшілердің дербес деректерінің таралуы, қолжетімділігі шектеулі қызметтік ақпараттың жария болуы, алгоритмдік біржақтылық, сондай-ақ модельдердің қателері мен «галлюцинациялары» сияқты елеулі құқықтық тәуекелдерді туындатады. Зерттеу пәні ретінде Қазақстан Республикасының цифрлық құқық, жасанды интеллект және дербес деректер саласындағы заңнамасы, сондай-ақ салыстырмалы-құқықтық қырынан қарастырылған Еуропалық Одақ құқығы мен Еуропа Кеңесінің стандарттары алынады. Зерттеудің мақсаты – Қазақстанның мемлекеттік басқару жүйесінде жасанды интеллектті қолдануға байланысты негізгі тәуекелдерді айқындау және цифрлық мемлекеттің тиімділігі мен адам құқықтарының кепілдіктері арасындағы тепе-теңдікті сақтауға мүмкіндік беретін құқықтық әрі ұйымдастырушылық тетіктерді негіздеу. Әдіснамалық негізін формальды-құқықтық және салыстырмалы-құқықтық әдістер, сондай-ақ шет мемлекеттердің тәжірибесі мен Қазақстан практикасына сүйенетін кейс-стади әдісі құрайды. Ғылыми жаңалығы мемлекеттік басқаруды цифрландыру тәуекелдерін Қазақстанның жаңарып жатқан цифрлық заңнамасы жағдайында «цифрландырудың құқықтық сапасы» ұғымы арқылы кешенді талдаудан көрінеді. Негізгі қорытынды ретінде мемлекеттік секторда қолданылатын алгоритмдік жүйелердің жария тізілімін енгізу және реттеуді абстрактілі этикалық қағидалардан заңдық тұрғыдан міндетті рәсімдерге көшіру қажеттігі негізделеді.

Түйінді сөздер: қоғамдық сенім, мемлекеттік басқару, жасанды интеллект, дербес деректер, құпиялық, қызметтік ақпарат, алгоритмдік біржақтылық, есептілік, алгоритмдік жүйелер, Қазақстан Республикасының Цифрлық кодексі.

D. Utegen, PhD Doctoral Candidate, Adjunct Assistant Professor at Maqsut Narikbayev University (Republic of Kazakhstan, Astana); A. Balakhmet, 3rd-year student at Maqsut Narikbayev University (Republic of Kazakhstan, Astana): Artificial Intelligence in Kazakhstan's Public Administration: Personal Data Protection and Mechanisms to Prevent the Erosion of Public Trust.

The relevance of this study stems from the accelerated digital transformation of public administration, in which public authorities increasingly use analytical and generative artificial intelligence (AI) systems to prepare draft decisions, process citizens' requests, shorten decision-making time in routine administrative procedures, and analyze large datasets. At the same time, the use of AI in the public sector creates significant legal risks, including personal data breaches affecting both citizens and civil servants, disclosure of restricted official information, algorithmic bias, as well as model errors and hallucinations. The subject of the study is Kazakhstan's legislation on digital law, artificial intelligence, and personal data protection, as well as European Union law and Council of Europe standards examined from a comparative legal perspective. The aim of the article is to identify the key risks related to the use of AI in Kazakhstan's public administration and to substantiate legal and organizational instruments capable of preserving a balance between the efficiency of the digital state and the protection of human rights. The methodological framework combines the formal legal method, comparative legal analysis, and the case-study method drawing on foreign experience and Kazakhstan's practice. The novelty of the study lies in its comprehensive assessment of the risks of digitalization in public administration through the lens of the "legal quality of digitalization" in the context of the development of Kazakhstan's digital legislation. The main conclusion is that regulation should shift from abstract ethical principles to legally binding procedures, including the introduction of a public register of algorithmic systems used in the public sector.

Keywords: public trust, public administration, artificial intelligence, personal data, confidentiality, official information, algorithmic bias, accountability, algorithmic systems, Digital Code of the Republic of Kazakhstan.

Список литературы:

1. Указ Президента Республики Казахстан от 6 января 2026 года № 1151 «Об объявлении Года цифровизации и искусственного интеллекта». URL: <https://www.akorda.kz/ru/ob-obyavlenii-goda-cifrovizacii-i-iskusstvennogo-intellekta-601222> (01.03.2026).
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 января 2026 года № 60 «Об утверждении Плана мероприятий по проведению Года цифровизации и искусственного интеллекта». URL: https://prg.kz/lawyer/document/?doc_id=36242706 (01.03.2026).
3. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255> (01.03.2026).
4. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года № 230-VIII ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> (01.03.2026).
5. Turing A.M. Computing Machinery and Intelligence. *Mind*. 1950. Vol. 59, No. 236. P. 433-460.
6. Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д. Искусственный разум и новая эра человечества. М.: Альпина ПРО; 2022.
7. Can AI Be a Fair Judge in Court? Estonia Thinks So. *WIRED*. 25 March 2019. URL: <https://www.wired.com/story/can-ai-be-fair-judge-court-estonia-thinks-so/> (01.03.2026).
8. Estonian Ministry of Justice. Estonia does not develop AI Judge. 16 February 2022. URL: <https://www.justdigi.ee/en/news/estonia-does-not-develop-ai-judge> (01.03.2026).
9. Treasury Board of Canada Secretariat. Directive on Automated Decision-Making. URL: https://publications.gc.ca/collections/collection_2021/sct-tbs/BT48-31-2021-eng.pdf (01.03.2026).
10. GovInsider. Is it time to say goodbye to 'Ask Jamie'? Inside GovTech's refresh of government chatbots. 13 September 2023. URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/is-it-time-to-say-goodbye-to-ask-jamie-inside-govtechs-refresh-of-government-chatbots> (01.03.2026).
11. Government Digital Service (UK). GOV.UK has entered the Chat: our vision for GOV.UK Chat. 16 December 2025. URL: <https://insidegovuk.blog.gov.uk/2025/12/16/gov-uk-has-entered-the-chat-our-vision-for-gov-uk-chat/> (01.03.2026).
12. OECD. Digital Government Index: 2019 Results. OECD Working Papers on Public Governance. 2020. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2020/10/digital-government-index_cec25265/4de9f5bb-en.pdf (01.03.2026).
13. World Bank. GovTech Maturity Index (GTMI). URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi> (01.03.2026).

14. Министерство финансов Республики Казахстан. Цифровой профиль – новый инструмент повышения прозрачности и эффективности государственных органов. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/press/news/details/991210?lang=ru> (01.03.2026).

15. Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан. Отчет о реализации Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы (отчетный период: 2023 год). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=37036172 (01.03.2026).

16. United Nations. E-Government Survey 2024. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf> (01.03.2026).

17. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). NIST AI 100-1; 2023. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf> (01.03.2026).

18. Obermeyer Z., Powers B., Vogeli C., Mullainathan S. Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations. Science. 2019. Vol. 366(6464). P. 447-453. DOI: 10.1126/science.aax2342.

19. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias // ProPublica. 23 May 2016. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (01.03.2026).

20. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework: Generative Artificial Intelligence Profile. NIST AI 600-1; 2024. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/NIST.AI.600-1.pdf> (01.03.2026).

21. Рахметов Б., Хайзабеков К. Поведенческая биометрия в Европейском союзе: правовые вызовы и технологические перспективы. Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3. № 1. С. 108–124. DOI: 10.21202/jdtl.2025.5. URL: <https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/511> (01.03.2026).

22. Утеген Д., Рахметов Б.Ж. Технология распознавания лиц и обеспечение безопасности биометрических данных: компаративный анализ моделей правового регулирования. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 3. С. 825–844. DOI: 10.21202/jdtl.2023.36. URL: https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/247?locale=ru_RU (01.03.2026).

23. Dempsey J.X. Artificial Intelligence: An Introduction to the Legal, Policy and Ethical Issues. Berkeley: Berkeley Center for Law & Technology; 2020. URL: https://www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2020/08/Artificial-Intelligence-An-Introduction-to-the-Legal-Policy-and-Ethical-Issues_JXD.pdf (01.03.2026).

24. Бегишев И.Р., Шутова А.А. Регулирование технологий искусственного интеллекта: столкновение этики и закона. Лоббирование в законодательстве. 2025. Т. 4. № 1. С. 21–28. DOI: 10.33693/2782-7372-2025-4-1-21-28. URL: <https://www.urvak.ru/articles/lo-6275-vypusk-1-regulirovanie-tekhnologiy-iskusst/> (01.03.2026).

25. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года № 94-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (01.03.2026).

26. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июня 2022 года № 429 «Об утверждении Правил отнесения сведений к служебной информации ограниченного распространения и работы с ней». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000429> (01.03.2026).

27. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (01.03.2026).

28. Government of Canada. Algorithmic Impact Assessment tool. URL: <https://www.canada.ca/en/government/system/digital-government/digital-government-innovations/responsible-use-ai/algorithmic-impact-assessment.html> (01.03.2026).

29. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and human rights, democracy and the rule of law. Opened for signature 5 September 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (01.03.2026).

30. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (01.03.2026).

31. OpenAI. March 20 ChatGPT outage: here's what happened. 24 March 2023. URL: <https://openai.com/index/march-20-chatgpt-outage/> (01.03.2026).

32. В Мажилисе презентовали законопроект об искусственном интеллекте // Zakon.kz. 03.03.2025. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6469053-v-mazhilise-prezentovali-zakon-proekt-ob-iskusstvennom-intellekte.html> (01.03.2026).

33. Аксенова Е. «Иностранные мессенджеры не исполняют закон» депутаты предложили навести порядок. Tengrinews.kz. 17.12.2025. Электронный ресурс. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/inostrannyye-messendjeryi-ispolnyayut-zakon-deputaty-588223/ (01.03.2026).

34. OECD Principles on Artificial Intelligence. Adopted 2019 (updated). URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (01.03.2026).

35. Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года № 418-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (01.03.2026).

36. Приказ и. о. Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 9 августа 2024 года № 481/НҚ «Об утверждении Правил осуществления уведомления субъектов персональных данных о нарушении безопасности персональных данных». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034919> (01.03.2026).

37. European Commission. ESPN Flash Report: Netherlands – Childcare Allowance Scandal (Toeslagenaffaire). PDF. URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=24723&langId=en> (01.03.2026).

38. Amnesty International. Xenophobic Machines: Discrimination through unregulated use of algorithms in the Dutch childcare benefits scandal. 2021. PDF. URL: https://www.amnesty.nl/content/uploads/2021/10/20211014_FINAL_Xenophobic-Machines.pdf (01.03.2026).

39. Van Bekkum M., Zuiderveen Borgesius F. Digital welfare fraud detection and the Dutch SyRI judgment. European Journal of Social Security. 2021. DOI: 10.1177/13882627211031257. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13882627211031257> (01.03.2026).

40. Rechtbank Den Haag. (SyRI). 5 March 2020. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI%3ANL%3ARBDHA%3A2020%3A1878> (01.03.2026).

41. Albania appoints AI bot as minister to tackle corruption. Reuters. 11 September 2025. URL: <https://www.reuters.com/technology/albania-appoints-ai-bot-minister-tackle-corruption-2025-09-11/> (01.03.2026).

42. Albanian actor sues government for using her image as “AI minister”. Reuters. 13 February 2026. URL: <https://www.reuters.com/business/media-telecom/albanian-actor-sues-government-using-her-image-ai-minister-2026-02-13/> (01.03.2026).

43. BIRN: How “Diella” was used by the Russian Pravda network to spread disinformation. Balkanweb. 6 February 2026. URL: <https://www.balkanweb.com/en/birn-si-u-perdor-diella-nga-rjeti-rus-pravda-per-te-perhapur-dezinformim/> (01.03.2026).

References:

1. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 6 yanvarya 2026 goda No. 1151 «Ob ob»yavlenii Goda tsifrovizatsii i iskusstvennogo intellekta». URL: <https://www.akorda.kz/ru/ob-obyavlenii-goda-cifrovizatsii-i-iskusstvennogo-intellekta-601222> (01.03.2026).

2. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 31 yanvarya 2026 goda No. 60 «Ob utverzhdenii Plana meropriyatiy po provedeniyu Goda tsifrovizatsii i iskusstvennogo intellekta». URL: https://prg.kz/lawyer/document/?doc_id=36242706 (01.03.2026).

3. Tsifrovoy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 9 yanvarya 2026 goda No. 255-VIII ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255> (01.03.2026).

4. Zakon Respubliki Kazakhstan «Ob iskusstvennom intellekte» ot 17 noyabrya 2025 goda No. 230-VIII ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230> (01.03.2026).

5. Turing A.M. Computing Machinery and Intelligence. Mind. 1950. Vol. 59, No. 236. P. 433-460.

6. Kissindzher G., Shmidt E., Khattenloker D. Iskusstvennyi razum i novaya era chelovechestva. M.: Alpina PRO; 2022.

7. Can AI Be a Fair Judge in Court? Estonia Thinks So // WIRED. 25 March 2019. URL: <https://www.wired.com/story/can-ai-be-fair-judge-court-estonia-thinks-so/> (01.03.2026).
8. Estonian Ministry of Justice. Estonia does not develop AI Judge. 16 February 2022. URL: <https://www.justdigi.ee/en/news/estonia-does-not-develop-ai-judge> (01.03.2026).
9. Treasury Board of Canada Secretariat. Directive on Automated Decision-Making. URL: https://publications.gc.ca/collections/collection_2021/sct-tbs/BT48-31-2021-eng.pdf (01.03.2026).
10. GovInsider. Is it time to say goodbye to 'Ask Jamie'? Inside GovTech's refresh of government chatbots. 13 September 2023. URL: <https://govinsider.asia/intl-en/article/is-it-time-to-say-goodbye-to-ask-jamie-inside-govtechs-refresh-of-government-chatbots> (01.03.2026).
11. Government Digital Service (UK). GOV.UK has entered the Chat: our vision for GOV.UK Chat. 16 December 2025. URL: <https://insidgovuk.blog.gov.uk/2025/12/16/gov-uk-has-entered-the-chat-our-vision-for-gov-uk-chat/> (01.03.2026).
12. OECD. Digital Government Index: 2019 Results. OECD Working Papers on Public Governance. 2020. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2020/10/digital-government-index_cec25265/4de9f5bb-en.pdf (01.03.2026).
13. World Bank. GovTech Maturity Index (GTMI). URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/govtech/gtmi> (01.03.2026).
14. Ministerstvo finansov Respubliki Kazakhstan. Tsifrovoy profil' – novyi instrument povysheniya prozrachnosti i effektivnosti gosudarstvennykh organov. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/minfin/press/news/details/991210?lang=ru> (01.03.2026).
15. Ministerstvo tsifrovogo razvitiya, innovatsii i aerokosmicheskoi promyshlennosti Respubliki Kazakhstan. Otchet o realizatsii Kontseptsii tsifrovoy transformatsii, razvitiya otrasli informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii i kiberbezopasnosti na 2023-2029 gody (otchetnyi period: 2023 god). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=37036172 (01.03.2026).
16. United Nations. E-Government Survey 2024. URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf> (01.03.2026).
17. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). NIST AI 100-1; 2023. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf> (01.03.2026).
18. Obermeyer Z., Powers B., Vogeli C., Mullainathan S. Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations. Science. 2019. Vol. 366(6464). P. 447-453. DOI: 10.1126/science.aax2342.
19. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias. ProPublica. 23 May 2016. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (01.03.2026).
20. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework: Generative Artificial Intelligence Profile. NIST AI 600-1; 2024. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/NIST.AI.600-1.pdf> (01.03.2026).
21. Rakhmetov B., Khaizabekov K. Povedencheskaya biometria v Evropeiskom soyuze: pravovye vyzovy i tekhnologicheskie perspektivy. Journal of Digital Technologies and Law. 2025. T. 3. No. 1. S. 108-124. DOI: 10.21202/jdtl.2025.5. URL: <https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/511> (01.03.2026).
22. Utegen D., Rakhmetov B. Zh. Tekhnologiya raspoznavaniya lits i obespechenie bezopasnosti biometricheskikh dannykh: komparativnyi analiz modelei pravovogo regulirovaniya. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. T. 1. No. 3. S. 825-844. DOI: 10.21202/jdtl.2023.36. URL: https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/247?locale=ru_RU (01.03.2026).
23. Dempsey J.X. Artificial Intelligence: An Introduction to the Legal, Policy and Ethical Issues. Berkeley: Berkeley Center for Law & Technology; 2020. URL: https://www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2020/08/Artificial-Intelligence-An-Introduction-to-the-Legal-Policy-and-Ethical-Issues_JXD.pdf (01.03.2026).

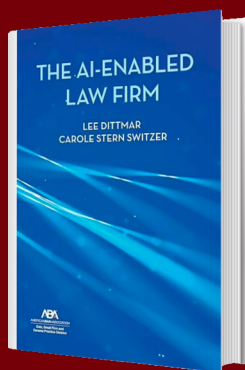
24. Begishev I.R., Shutova A.A. Regulirovanie tekhnologii iskusstvennogo intellekta: stolknovenie etikizakona. Lobbirovanie v zakonodatel'stve. 2025. T. 4. No. 1. S. 21-28. DOI: 10.33693/2782-7372-2025-4-1-21-28. URL: <https://www.urvak.ru/articles/lo-6275-vypusk-1-regulirovanie-tekhnologiy-iskusst/> (01.03.2026).
25. Zakon Respubliki Kazakhstan «O personal'nykh dannykh i ikh zashchite» ot 21 maya 2013 goda No. 94-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094> (d01.03.2026).
26. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 24 iyunya 2022 goda No. 429 «Ob utverzhdenii Pravil otneseniya svedenii k sluzhebnoi informatsii ogranichenного rasprostraneniya i raboty s nei». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000429> (01.03.2026).
27. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng> (01.03.2026).
28. Government of Canada. Algorithmic Impact Assessment tool. URL: <https://www.canada.ca/en/government/system/digital-government/digital-government-innovations/responsible-use-ai/algorithmic-impact-assessment.html> (01.03.2026).
29. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and human rights, democracy and the rule of law. Opened for signature 5 September 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (01.03.2026).
30. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (01.03.2026).
31. Open AI. March 20 ChatGPT outage: here's what happened. 24 March 2023. URL: <https://openai.com/index/march-20-chatgpt-outage/> (01.03.2026).
32. V Mazhilise prezentovali zakonoproekt ob iskusstvennom intellekte. Zakon.kz. 03.03.2025. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6469053-v-mazhilise-prezentovali-zakonoproekt-ob-iskusstvennom-intellekte.html> (01.03.2026).
33. Aksenova E. «Inostrannye messendzhery ne ispolnyayut zakon» – deputaty predlozhili navesti poryadok. Tengrinews.kz. 17.12.2025. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/inostrannye-messendzhery-ispolnyayut-zakon-deputaty-588223/ (01.03.2026).
34. OECD Principles on Artificial Intelligence. Adopted 2019 (updated). URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (01.03.2026).
35. Zakon Respubliki Kazakhstan «Ob informatizatsii» ot 24 noyabrya 2015 goda No. 418-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (01.03.2026).
36. Prikaz i.o. Ministra tsifrovogo razvitiya, innovatsii i aerokosmicheskoi promyshlennosti Respubliki Kazakhstan ot 9 avgusta 2024 goda No. 481/NK «Ob utverzhdenii Pravil osushchestvleniya uvedomleniya subektov personal'nykh dannykh o narushenii bezopasnosti personal'nykh dannykh». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034919> (01.03.2026).
37. European Commission. ESPN Flash Report: Netherlands – Childcare Allowance Scandal (Toeslagenaffaire). PDF. URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=24723&langId=en> (01.03.2026).
38. Amnesty International. Xenophobic Machines: Discrimination through unregulated use of algorithms in the Dutch childcare benefits scandal. 2021. PDF. URL: https://www.amnesty.nl/content/uploads/2021/10/20211014_FINAL_Xenophobic-Machines.pdf (01.03.2026).
39. Van Bekkum M., Zuiderveen Borgesius F. Digital welfare fraud detection and the Dutch SyRI judgment. European Journal of Social Security. 2021. DOI: 10.1177/13882627211031257. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13882627211031257> (accessed: 01.03.2026).
40. Rechtbank Den Haag (SyRI). 5 March 2020. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI%3ANL%3ARBDHA%3A2020%3A1878> (01.03.2026).
41. Albania appoints AI bot as minister to tackle corruption. Reuters. 11 September 2025. URL: <https://www.reuters.com/technology/albania-appoints-ai-bot-minister-tackle-corruption-2025-09-11/> (01.03.2026).

42. Albanian actor sues government for using her image as «AI minister». Reuters. 13 February 2026. URL: <https://www.reuters.com/business/media-telecom/albanian-actor-sues-government-using-her-image-ai-minister-2026-02-13/> (01.03.2026).

43. BIRN: How “Diella” was used by the Russian Pravda network to spread disinformation. Balkanweb. 6 February 2026. URL: <https://www.balkanweb.com/en/birn-si-u-perdor-diella-nga-rrjetir-rus-pravda-per-te-perhapur-dezinformim/> (01.03.2026).

Для цитирования и библиографии: Утеген Д., Балахмет А. Искусственный интеллект в государственном управлении Казахстана: защита персональных данных и механизмы предотвращения подрыва общественного доверия // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 6-18. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_6

Материал поступил в редакцию 14.03.2026

НОВЫЕ КНИГИ

Lee Dittmar, Carole Stern Switzer. The AI-Enabled Law Firm. American Bar Association. 2026. – 328 p.

ISBN-13: 978-1639057160

Planning for the effective integration and management of AI within a global law firm or corporate legal department represents a significant commitment – one that will undoubtedly consume substantial time, resources, and ongoing attention from leadership. This investment may initially appear as an unwelcome expansion of non-billable overhead, leading some to question its value proposition against traditional legal service delivery models. However, this planning process is not merely advisable but essential in a legal landscape where technological

adaptation has become a competitive necessity rather than a discretionary advantage.

The considered implementation of AI governance frameworks, training programs, and ethical guidelines serves multiple critical functions: It mitigates potentially severe regulatory, liability, and reputational risks that could arise from unstructured AI adoption; it creates the foundation for more efficient legal operations that will ultimately enhance client value; and it positions the organization to thrive amid unprecedented technological disruption that is already transforming client expectations, competitor capabilities, and the fundamental economics of legal practice. What may seem like an administrative burden today represents the scaffolding upon which tomorrow's successful legal enterprises will be built.

ИНКЛЮЗИВ БІЛІМ БЕРУ КОНТЕКСІНДЕ АРНАЙЫ МЕКТЕПТЕРДІҢ РӨЛІН ҚАЙТА ПАЙЫМДАУДАН ТУЫНДАЙТЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ КОЛЛИЗИЯЛАР

Н. САЙРАНҚЫЗЫ, Maqсут Narikbayev University «Жоғары құқық мектебі» докторанты (Қазақстан Республикасы, Астана қ.), e-mail: nazym.sayrankyzy@gmail.com

Инклюзив білім беру халықаралық құқықта тек прогрессивті педагогикалық тұжырымдама ретінде ғана емес, сонымен қатар «Мүгедектер құқықтары туралы» Конвенцияның ережелерінен туындайтын және мүгедектігі бар адамдардың білім алу құқығының мазмұнын айқындайтын заңды тұрғыдан міндетті стандарт. Қазақстан Республикасы бұл Конвенцияны 2015 жылы ратификациялаған сәттен бастап, оның 24-бабын жүзеге асыру арқылы мүгедектігі бар балаларды қоса алғанда, барлық оқушылар үшін сапалы жалпы білім беруге тең қолжетімділікті қамтамасыз ету жөніндегі халықаралық міндеттемелерді алды. Алайда осы Конвенцияның аталған бабын орындауға бағытталған халықаралық мониторинг пен қысымның артуымен арнайы білім беру ұйымдарының рұқсат етілуіне қатысты құқықтық және институционалдық тұрғыдан қарама-қайшылықтар сақталып отыр. Бұл өз кезегінде ұлттық тәжірибенің бірізді болмауына және ғылыми қауымдастықтағы пікірталастардың жалғасуына әкелуде. Зерттеудің мақсаты арнайы мектептердің құқықтық мәртебесі мен олардың трансформациялық әлеуетін зерделеу. Зерттеудің әдіснамалық негізін 2016 жылғы № 4 Жалпы түсіндірме мен 2024 жылы Қазақстанға қатысты «Мүгедектер құқықтары жөніндегі» комитеттің қорытынды ескертулерін және ғылыми-эксперттік қауымдастықта қалыптасқан көзқарастарды сыни тұрғыдан қайта пайымдауды қамтитын салыстырмалы-құқықтық талдау құрайды. Зерттеудің ғылыми жаңашылдығы автордың арнайы мектептерді инклюзив модельге көшу кезеңінде икемді құқықтық реттеуді қажет ететін өтпелі институционалдық тетік ретінде қарастыруды ұсынуында. Халықаралық стандарттардың әмбебаптығы, баланың және отбасының білім беру ортасын таңдауға қатысу құқығы мен мемлекеттің институционалдық дайындығы арасындағы құқықтық тепе-теңдік жаңа қырынан талданып, түсіндірме ұсынылады. Халықаралық міндеттемелер мен ұлттық жүзеге асыру тәжірибесі арасындағы қайшылықтарды ескере отырып, бала мүддесінің жоғары тұруы, білім беру жүйесінің институционалдық инклюзивтілігін қамтамасыз етуді және отбасылардың білім саясатына қатысу тетіктерін күшейтуді ескере отырып, норматив ұстанымдарды қайта қарау қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: инклюзив білім беру, арнайы мектептер, инклюзия, сапалы білім, мүмкіндігі шектеулі балалар, Мүгедектер құқықтары туралы конвенция, сегрегация, интеграция, білім алу құқығы.

Кіріспе

Ғылыми ортада «инклюзив білім алу арнайы білім беру формаларын (арнайы мектептер, үйде оқу) толықтай алмастыруы тиіс пе, әлде олар бейімделген және икемді білім беру жүйесінің құрамдас бөлігі ретінде қатар дамуы мүмкін бе» деген сұраққа қатысты бірыңғай тұжырым жоқ. Қазіргі таңда «Мүгедектер құқықтары туралы» конвенциясына 192 мемлекет пен Еуропалық Одақ ресми түрде қосылған және қатысушы мемлекеттер үшін орындалуы міндетті нормаларды қамтиды. Дегенмен, мемлекеттер білім берудегі инклюзияға қатысты оң саясатты ұстанып, заңнамаларына енгізгенімен, іс жүзінде кейбір міндеттердің орындалмауы байқалады. Оған мүгедектер құқықтарын қорғау жөніндегі Комитет (ары қарай – Комитет) өз ескертулері мен қорытындыларында үнемі назар аударады [1]. Сол мәселелердің бірі дамуында күрделі және бірнеше ауытқулары бар балалардың білім алуға қолжетімділігін қамтамасыз етуге қатысты.

Арнайы білім беру ұйымдары – оқу үдерісінде тұрақты қиындықтарға тап болатын балаларды оқыту, тәрбиелеу және қоғамға бейімдеуге бағытталған білім беру құрылымдары. Бұл мекемелердің қызметі арнайы педагогика саласымен тығыз байланысты. Тарихи тұрғыдан алғанда, арнайы білім беру идеясы Еуропада XVII ғасырда пайда болып, кейіннен көру, есту, сөйлеу, ақыл-ой және тірек-қимыл аппараты бұзылған балаларға арналған бағыттар бойынша дамыды [2]. Кеңес Одағы кезеңінде арнайы мектептердің типологиясы енгізіліп, мүгедектігі бар балаларды даму ерекшеліктеріне қарай жіктеп оқыту тәжірибесі қалыптасты. Бұл жүйе медициналық модельге негізделіп, балаларды жалпы білім беру жүйесінен оқшаулауды көздеді [3]. Сонымен, XVIII ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында мүгедектік «түзетілуі тиіс кемістік» ретінде қарастырылып, арнайы мектептерде көбіне күтімге басымдық берілді.

Алайда, қазіргі таңда инклюзив білім беру бүгінде тек педагогикалық немесе әлеуметтік құбылыс қана емес, халықаралық құқықпен бекітілген негізгі адам құқығы ретінде қарастырылады. Инклюзив білім алу құқығы халықаралық құқықтағы адам құқықтары саласындағы прогрессивті жетістіктердің бірі ретінде танылып отыр [4]. Мүгедектікті жеке адамның кемшілігі ретінде қарастырып, оны емдеу мен түзетуді ғана көздейтін көзқарас керісінше өз құқықтарын жүзеге асыру барысында әлеуметтік ортадағы тосқауылдар, кедергілерді жоюды басты мақсат етіп қоятын ұстаным алмастырды. Инклюзив білім алу «қайырымдылық» емес, толық жүзеге асуы тиіс адамның негізгі құқықтарының бірі ретінде мойындалды [5]. Сондықтан инклюзив білім беру қазіргі заманның білім беру саясаты мен халықаралық құқық саласындағы негізгі ұғымдардың біріне айналып отыр.

2006 жылы Біріккен Ұлттар Ұйымы (ары қарай – БҰҰ) қабылдаған «Мүгедектер құқықтары туралы» Конвенцияның (ары қарай – Конвенция) 24-бабында бекітілген. Нақтырақ айтсақ, қатысушы мемлекеттердің барлық деңгейде инклюзив білім беру жүйесін құру міндеті белгіленіп, мүгедектігі бар білім алушыларды сапалы білімге тең қолжетімділігін қамтамасыз ету, жалпы мектептерде қажетті қолдау көрсету және олардың қоғам өміріне толыққанды қатысуына жағдай жасау халықаралық міндеттемелердің мазмұны ретінде нақтыланды [6]. Осылайша, Конвенция аясында алғаш рет тек білімге қолжетімділікті қамтамасыз ету міндеті ғана емес, сонымен қатар білім беру жүйесін құрылымдық әрі мазмұндық тұрғыдан инклюзия қағидасына негіздеп түбегейлі қайта құру мақсаты нақтыланды.

Алайда, инклюзив білім беруді түсіндіру мен жүзеге асыру барысында бірқатар даулы мәселелер туындайды. Тәжірибеде Конвенцияны ратификациялаған көптеген елдерде арнайы мектептер сақталуда, ал кейбірінде олардың саны тіпті артуда [7]. Бұл жағдай инклюзив білім беруді толық енгізу мүмкін бе, әлде арнайы мектептер бейімделген жүйенің құрамдас бөлігі ретінде қатар өмір сүруі тиіс пе деген пікірталасты күшейтті.

Біріншіден, арнайы мектептердің қазіргі білім беру жүйесіндегі рөліне қатысты қайшылық байқалады. Халықаралық деңгейде арнайы мектептердің сақталуы сегрегация тәжірибесі ретінде сыналып, олардың санын қысқарту қажеттігі айтылса, ұлттық тәжірибеде олар ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларға бейімделген орта, мамандандырылған қолдау және сапалы білім ұсынатын маңызды институт ретінде қарастырылады. Бұл жағдай халықаралық стандарттар мен ата-ана баласының білім алу ортасын таңдау құқығы арасындағы қайшылықты айқындайды. Мысалы, 2024 жылы БҰҰ Мүгедектер құқықтары жөніндегі комитеті Қазақстанға қатысты қорытынды ескертулерінде балаларды арнайы мектептерге бағыттау тәжірибесін сынға алды [8]. Оған себеп халықаралық міндеттемелерге қарамастан, арнайы жалпы білім беру ұйымдары контингентінің соңғы бес жылдағы динамикасы Қазақстанда бұл мекемелердің әлі де маңызды білім беру институты ретінде сақталып отырғанын көрсетеді. Егер 2020 жылы арнайы мектептерде 14 989 оқушы білім алса, 2024 жылы олардың саны 16 330-ға жетіп, шамамен 8,9%-ға өскен [9]. Бұл деректер инклюзив білім беруді дамыту жөніндегі ұлттық саясатқа қарамастан, арнайы мектептердің оқушы контингенті қысқармай, керісінше тұрақты өсімге ие екенін дәлелдейді. Бұл сынның мазмұны елдегі білім беру жүйесіндегі сегрегациялық үрдістердің әлі де сақталатынын көрсетеді. Әсіресе, Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрлігіне қарасты медико-әлеуметтік интернаттар сияқты мекемелердің қызметі күтім мен оңалтуға басымдық беретіндіктен, балаларды жалпы білім беру жүйесінен оқшаулаудың бір көрінісі ретінде қарастыруға болады. Осы тұрғыдан алғанда, Комитеттің ескертулері тек арнайы мектептерді ғана емес, сондай-ақ инклюзив білім беру жүйесіне

кірмейтін медициналық-әлеуметтік мекемелерді де қамтуы мүмкін. Екіншіден, қазіргі заманда білім беру саласындағы инклюзия ұғымына қатысты құқықтық нақтылық жоқ. Конвенцияда оның нақты анықтамасы берілмегендіктен, инклюзив білім беруді кейбір зерттеушілер барлық балаларды жалпы мектепке толық енгізу ретінде қарастырса, басқалары оны арнайы мектептерді де қамтитын білім беру қызметтерінің континуумын құрумен байланыстырады [10]. Әсіресе, ауыр және күрделі мүгедектігі бар балалардың білім алу құқықтарына қатысты ұлттық заңнамалар мен халықаралық міндеттемелер арасында үйлесім жоқ. Мұндай әртүрлі түсіндірулер құқықтық және педагогикалық тұрғыдан бірыңғай ұстанымның қалыптасуына кедергі келтіруде.

Осылайша, мақаланың басты мақсаты – қазіргі заманғы инклюзив білім беру жағдайында арнайы мектептердің орны мен рөліне құқықтық талдау жасап, мүгедектігі бар орта білім оқушыларының сапалы білім алу құқықтарын тиімді жүзеге асыру жолдарын айқындау. Бұл ретте зерттеу халықаралық және ұлттық құқықтық нормаларды салыстыра отырып, құқықтық қайшылықтарды анықтауға және оларды еңсерудің оңтайлы тетіктерін ұсынуға бағытталады.

Материалдар мен әдістер

Білімге тең қолжетімділік қағидасы іргелі халықаралық құқықтық құжаттарда бекітілген. Олардың қатарында «Адам құқықтарының жалпыға бірдей декларациясы», «Білім беру саласындағы кемсітушілікке қарсы» Конвенцияда, «Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы» халықаралық пакт және «Бала құқықтары» туралы Конвенция. Осы орайда атап өтетін жайт, білім беру саласында мүгедектікке қатысты кемсітуге тыйым салу туралы норма «Бала құқықтары туралы» Конвенцияда алғаш бекітілді [11]. Оған дейінгі құжаттарда жалпы ережелер болғанымен, нақты мүгедектікке қатысты кемсітпеу қағидасы нақтыланбаған. Ал осал топтағы білім алушылардың құқықтарын қорғауға бағытталған негізгі ережелер 1994 жылы қабылданған Саламанка декларациясы және іс-қимыл шеңберінде айқындалып, білім беру саласында «инклюзия» тұжырымдамасы қалыптасты [12]. 2006 жылы БҰҰ «Мүгедектер құқықтары туралы» Конвенциясының қабылдануы инклюзив білім беру саясатын жүзеге асыру қатысушы мемлекеттердің міндеті ретінде бекітілді. Бұл білім алу құқығын ғылыми тұрғыда зерделеудің жаңа кезеңін бастап берді.

Қазақстан Конвенцияны 2015 жылы ратификациялап, халықаралық міндеттемелерді орындау мақсатында ұлттық заңнаманы кезең-кезеңімен үйлестіруді жүзеге асырып келеді. 2002 жылы қабылданған «Кемтар балаларды әлеуметтік және медициналық-педагогикалық түзеу арқылы қолдау туралы» заң ерекше білім беруді қажет ететін балаларды қолдау жүйесінің алғашқы құқықтық негізін қалады [13]. 2011 жылы «Білім туралы» заңға «инклюзив білім беру» ұғымының енгізілуі инклюзияны заңнамалық деңгейде айқындаудың маңызды кезеңі болды [14]. Кейін 2014 жылы «Қазақстан Республикасында инклюзивті білім беруді одан әрі дамыту жөніндегі 2015–2020 жылдарға арналған шаралар кешені» және 2015 жылы «Инклюзив білім беруді дамытудың тұжырымдамалық тәсілдері» қабылданды. 2021 жылы «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне инклюзив білім беру мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Заңның [15] қабылдануы маңызды құқықтық қадам болды. Оның негізінде бірнеше заңнамаға түзетулер енгізіліп, инклюзив білім беруді медициналық үлгіден әлеуметтік-педагогикалық модельге көшірудің құқықтық негіздері қаланды. Бұдан басқа, 2023–2029 жылдарға арналған білім беруді дамыту тұжырымдамасында білім беру ұйымдарында инклюзив орта қалыптастыру, ерекше білім беруді қажет ететін балаларға психологиялық-педагогикалық қолдау тетіктерін кеңейту және сапалы білімге тең қолжетімділікті қамтамасыз ету міндеттері белгіленді. 2024 жылғы 30 желтоқсанда қабылданған ҚР Үкіметінің «Қазақстан Республикасында 2025–2030 жылдарға арналған инклюзив саясат тұжырымдамасы» Қазақстанның бұл саладағы үдемелі бағытын айқындап, инклюзив білім беру құқығын қамтамасыз етуді мемлекеттік саясаттың басым бағыттарының бірі ретінде бекітті [16]. Осылайша, елімізде ерекше білім беруді қажет ететін балаларды жалпы білім беру жүйесіне енгізу жөніндегі нақты шаралар жүзеге асырылуда.

Мақалада теориялық-құқықтық және салыстырмалы-құқықтық талдау әдістері қолданылды. Бұл тәсілдер арнайы мектептердің құқықтық табиғатын, олардың білім алу құқығын қамтамасыз етудегі рөлін ашуға мүмкіндік береді.

Нәтижелер

Зерттеу көрсеткендей, инклюзив білім берудің қалыптасу эволюциясы халықаралық деңгейде бірізді дамығанымен, ұлттық тәжірибеде қайшылықтар сақталуда. 1994 жылғы Саламанка декларациясы және «Ерекше білім беру қажеттілігі бар тұлғаларды оқыту жөніндегі іс-қимылдар шеңбері» инклюзив білім берудің қазіргі заманғы түсінігін қалыптастырған маңызды халықаралық құжат саналады. Декларацияның негізгі идеясы «баршаға арналған мектептер» қағидатын орнықтыру. Бұл қағида жалпы мектептерді ерекше білім беру қажеттілігі бар балаларды қоса алғанда, барлық балалар үшін білім алу құқығын жүзеге асыратын басты институт ретінде айқындайды. Құжатта барлық балалардың бірге оқуы кемсітуді болдырмау, толерантты қоғам құрудың және білім беру жүйесінің тиімділігін арттырудың қолайлы тетігі екендігі көрсетіледі [12]. Осы тұрғыдан алғанда, инклюзия білім беру мазмұны мен құрылымын өзгертуді талап ететін құқықтық стандарт ретінде танылады. Аталған декларация арнайы мектептердің рөлін түбегейлі жоққа шығармайды, керісінше оларды өтпелі кезеңде қосалқы институт ретінде қарастырады. Мұнда арнайы мектептер белгілі бір жағдайларда, яғни жалпы мектеп баланың жеке оқу қажеттілігін қамтамасыз ете алмайтын немесе басқа оқушылардың құқықтары мен мүдделеріне зиян келтіретін кезде ғана пайдаланылуы тиіс екені көрсетілген. Сонымен қатар, арнайы мектептерді кәсіби қолдау орталықтары ретінде дамыту, кадрларды даярлау және жалпы мектептерді әдістемелік тұрғыдан қамтамасыз ету қажеттілігі де ерекше атап өтіледі. Декларацияда әрбір баланың жеке ерекшеліктерін ескере отырып, толық инклюзиядан бастап арнайы қолдау көрсетуге дейінгі икемді білім беру жүйесін құруды көздейді. Осылайша, арнайы мектептер оқшау жүйенің бөлігі емес, инклюзив білім беруді толықтыратын және қолдайтын элемент ретінде түсіндіріледі.

1993 жылғы «Мүгедектер үшін тең мүмкіндіктерді қамтамасыз ету жөніндегі стандартты ережелерде» өтпелі кезеңде арнайы мектептердің көмекші рөл атқара алатыны мойындалса [17], 2006 жылы қабылданған «Мүгедектер құқықтары туралы» конвенциясының 24-бабы мемлекеттерге барлық деңгейде инклюзив білім беруді қамтамасыз етуді міндеттейді [6]. Арнайы мектептер мәтінде тура аталмағанымен, мүгедектігі бар балаларды жалпы білім беру жүйесінен шеттетуге тыйым салынып, олардың қажеттіліктеріне сай «ақылға қонымды бейімдеу» шаралары қарастырылған. 2016 жылғы № 4 Жалпы түсіндірмеде жалпы және арнайы жүйелерді қатар сақтау Конвенция қағидаттарына қайшы екендігі көрсетіліп, мұндай тәжірибе сегрегация мен стигматизацияны күшейтетіні атап өтілді [18]. Дегенмен, өтпелі кезеңде арнайы мектептерді толық жою емес, оларды ресурстық орталықтар мен әдістемелік қолдау базасына айналдыру ұсынылады. Конвенцияның 24-бабын жүзеге асыру барысында мемлекеттердің міндеттемелері нақты құқықтық кепілдіктер арқылы айқындалған. Біріншіден, мүгедектігі бар тұлғаларды жалпы білім беру жүйесінен, ал мүгедектігі бар балаларды тегін әрі міндетті бастауыш және орта білімнен шеттетуге тыйым салынады. Бұл норма сегрегациялық тәжірибелерге жол бермеуді көздейді. Екіншіден, мемлекеттер мүгедектігі бар балаларға тұрғылықты жерінде өзге оқушылармен тең дәрежеде инклюзив, сапалы және тегін бастауыш пен орта білімге қолжетімділікті қамтамасыз етуге міндетті. Үшіншіден, олардың әрқайсысының жеке қажеттіліктерін ескеретін ақылға қонымды бейімдеу шаралары ұсынылуы тиіс. Төртіншіден, қажетті қолдау жалпы білім беру жүйесінің ішінде көрсетілуі қажет, бұл арнайы оқшауланған институттарға емес, жалпы мектептердің әлеуетіне сүйенуді білдіреді. Бесіншіден, білім беру үдерісі барынша қолайлы ортада ұйымдастырылып, оқушының әлеуметтік дамуымен қатар білім алуын қамтамасыз ететін жекелеңдірілген қолдау тетіктері іске асырылуы тиіс. Конвенцияның талаптары мүгедектігі бар балалардың сапалы білім алу құқығын жалпы білім беру жүйесінің аясында толық жүзеге асыруды көздейтін құқықтық стандарттарды белгілейді. Осылайша, құқықтық талдау арнайы мектептердің дәстүрлі оқшауланған мәртебесін шектеу, оларды білім беру континуумына кіріктіру және инклюзив жүйеге бейімдеу қажеттігін көрсетеді. Бұл тәсіл Конвенцияның түпкі мақсаты барлық балалардың тең әрі сапалы білім алу құқығын толық жүзеге асырудың негізгі шарты болып саналады.

Қазақстан заңнамасына сәйкес, арнайы мектептер білім беру жүйесінің құрамына енеді және ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалардың дамуына жағдай жасауға бағытталған. Бұл мектептер оқушылардың психофизикалық ерекшеліктерін ескеріп әзірленген оқу бағдарламаларын жүзеге асырады. Негізгі мақсаты – оқу процесін бейімдеу арқылы баланың білім алу құқығын қамтамасыз ету, дамуындағы ауытқуларды түзету және әлеуметтік бейімделуіне қолдау көрсету.

Арнайы мектептер инклюзив білім беру саясаты аясында да өз рөлін сақтайды, алайда оларды өзгешелейтін басты белгі түзете-дамыту (коррекция) компонентінің басымдығында. Қазақстан Республикасының орта білім беру жүйесінде арнайы мектептер көру, есту, сөйлеу және тірек-қимыл аппараты бұзылған, бірақ зияты сақталған білім алушыларға арналған бейімделген білім беру бағдарламаларын жүзеге асырады. Алайда, арнайы мектептердегі білім беру сапасын бағалауға қатысты бірқатар жүйелік мәселелер сақталуда. Атап айтқанда, білім сапасының тәуелсіз мониторингі толыққанды жүргізілмейді. Бұл түлектердің оқу нәтижелерінің жалпы білім беру стандарттарынан айтарлықтай қалып қоюына әкелуде. Көптеген оқушылар мектепті аяқтағаннан кейін орта арнаулы білім беру ұйымдарына қабылданғанымен, олардың елеулі бөлігі оқуын аяқтамайды. Соңғы үш жыл ішінде Қазақстандағы балалар арасындағы мүгедектік деңгейі 11,4 пайызға өскені тіркелген, бұл динамика әсіресе 7–18 жас аралығындағы жас топтарында ерекше байқалады. 2024 жылғы ресми статистикалық деректерге сәйкес, мектеп жасындағы мүгедектігі бар балалар саны 70 мыңнан асып отыр. Алайда инклюзивті және арнайы білім беру мекемелерін аяқтаған түлектер саны бар болғаны 5000-ға жуық, бұл көрсеткіш ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалардың білім алу мүмкіндіктеріне қатысты жүйелік қиындықтардың сақталып отырғанын көрсетеді [19]. Қазақстанның кейбір өңірлерінде мүмкіндігі шектеулі балаларды жалпы білім беретін мектептерге қосу мәселесі әлі де өзекті болып отыр. Бұл жағдай қоршаған ортаның жеткілікті бейімделмеуімен, қоғамдағы теріс көзқарастармен және төзімділіктің төмен деңгейімен байланысты [20].

Құқықтық талдау нәтижелері Қазақстанның инклюзив білім беру саласындағы халықаралық міндеттемелері мен ұлттық практикасы арасында елеулі алшақтық бар екенін көрсетеді. Атап айтқанда, білім беру саласында сегрегация тек институционалдық деңгейде ғана емес, оқу бағдарламаларының мазмұны мен құрылымында да көрініс табуда [22]. Бұл жағдай ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалардың тең дәрежеде сапалы білім алу құқығының шектелуіне әкеліп отыр. Мәселен, зияткерлік бұзылыстары бар балалар үшін Қазақстанда төрт деңгейлі жіктеу жүйесі қолданылады: жеңіл, орташа, ауыр және терең. Жеңіл деңгейдегі оқушылар бейімделген базалық оқу бағдарламалары бойынша оқытылады, ал орташа деңгейдегі балалар үшін дараланған оқу жоспарлары әзірленеді. Алайда, ауыр және терең зияткерлік бұзылыстары бар балалар білім беру жүйесінің шеңберінен тыс қалып, формалды түрде қамтылмаған санатқа айналып отыр. Бұл олардың білім алу құқығының іс жүзінде жүзеге аспай отырғанын айғақтайды. Бұл санаттағы балалардың басым бөлігі білім алу құқығын іс жүзінде жүзеге асыра алмайды, себебі олар медициналық-әлеуметтік мекемелерге жіберіледі. Мұндай мекемелер ұйымдастырушылық және функционалдық тұрғыдан денсаулық сақтау жүйесіне кіреді. Олардың негізгі мақсаты күтім мен оңалту, ал білім беру процесі екінші кезекке қойылады немесе мүлдем қарастырылмайды. Соның нәтижесінде ең осал санаттағы балалар білім беру жүйесінен шеттетіліп, қажетті психологиялық-педагогикалық қолдаудан айырылып отыр. Осыған байланысты, білім алу құқығын қамтамасыз ету мен психологиялық-педагогикалық қолдау көрсету міндеті білім беру жүйесіне, атап айтқанда Қазақстан Республикасының Оқу-ағарту министрлігіне жүктелуі тиіс. Тек білім беру саласының құзыреті аясында барлық балаларды оқу процесіне қосу, білім беру сапасын бақылау тетіктерін енгізу және арнайы мектеп түлектерінің білім алууды жалғастыру құқығын тең негізде жүзеге асыруға мүмкіндік беретін құқықтық және институционалдық механизмдерді әзірлеу мүмкін. Салыстырмалы құқықтық талдау көрсеткендей, бұл мәселе халықаралық тәжірибеде де өзекті. Мысалы, Германияда ауыр бұзылыстары бар балаларға арналған арнайы мектептер жүйесі сақталғанымен, «қолдау мектептері» (Förderschulen) моделі енгізіліп, инклюзияға кезең-кезеңімен өту қамтамасыз етіледі [23]. Ирландияда жалпы білім беру мектептерінде арнайы сыныптар құру тәжірибесі кеңінен қолданылуда, бұл балаларды оқшауламай қолдау көрсетудің тиімді тетігі ретінде қарастырылады [24]. Ал Финляндияда «баршаға арналған мектеп» тұжырымдамасы негізінде арнайы мектептер ресурс орталықтарына трансформацияланып, жалпы білім беретін мектеп мұғалімдеріне әдістемелік және педагогикалық көмек көрсетуді қамтамасыз етеді [25].

Талқылау

Конвенция қабылданғанға дейін, 1993 жылы БҰҰ Бас Ассамблеясы бекіткен «Мүгедектер үшін тең мүмкіндіктерді қамтамасыз ету жөніндегі стандартты ережелер» мүгедектердің, соның ішінде

білім беру саласындағы құқықтарына бірыңғай көзқарас қалыптастыруға бағытталған халықаралық құжат болып саналды. Ережелерде жалпы мектепте білім беруге көшу қажеттілігі мойындалғанымен, өтпелі кезеңде арнайы мектептердің көмекші рөл атқарып, оқушыларды жалпы білім беру жүйесінде оқуға дайындауға ықпал ететіні атап өтілді. Құжат мазмұнынан арнайы білім беруді тұрақты шешім ретінде қарастыруға болмайтыны, керісінше оның мақсаты оқушыларды жалпы білім беру жүйесінде оқуға бейімдеу екені айқын көрінеді. Атап айтса, ереженің 6.8 тармағында «Жалпы мектептегі білім беру жүйесі барлық мүгедектердің қажеттіліктерін тиісті түрде қанағаттандырмаған жағдайларда, арнайы оқытуды қарастыруға болады.... арнайы білім берудің сапасы жалпы білім берудің стандарттары мен талаптарына сәйкес келуі тиіс әрі онымен тығыз байланыста болуы қажет. Ең төменгі талап білім беру ресурстарын мүгедектігі бар және жоқ оқушылар арасында тең бөлу» деп көрсетілген [17]. Сонымен қатар, кейбір жағдайларда арнайы білім беру жекелеген санаттағы мүгедектігі бар оқушылар үшін ең қолайлы нысан ретінде мойындалуы мүмкін екені де айтылды. Осыған ұқсас БҰҰ Комитеті де егер толық инклюзив білім беруді қысқа мерзімде жүзеге асыру мүмкін болмаса, мемлекеттер білім беру қызметтерінің үздіксіздігін және балама бағдарламаларды қамтамасыз етуі тиіс екенін атап өтті. Бұл көзқарас инклюзив білім беруді дамытудағы әр елдің дайындық деңгейі әртүрлі екенін ескеретін тәсіл еді. Бұдан бөлек, Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар жөніндегі Комитет өзінің № 13 Жалпы түсіндірмесінде «кейбір жағдайларда жекелеген білім беру жүйелері немесе мекемелер Халықаралық пакт ережелерін бұзу ретінде қаралмауы мүмкін» деп мойындады [26].

Конвенция бойынша келіссөздерде мүгедектігі бар адамдарға арналған білім беру жүйесінің қалай ұйымдастырылуы тиіс екеніне қатысты көптеген пікірталастар орын алды. Бір тарап арнайы және жалпы білім берудің қатар даму мүмкіндігін қолдап, бұл ауыр сенсорлық бұзылыстары бар балалардың жеке қажеттіліктерін ескеруге мүмкіндік береді деп таныды. Екінші тарап негізгі бағдар инклюзив жалпы білім беру жүйесі болуы тиіс деп талап етіп, онда арнайы қолдау шаралары, соның ішінде «ақылға қонымды бейімдеу» енгізілуі қажет екенін айтты [27]. Сегіз сессиядан кейін 2006 жылғы 13 желтоқсанда Бас Ассамблея Конвенцияны қабылдап, мүгедектігі бар адамдардың білім алу құқығын түпкілікті тұжырымдады. Конвенцияның 24-бабында «мемлекеттер инклюзив білім беру жүйесін барлық деңгейде және өмір бойы оқытуды қамтамасыз етеді» деп көрсетілген. Аталған мәселе 2014 жылы БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі кеңесінің қарарының нысанына айналды [28]. 2016 жылы Комитет қабылдаған № 4 Жалпы түсіндірмеде екі параллель жүйені (жалпы және арнайы) қатар ұстау Конвенцияға қайшы екені айқын айтылды. Комитет мемлекеттерге ресурстарды арнайы мекемелерден инклюзив мектептерге қайта бөлуге кеңес берді. Дегенмен, құжат нақты іске асыру тетіктерін, мерзімдерін немесе мониторинг әдістерін ұсынған жоқ, себебі әрбір мемлекеттің білім беру жүйесі, бастапқы жағдайы және ресурстық мүмкіндіктері әртүрлі. Жалпы түсіндірменің 66-тармағында: «... Деинституционализация процесін күту барысында арнайы мекемелерге орналастырылған адамдарға инклюзив білім алуға дереу қол жеткізу қамтамасыз етілуі тиіс» делінген [21]. Бұл тұрғыда, әсіресе Қазақстандағыдай өтпелі кезеңде, қажетті жағдайлары мен мамандары бар арнайы мектептен баланы бейімделмеген жалпы мектепке көшіру инклюзия қағидаттарына сәйкес келмейді. Мұндай формалды тәсіл жасырын кемсітушілікке әкелуі мүмкін, өйткені жағдай жасалмаған ортаға формалды түрде қабылданған баланың сапалы білім алу құқығы шектеледі. Комитет өз қорытынды ескертулерінде арнайы мектептердің сақталуы Конвенция талаптарына сәйкес келмейтінін атап өтті. Негізгі проблемалар қатарында сегрегациялық білім берудің сақталуы, балалардың арнайы мектептерге жіберілу тәжірибесінің жалғасуы, ерекше білім беруді қажет ететін балалардың жалпы мектептерде жеткіліксіз қамтылуы және арнайы білім беру ортасының сақталуы көрсетілді.

Конвенция жобасының бастапқы нұсқасында баланың қажеттіліктері жалпы білім беру жүйесінде қанағаттандырылмаған жағдайда баламалы білім беру нысандары болуы тиіс деп қарастырылған еді. Бұл ереже кейін алынып тасталды, тек 24 (3)-бапта көру, есту және күрделі сенсорлық бұзылыстары бар балаларға ерекше жағдайлар қарастырылды [5]. Мұндай балаларға өмірлік және әлеуметтену дағдыларын үйрету міндеттеліп, ең қолайлы тілдер, әдістер мен қарым-қатынас тәсілдері қолданылуы тиіс екені көрсетілді. Саңырау, соқыр адамдардың құқықтарын қорғайтын халықаралық ұйымдар инклюзия тәжірибесінің көбінесе мектептердің оқу процесін бейімдей алмауынан сәтсіздікке ұшырайтынын атап өтеді [29]. Сондықтан көптеген елдерде арнайы мектептерді

сақтап қалу осы санаттағы балалардың мәдени және тілдік ерекшеліктерін дамыту үшін маңызды деп саналады. Инклюзивті білім беру – бұл әрбір оқушының даралығын мойындайтын және оқытудағы кедергілерді жоятын әмбебап жүйе ретінде қарастырылады. Арнайы білім берудің рөлі де өзгеріске ұшырап отыр: ол инклюзияны қолдап, теңдік құндылықтарына негізделген және Тұрақты даму мақсатына сәйкес келетін қолжетімді әрі әділ білім беру ортасын құруды қамтамасыз етуі тиіс [30].

Халықаралық құқықтық нормалар мен Комитет ұсынымдары басты мақсат барлық балаларды жалпы мектеп жүйесіне интеграциялау болуы тиіс екенін айқындайды. Осылайша, 24(3)-баптағы екіұштылық жүйенің икемділігін қамтамасыз ету қажеттілігі мен сегрегациялық тәжірибелерден бас тарту міндетінің арасындағы қайшылықты көрсетеді. Зерттеулер көрсеткендей, 2011–2018 жылдар аралығында БҰҰ Мүгедектер құқықтары жөніндегі Комитеті 72 мемлекетке қатысты қорытынды ескертпе жариялаған. Талдаудың нәтижелері көрсеткендей, көптеген елдерде инклюзив білім беруді дамытуға бағытталған заңнамалық қадамдар қабылданғанымен, олардың нақты іске асырылуында елеулі қайшылықтар сақталуда [7]. Барлық қорытынды ескертпелерде дерлік мүмкіндігі шектеулі балалардың инклюзив ортаға толыққанды кіріктірілмей, әлі де арнайы мектептерге бағытталатыны атап өтілген. Бұл жағдай инклюзив білім беру құқығының тек формалды деңгейде мойындалғанын, бірақ оның мазмұндық тұрғыда жеткілікті жүзеге аспай отырғанын дәлелдейді. Сонымен қатар, бірқатар елдерде арнайы мектептерді қаржыландыру мен сақтау жалғасып келеді. Мысалы, Англияда 2017 жылы мемлекеттік қаржыландыратын арнайы мектептердегі оқушылар саны артқаны тіркелсе [31], Германияда бұл көрсеткіш ұзақ уақыт бойы өзге елдерге қарағанда жоғары деңгейде қалып отыр [32]. Осыған байланысты Комитет Германиядағы білім беру жүйесінің мүгедектігі бар оқушылардың басым көпшілігін арнайы мектептерге бағыттауын сынға алды.

Қорытынды

Мақалада инклюзив білім беру жүйесінде арнайы мектептердің құқықтық мәртебесіне қатысты халықаралық стандарттар мен ұлттық тәжірибелердің арақатынасы кешенді түрде қарастырылды. Зерттеу нәтижелері инклюзив білім беруге қатысты қағидаттар көптеген елдердің, соның ішінде Қазақстанның да заңнамасына енгізілгенімен, бұл қағидалар іс жүзінде толық жүзеге аспай жатқанын көрсетті. Әсіресе, ауыр және күрделі мүгедектігі бар балалардың сапалы білімге тең қолжетімділігі шектеулі, ал арнайы мектептер мен медициналық-әлеуметтік мекемелерге бағыттау тәжірибесі жалғасып келеді. Мұндай жағдай білім беру саласында кемсітпеу, теңдік және инклюзия қағидаттарының мазмұндық тұрғыда жүзеге асуына кедергі келтіріп отыр. Инклюзив білім беру тек заңнамалық міндетпен шектелмейді. Ол ұлттық білім беру жүйесінің әділеттілігі мен сапасын айқындайтын негізгі өлшемдердің бірі ретінде қаралуы тиіс. Арнайы мектептерді жоюдан гөрі, оларды инклюзив ортада қолдау көрсететін, жалпы білім беру мекемелерімен өзара әрекеттесетін құрылымға айналдыру қазіргі кезеңде маңызды стратегияның бірі. Сонымен қатар, мүмкіндігі шектеулі балаларды оқу процесіне толыққанды тарту үшін институционалдық жауапкершілікті нақтылау қажет. Біріншіден, арнайы және жалпы білім беру ұйымдарындағы білім сапасын теңестіру үшін бірыңғай ұлттық мониторинг жүйесін енгізу қажет. Бұл жүйе оқу нәтижелерін бағалап, ерекше білім алушылардың үлгерімін бақылап, оларды ұлттық білім беру стандарттарымен салыстыра отырып, тең мүмкіндіктер ұсынуға жол ашады. Екіншіден, арнайы мектептердің инфрақұрылымы мен кадрлық әлеуетін сақтай отырып, оларды инклюзив білім беруді сүйемелдейтін ресурстық, әдістемелік және психологиялық-педагогикалық орталықтарға айналдыру қажет. Мұндай орталықтар жалпы білім беретін мектептерге кәсіби қолдау көрсетіп, ерекше білім алушыларды тиімді кіріктіруге жағдай жасайды. Үшіншіден, медициналық-әлеуметтік мекемелердегі психологиялық-педагогикалық қолдау қызметтерін Оқу-ағарту министрлігінің құзыретіне өткізу қажет. Қазіргі таңда бұл қызметтер денсаулық сақтау саласының шеңберінде қалып отыр және білім беру мазмұнынан оқшауланған. Барлық балалардың сапалы білім алу құқығын қамтамасыз ету үшін мұндай қолдау тетіктері білім беру жүйесінің аясында ұйымдастырылуы тиіс.

Сайранқызы Н., докторант «Высшей школы права» Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана): Правовые коллизии, обусловленные переосмыслением роли специальных школ в контексте инклюзивного образования.

Инклюзивное образование закреплено в международном праве не только как прогрессивная педагогическая концепция, но и как юридически обязывающий стандарт, вытекающий из положений Конвенции о правах инвалидов и определяющий содержание права на образование для лиц с инвалидностью. С момента ратификации настоящей Конвенции в 2015 году Республика Казахстан взяла на себя международные обязательства по обеспечению равного доступа всех обучающихся, включая детей с инвалидностью, к качественному образованию в рамках системы общего образования. В условиях усиливающегося международного мониторинга и давления на реализацию статьи 24 КПИ сохраняется правовая и институциональная неопределённость относительно допустимости функционирования специальных образовательных учреждений, что отражается в неоднозначной национальной практике и академических дебатах. Целью настоящего исследования является выявление нормативных противоречий и практических ограничений, препятствующих полной реализации права на инклюзивное образование, с акцентом на правовой статус и трансформационный потенциал специальных школ. Методологическую основу составляет сравнительно-правовой анализ международных документов, в том числе Замечания общего порядка № 4 в 2016 году и Заключительных замечаний Комитета по правам инвалидов в отношении Казахстана в 2024 году, а также критическая интерпретация подходов, сложившихся в научной и экспертной среде. Научная новизна работы заключается в переосмыслении роли специальных школ как временного институционального механизма, нуждающегося в гибком регулировании в переходный период к инклюзивной модели. Впервые предлагается интерпретация правового баланса между универсализмом международных стандартов, правом ребёнка и семьи на участие в выборе образовательной среды, а также институциональной готовностью государства. На основе выявленных несоответствий между международными обязательствами и национальной реализацией делается вывод о необходимости пересмотра нормативных стратегий с учётом принципа наилучших интересов ребёнка, обеспечения институциональной инклюзивности и усиления механизмов участия семьи в образовательной политике.

Ключевые слова: инклюзивное образование, специальные школы, инклюзия, качественное образование, дети с ограниченными возможностями, Конвенция о правах инвалидов, сегрегация, интеграция, право на образование.

Sayrankyzy N., PhD Candidate, Higher School of Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan): Legal conflicts arising from the reconsideration of the role of special schools in inclusive education.

Inclusive education is enshrined in international law not only as a progressive pedagogical concept, but also as a legally binding standard derived from the provisions of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, which defines the substantive content of the right to education for persons with disabilities. Since the ratification of the Convention in 2015, the Republic of Kazakhstan has undertaken international obligations to ensure equal access to quality education for all learners, including children with disabilities, within the framework of the general education system. In the context of increasing international monitoring and pressure to implement Article 24 of the Convention, legal and institutional uncertainty persists regarding the legitimacy of maintaining special education institutions, which is reflected in ambiguous national practices and ongoing academic debates. The purpose of this study is to identify the normative contradictions and practical limitations that hinder the full realization of the right to inclusive education, with a particular focus on the legal status and transitional potential of special schools. The methodological basis of the research consists of a comparative legal analysis of international instruments, including General Comment No. 4, 2016 and the Concluding Observations of the Committee on the Rights of Persons with Disabilities concerning Kazakhstan in 2024, as well as critical interpretation of prevailing approaches in academic and expert discourse. The novelty of this study lies in its re-evaluation of the role of special schools as a temporary institutional mechanism that requires flexible legal regulation during the transitional period towards inclusive education. For the first time, this paper proposes an interpretation of the legal balance between the universality of international standards, the right of the child and the family to participate in the choice of educational environment, and the institutional preparedness of the state. Based on identified discrepancies between international

obligations and national implementation, the study concludes that it is necessary to revise normative strategies in light of the best interests of the child, to strengthen institutional inclusiveness, and to enhance mechanisms for family participation in education policy.

Keywords: inclusive education, special schools, inclusion, quality education, children with disabilities, Convention on the Rights of Persons with Disabilities, segregation, integration, right to education.

Қолданылған әдебиеттер:

1. UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities. General Comment No. 4 (2016) on the Right to Inclusive Education // UN Doc. CRPD/C/GC/4 URL: <https://digitallibrary.un.org/record/845728>. (25.04.2025).
2. Борякова Н. Педагогические системы обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии. М.: Litres, 2008.
3. Bridges D. (ed.). Education reform and internationalisation: The case of school reform in Kazakhstan. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
4. Право инвалидов на образование // Доклад Специального докладчика по вопросу о праве на образование Вернора Муньоса. Женева: ООН, 2007. – 38 с.
5. Series L. The development of disability rights under international law: From charity to human rights // Disability & Society. 2015. Vol. 30, No. 10. P. 1590–1593. URL: <https://doi.org/10.1080/09687599.2015.1066975> (26.10.2025).
6. United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by General Assembly resolution 61/106 of 13 December 2006 URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (26.10.2025).
7. Byrne B. How inclusive is the right to inclusive education? International Journal of Inclusive Education. 2022. Vol. 26, No. 3. P. 301–318. URL: <https://doi.org/10.1080/13603116.2019.1651411> (26.10.2025).
8. Committee on the Rights of Persons with Disabilities. Concluding observations on the initial report of Kazakhstan. UN Doc. CRPD/C/KAZ/CO/1, 2024.
9. Қазақстанның білім статистикасы. Ұлттық жинақ. Статистика образования Казахстана. Национальный сборник. Астана, 2025.
10. Kauffman J., Hallahan D. Special Education: What it is and why we need it. New York, 2018. – 180 p.
11. Convention on the Rights of the Child. Adopted by UN General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989. URL: <https://www.unicef.org/child-rights-convention/convention-text>. (26.10.2025).
12. United Nations. Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education, 1994. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf (26.10.2025).
13. Кемтар балаларды әлеуметтік және медициналық-педагогикалық түзеу арқылы қолдау туралы: Қазақстан Республикасының Заңы № 343 ІІ шілде 2002 ж. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z020000343_ (26.10.2025).
14. Білім туралы Қазақстан Республикасының Заңына өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы: Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 24 қазандағы № 487-IV Заңы. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1100000487> (23.04.2025).
15. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне инклюзивті білім беру мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы № 56-VII ҚРЗ, 2021 жылғы 26 маусым. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2100000056>. (26.10.2025).
16. Қазақстан Республикасы Үкіметі. Қазақстан Республикасындағы инклюзивті саясаттың 2025–2030 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы. № 1143 қаулы, 2024 ж. 30 желтоқсан. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2400001143_. (25.04.2025).
17. Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities: adopted by UN General Assembly resolution 48/96 of 20 December 1993 URL: <https://social.desa.un.org/issues/disability/resources/disability-resources/rules/standard-rules-on-the-equalization-of>. (26.10.2025).
18. General comment No. 4 on Article 24. The right to inclusive education / Committee on the Rights of Persons with Disabilities. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-4-article-24-right-inclusive>. (26.10.2025).

19. Система исключения: Почему детям с инвалидностью в Казахстане по-прежнему трудно получить образование. URL: <https://factcheck.kz/health/sistema-isklyucheniya-pochemu-detyam-s-invalidnostyu-v-kazahstane-po-prezhnemu-trudno-poluchit-obrazovanie/>. (26.10.2025).

20. Жетписбаева Б. А., Жетписбаева М. А. Особенности инклюзивного образования в Республике Казахстан. Вестник Карагандинского университета. Серия: Педагогика. 2017. № 1. С. 22–27.

21. Комитет по правам инвалидов. Замечания общего порядка № 4 (2016) о праве на инклюзивное образование. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-4-article-24-right-inclusive>. (26.10.2025).

22. Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрінің 2020 жылғы 27 мамырдағы № 223 бұйрығы. «Психологиялық-педагогикалық қолдау көрсету саласында жергілікті атқарушы органдар көрсететін мемлекеттік қызметтер көрсету қағидаларын бекіту туралы». URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2000020744> (26.10.2025).

23. European Agency for Special Needs and Inclusive Education. Country information for Germany – Systems of support and specialist provision // European Agency. URL: <https://www.european-agency.org/country-information/germany/systems-of-support-and-specialist-provision>. (26.10.2025).

24. Ireland. Education Act, 1998: Number 51 of 1998. Dublin: Stationery Office, 1998. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1998/act/51/enacted/en/html>. (26.10.2025).

25. European Agency for Special Needs and Inclusive Education. Country information for Finland – Systems of support and specialist provision. URL: <https://www.european-agency.org/country-information/finland/systems-of-support-and-specialist-provision>. (26.10.2025).

26. Veriava F., Paterson K. The right to education // In: Research handbook on economic, social and cultural rights as human rights. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 113–136.

27. De Beco G., Quinlivan S., Lord J. The right to inclusive education in international human rights law. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 256 p.

28. The right to education of persons with disabilities: resolution / adopted by the Human Rights Council. United Nations, Human Rights Council, 25th session, Geneva, 2014.

29. Florian L. On the necessary co-existence of special and inclusive education. International Journal of Inclusive Education. 2019. Vol. 23, No. 7–8. P. 691–704.

30. Rieser R. Implementing inclusive education: A Commonwealth guide to implementing Article 24 of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. London: Commonwealth Secretariat, 2012.

31. Department for Education. Special educational needs and disability: an analysis and summary of data sources. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/66bdc2de3effd5b79ba490fd/Special_educational_needs_and_disability_analysis_and_summary_of_data_sources_Aug24.pdf. (26.10.2025).

32. Bernhard T. The Implementation of the Right to Inclusive Education in Germany. In: The Right to Inclusive Education in International Human Rights Law. Cambridge University Press, 2019. P. 533–558.

References:

1. UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities. General Comment No. 4 (2016) on the Right to Inclusive Education // UN Doc. CRPD/C/GC/4 URL: <https://digitallibrary.un.org/record/845728>. (25.04.2025).

2. Borjakova N. Pedagogicheskie sistemy obuchenija i vospitanija detej s otklonenijami v razvitii. M.: Litres, 2008.

3. Bridges D. (ed.). Education reform and internationalisation: The case of school reform in Kazakhstan. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

4. Pravo invalidov na obrazovanie // Doklad Special'nogo dokladchika po voprosu o prave na obrazovanie Vernora Mun'osa. Zheneva: OON, 2007. – 38 s.

5. Series L. The development of disability rights under international law: From charity to human rights // Disability & Society. 2015. Vol. 30, No. 10. P. 1590–1593. URL: <https://doi.org/10.1080/09687599.2015.1066975> (26.10.2025).

6. United Nations. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Adopted by General Assembly resolution 61/106 of 13 December 2006 URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (26.10.2025)

7. Byrne B. How inclusive is the right to inclusive education? International Journal of Inclusive Education. 2022. Vol. 26, No. 3. P. 301–318. URL: <https://doi.org/10.1080/13603116.2019.1651411> (26.10.2025).

8. Committee on the Rights of Persons with Disabilities. Concluding observations on the initial report of Kazakhstan. UN Doc. CRPD/C/KAZ/CO/1, 2024.

9. Қазақстанның білім статистикасы. Ұлттық жинақ. Statistika obrazovaniya Kazahstana. Nacional'nyy sbornik. Astana, 2025.

10. Kauffman J., Hallahan D. Special Education: What it is and why we need it. New York, 2018. – 180 p.

11. Convention on the Rights of the Child // Adopted by UN General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989. URL: <https://www.unicef.org/child-rights-convention/convention-text>. (26.10.2025).

12. United Nations. Salamanca Statement and Framework for Action on Special Needs Education, 1994. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf (26.10.2025).

13. Кемтар балаларды әлеуметтік және медициналық-педагогикалық түзеу арқылы қолдау туралы: Қазақстан Республикасының Заңы № 343 11 шілде 2002 ж. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z020000343_ (26.10.2025).

14. Білім туралы Қазақстан Республикасының Заңына өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы: Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 24 қазандары № 487-IV Заңы. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1100000487> (23.04.2025).

15. Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне инклюзивті білім беру мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы Қазақстан Республикасының Заңы № 56-VII ҚРЗ, 2021 жылғы 26 маусым. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2100000056>. (26.10.2025).

16. Қазақстан Республикасы Үкіметі. Қазақстан Республикасында инклюзивті саясаттың 2025–2030 жылдарға арналған тыңшырымдамасын бекіту туралы. № 1143 қаулы, 2024 ж. 30 желтоқсан. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2400001143_. (25.04.2025).

17. Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities: adopted by UN General Assembly resolution 48/96 of 20 December 1993. URL: <https://social.desa.un.org/issues/disability/resources/disability-resources/rules/standard-rules-on-the-equalization-of-> (26.10.2025).

18. General comment No. 4 on Article 24. The right to inclusive education / Committee on the Rights of Persons with Disabilities. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-4-article-24-right-inclusive>. (26.10.2025).

19. Sistema iskljuchenija: Pochemu detjam s invalidnost'ju v Kazahstane po-prezhnemu trudno poluchit' obrazovanie. URL: <https://factcheck.kz/health/sistema-iskljucheniya-pochemu-detyam-s-invalidnostyu-v-kazahstane-po-prezhnemu-trudno-poluchit-obrazovanie/>. (26.10.2025).

20. Zhetpisbaeva B.A., Zhetpisbaeva M.A. Osobennosti inkljuzivnogo obrazovaniya v Respublike Kazahstan. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. 2017. № 1. S. 22–27.

21. Komitet po pravam invalidov. Zamechanija obshhego porjadka № 4 (2016) o prave na inkljuzivnoe obrazovanie. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-4-article-24-right-inclusive>. (26.10.2025).

22. Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрінің 2020 жылғы 27 мамырдағы № 223 бйрығы. «Психологиялық-педагогикалық қолдау көрсету саласында зһергилікті атқарушы органдар көрсететін мемлекеттік қызметтер көрсету қаридаларын бекіту туралы». URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2000020744> (26.10.2025).

23. European Agency for Special Needs and Inclusive Education. Country information for Germany – Systems of support and specialist provision // European Agency. URL: <https://www.european-agency.org/country-information/germany/systems-of-support-and-specialist-provision>. (26.10.2025).

24. Ireland. Education Act, 1998: Number 51 of 1998. Dublin: Stationery Office, 1998. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1998/act/51/enacted/en/html>. (26.10.2025).

25. European Agency for Special Needs and Inclusive Education. Country information for Finland – Systems of support and specialist provision. URL: <https://www.european-agency.org/country-information/finland/systems-of-support-and-specialist-provision>. (26.10.2025).

26. Veriava F., Paterson K. The right to education // In: Research handbook on economic, social and cultural rights as human rights. Edward Elgar Publishing, 2020. P. 113–136.

27. De Beco G., Quinlivan S., Lord J. The right to inclusive education in international human rights law. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 256 p.

28. The right to education of persons with disabilities: resolution / adopted by the Human Rights Council. United Nations, Human Rights Council, 25th session, Geneva, 2014.

29. Florian L. On the necessary co-existence of special and inclusive education. International Journal of Inclusive Education. 2019. Vol. 23, No. 7–8. P. 691–704.

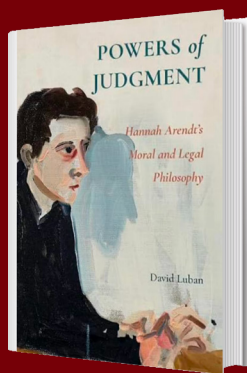
30. Rieser R. Implementing inclusive education: A Commonwealth guide to implementing Article 24 of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. London: Commonwealth Secretariat, 2012.

31. Department for Education. Special educational needs and disability: an analysis and summary of data sources. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/66bdc2de3effd5b79ba490fd/Special_educational_needs_and_disability_analysis_and_summary_of_data_sources_Aug24.pdf. (26.10.2025).

32. Bernhard T. The Implementation of the Right to Inclusive Education in Germany // In: The Right to Inclusive Education in International Human Rights Law. Cambridge University Press, 2019. P. 533–558.

Для цитирования и библиографии: Сайранқызы Н. Инклюзив білім беру контексінде арнайы мектептердің ролін қайта пайымдаудан туындайтын құқықтық коллизиялар // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 19-30. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_19

Материал поступил в редакцию 26.10.2025

НОВЫЕ КНИГИ

David Luban. Powers of Judgment: Hannah Arendt's Moral and Legal Philosophy. Publ.: Cambridge University Press. 2026. – 430 p

ISBN-13 978-1009647465

This book is about conscience and moral clarity. It asks how some people keep their judgment steadfast even when many around them are swept away by conspiracy theories, moral panics, and murderous ideologies-or, on a smaller scale, by immersion in a corrupt and corrupting workplace culture. It asks about the surprising fragility of common sense, including moral common sense, and it asks where morality fits into a meaningful human life. Beyond this, the book asks about legal accountability for crimes committed when moral judgment fails on a

vast and deadly scale. Hannah Arendt addressed all these questions in a profound and original way. Drawing on her published works, letters, diaries, and notes, David Luban offers clear accounts of Arendt's contributions to moral philosophy and international law, showing how her ideas about judgment and accountability remain crucially important to the moral and legal life of our century.

ПРЕАМБУЛА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН КАК ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА ПОЛИТИКИ РЕПАТРИАЦИИ КАНДАСОВ

С.К. ЕСЕТОВА, к.ю.н., ассоциированный профессор Q University (Республика Казахстан, г. Алматы), e-mail: saltanat.yessetova@gmail.com

А.С. ИБРАЕВА, д.ю.н., профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби (Республика Казахстан, г. Алматы), e-mail: ibraeva_tgp@mail.ru

Т.А. ИМАНГАЗИЕВ, младший научный сотрудник Q University (Республика Казахстан, г. Алматы), e-mail: Imangaziyevtair@gmail.com

Статья посвящена исследованию аксиологического потенциала преамбулы Конституции Республики Казахстан в контексте формирования и реализации государственной политики репатриации этнических казахов (кандасов). Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях современных миграционных вызовов институт репатриации требует переосмысления не только как демографический или социальный инструмент, но и как механизм восстановления историко-культурной преемственности, укрепления конституционной идентичности и реализации государственно-правовой ответственности перед соотечественниками, тогда как аксиологический потенциал преамбулы Конституции в юридической доктрине исследован фрагментарно.

Предметом исследования выступают конституционные ценности, закрепленные в преамбуле Конституции Республики Казахстан, и их влияние на содержание и развитие института репатриации кандасов.

Цель статьи заключается в выявлении конституционных ценностей преамбулы Основного Закона и определении их значения для формирования и развития государственной политики репатриации кандасов.

В исследовании применены формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, аксиологический и системный методы, а также общенаучные методы анализа, синтеза и герменевтики.

На основе анализа эволюции конституционных актов Казахстана с 1990 года по проект Конституции 2026 года обосновывается, что преамбула Основного Закона выступает самостоятельной нормативно-ценностной базой, задающей вектор миграционной политики государства.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении преамбулы Конституции Республики Казахстан как самостоятельной ценностно-нормативной основы политики репатриации кандасов и в обосновании того, что институт кандасов представляет собой не только инструмент миграционного регулирования, но и механизм реализации конституционной идеи исторической преемственности и укрепления конституционной идентичности государства. Особое внимание уделяется соотношению гражданской идентичности, исторической памяти, идеи исторической родины и правового статуса кандасов.

Сделан вывод о том, что преамбула Конституции выполняет функцию аксиологического компаса миграционной политики государства, а дальнейшее совершенствование миграционного законодательства требует усиления конституционно-аксиологического подхода к регулированию репатриационных процессов.

Ключевые слова: преамбула Конституции, конституционные ценности, миграционная политика, репатриация, кандасы, конституционная идентичность, историческая преемственность, Республика Казахстан.

Введение

Современные миграционные процессы оказывают существенное влияние на вопросы национальной идентичности, демографической безопасности, сохранения культурного наследия и устойчивости государственности. В условиях глобальной мобильности миграционная политика все меньше может рассматриваться только как совокупность административных процедур, связанных с въездом, пребыванием, расселением или интеграцией мигрантов. Она неизбежно затрагивает более глубокий уровень правового регулирования – уровень конституционных ценностей, исторической памяти и представлений государства о собственной идентичности.

Для Республики Казахстан особое значение в данной системе имеет политика репатриации этнических казахов – кандасов. Институт кандасов в современном Казахстане выполняет не только демографическую, социальную или гуманитарную функцию. Он выступает механизмом восстановления исторической и культурной связи казахского народа с исторической родиной, а также одним из способов практической реализации идеи преемственности государственности.

После обретения независимости Республика Казахстан одной из первых среди постсоветских государств сформировала государственную политику поддержки этнических казахов, проживающих за пределами страны. Уже в Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 года было закреплено, что республика проявляет заботу об удовлетворении национально-культурных, духовных и языковых потребностей казахов, проживающих за пределами Республики [1]. В Конституционном законе «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 года данная идея получила дальнейшее развитие: государство признало необходимость создания условий для возвращения на территорию Казахстана лиц, вынужденно покинувших ее в период репрессий и иных антигуманных политических акций, а также казахов, проживающих на территории бывших союзных республик [2].

Эти положения стали важным этапом формирования конституционно-правовой концепции исторической ответственности государства перед соотечественниками. В Конституции Республики Казахстан 1993 года прослеживалась идея незыблемости казахской государственности, обеспечения прав человека и поддержания межнационального согласия [3]. Конституция 1995 года существенно расширила аксиологическое содержание Основного Закона: в ее преамбуле были закреплены идеи общей исторической судьбы народа Казахстана, созидания государственности на исконной казахской земле, приверженности идеалам свободы, равенства и согласия, а также ответственности перед нынешним и будущими поколениями [4].

Особый научный интерес представляет эволюция преамбулы в проекте Конституции Республики Казахстан 2026 года [5]. Президент Казахстана акцентировал, что преамбула Основного закона отражает ключевые ценности и приоритеты современного этапа развития государства. Здесь закреплён четкий ориентир на ценности культуры, образования, науки и инноваций, отражена незыблемость суверенитета и четкое сохранение исторического наследия народа Великой степи [6].

Несмотря на наличие исследований, посвященных миграционной политике, гражданству, правовому положению кандасов и проблемам этнической репатриации, аксиологическое значение преамбулы Конституции Республики Казахстан в контексте политики репатриации остается изученным недостаточно. В юридической литературе преамбула нередко воспринимается преимущественно как политико-идеологическая часть Конституции, тогда как ее нормативно-ценностный потенциал в сфере миграционной политики исследуется фрагментарно.

Научная проблема настоящей статьи состоит в необходимости преодоления узкого, декларативного понимания преамбулы Конституции и выявления ее реального значения для формирования государственной политики репатриации. Исследовательский пробел заключается в отсутствии целостного объяснения того, каким образом ценности, закрепленные в преамбуле, трансформируются в правовые основания политики возвращения этнических соотечественников.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере формирования и реализации государственной политики и правового регулирования репатриации кандасов. Предметом исследования выступают конституционные ценности, закрепленные в преамбуле Конституции Республики Казахстан, и их влияние на содержание института репатриации.

Цель настоящей статьи – выявить конституционные ценности, закрепленные в преамбуле Конституции Республики Казахстан, и определить их значение для формирования и развития государственной политики репатриации кандасов. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: проанализировать эволюцию конституционных актов Казахстана; раскрыть правовую природу преамбулы как источника конституционных ценностей; определить значение категорий исторической государственности, преемственности поколений и конституционной идентичности; исследовать правовую природу института кандасов; сопоставить казахстанскую модель репатриации с зарубежными подходами.

Гипотеза исследования состоит в том, что преамбула Конституции Республики Казахстан обладает самостоятельным нормативно-ценностным потенциалом, а политика репатриации кандасов является одной из форм реализации конституционной идеи исторической преемственности, сохранения государственности и ответственности государства перед соотечественниками.

Научная новизна исследования заключается в том, что преамбула Конституции Республики Казахстан рассматривается как самостоятельная ценностно-нормативная основа политики репатриации кандасов. Автор обосновывает, что институт кандасов является не только инструментом миграционного регулирования, но и механизмом реализации конституционной идеи исторической преемственности, сохранения государственности и укрепления конституционной идентичности Республики Казахстан. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его выводов при дальнейшем совершенствовании миграционного законодательства, концептуальных документов государственной политики и научной доктрины конституционной аксиологии.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области конституционного права, миграционного права, теории государства и права, конституционной аксиологии, а также исследования, посвященные вопросам репатриации, национальной идентичности и государственной миграционной политики.

Проблематика правового регулирования репатриации этнических казахов исследуется авторами на протяжении длительного времени. Важной научной основой настоящей статьи являются результаты диссертационного исследования С.К. Есетовой «Государственное регулирование процесса возвращения репатриантов на историческую родину (теоретико-правовое исследование)», выполненного под научным руководством А.С. Ибраевой [7]. В рамках данного научного направления ранее анализировались вопросы правового статуса репатриантов, механизмы государственной поддержки этнических мигрантов, особенности адаптации и интеграции оралманов, ныне - кандасов, а также роль репатриации в укреплении государственности Республики Казахстан. Настоящая статья представляет собой дальнейшее развитие указанной научной линии с учетом современных конституционных преобразований и эволюции миграционной политики Казахстана.

Среди казахстанских ученых, впервые поднявших проблему ценностного содержания преамбулы Конституции, следует отметить А.А. Салимгерее, который указывал, что «Преамбула Конституции Республики Казахстан не закрепляет преемственность казахской государственности, что создает потенциальную угрозу для национальной безопасности страны» [8]. По мнению ученого, формулировка «...созидая государственность на исконной казахской земле» фактически нивелирует многовековую историю развития казахской государственности, в рамках которой на территории современного Казахстана существовали различные государственные образования, включая Казахское ханство. Обосновывая данную позицию, А.А. Салимгерее справедливо отмечает, что 25 октября 2023 года, в День Республики, Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев подчеркнул: «День возрождения нашей многовековой государственности берет свое начало с эпохи тюркских каганатов, Золотой Орды и Казахского ханства» [8].

Следует также отметить труды А.А. Караева, который подчеркивает, что преамбула Конституции представляет собой не просто структурную часть Основного Закона, но и его идеологическое и нравственное основание. Обладая прежде всего символическим значением, преамбула формулирует фундаментальные цели принятия Конституции, отражает исторические, культурные и национальные особенности государства [9].

Продолжая рассуждения о значении преамбулы К.К. Айтхожин полагает, что преамбула Конституции является важнейшим компонентом Основного Закона, поскольку задает ключевую смысловую и ценностный вектор понимания всей системы действующего права государства. Несмотря на то, что положения преамбулы не представляют собой совокупность непосредственно регламентирующих конституционных норм, они обладают особым правовым значением. Определяя мотивы и цели принятия Основного Закона государства, преамбула устанавливает ориентиры развития общественного и государственного устройства страны, связывает ее прошлое, настоящее и будущее, закрепляет общие задачи государства перед обществом и гражданами, а также имеет принципиальное значение для конституционного толкования и правоприменительной практики Конституционного Суда Республики Казахстан [10].

Член Комиссии по конституционной реформе (Конституционной комиссии) Е.Э. Дуйсенов отмечает, что преамбула закрепляет «ключевые ценностные ориентиры будущего развития страны», отражает идейную и содержательную основу новой конституционной модели, подчеркивает историческую преемственность казахстанской государственности и усиливает акцент на правах и свободах человека. Особое значение, по мнению ученого, имеет формула «сохраняя преемственность тысячелетней истории Великой Степи» [11].

Тем самым фактически закрепляется цивилизационный компонент конституционной идентичности государства. В совокупности данные положения позволяют рассматривать преамбулу не только как политико-декларативный текст, но и как самостоятельный источник конституционных ценностей, оказывающий влияние на формирование государственной миграционной политики.

Нормативную основу исследования составили конституционные акты и документы миграционной политики Республики Казахстан. Особое значение имели положения Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР 1990 года [1], Конституционного закона «О государственной независимости Республики Казахстан» 1991 года [2], Конституции Республики Казахстан 1993 года [3], Конституции Республики Казахстан 1995 года [4] и проекта Конституции 2026 года [5]. Данные акты позволяют проследить, как идея заботы о зарубежных казахах и возвращения соотечественников постепенно включалась в более широкий конституционный контекст государственности, исторической памяти и национальной идентичности.

Нормативный материал также включает Закон Республики Казахстан «О миграции населения» [12], Концепцию миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы [13], Концепцию репатриации этнических казахов на историческую родину [14], а также иные документы, регулирующие статус кандасов, региональные квоты и меры государственной поддержки. Их анализ позволил проследить трансформацию политики репатриации от преимущественно гуманитарной и демографической задачи к более сложному пониманию института кандасов как элемента конституционной идентичности.

Особое место в исследовании занимает научная литература, посвященная правовой природе преамбулы, конституционным ценностям и миграционной интеграции. В ранее опубликованной работе автора, посвященной ценности преемственности в преамбуле Конституции Республики Казахстан, обосновывалось, что преамбула выполняет не только декларативную, но и мировоззренческую, интеграционную и ценностно-ориентирующую функции [15]. Современные зарубежные исследования позволяют рассматривать конституционные ценности как основу включения мигрантов в политико-правовое сообщество [16]. Социологические исследования интеграции репатриантов в Казахстане, в свою очередь, дают возможность соотнести нормативную конструкцию репатриации с реальными проблемами социальной адаптации и интеграции кандасов [17].

Методологическая основа исследования включает совокупность общенаучных и специальных юридических методов. Формально-юридический метод использовался при анализе норм кон-

ституционного и миграционного законодательства Республики Казахстан. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию конституционных положений, связанных с государственностью, национальной идентичностью и политикой репатриации. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении казахстанской модели репатриации с зарубежными подходами к возвращению соотечественников. Аксиологический метод имел ключевое значение, поскольку позволил выявить ценностное содержание преамбулы Конституции и определить ее влияние на государственную миграционную политику. Системный метод использовался для рассмотрения института кандасов как элемента более широкой системы конституционного развития, демографической политики и национальной государственности Республики Казахстан.

Правовая природа преамбулы Конституции

В современной конституционно-правовой доктрине преамбула конституции рассматривается не только как вводная или декларативная часть основного закона, но и как самостоятельный элемент конституционного текста, обладающий значительным политико-правовым, идеологическим и аксиологическим содержанием. Преамбула отражает фундаментальные ценности государства, исторические основания его существования, стратегические цели конституционного развития, а также базовые принципы взаимоотношений государства, общества и личности.

В юридической литературе сформировалось несколько основных подходов к определению правовой природы преамбулы. Первый подход рассматривает преамбулу преимущественно как политико-декларативный текст, не обладающий непосредственным нормативным действием. В этой логике преамбула выполняет символическую функцию, фиксируя исторические и политические обстоятельства принятия Конституции. Второй подход основывается на признании нормативного значения преамбулы как составной части конституционного текста, используемой при официальном толковании конституционных норм и определении целей правового регулирования. Третий, аксиологический подход, рассматривает преамбулу как концентрированное выражение конституционной идентичности государства и общества, закрепляющее фундаментальные ценности и мировоззренческие основания конституционного строя [15].

Представляется, что применительно к современному этапу развития казахстанского конституционализма преамбула Конституции Республики Казахстан должна рассматриваться именно в контексте ее ценностно-нормативной природы. Формальное восприятие преамбулы исключительно как политической декларации существенно ограничивает понимание роли конституционной аксиологии в формировании государственной политики. Через преамбулу формируется концептуальная модель государства, определяются базовые ориентиры правовой политики и закрепляется официальное представление о конституционной идентичности народа и государства.

Особое значение преамбулы обусловлено тем, что именно в ней концентрированно выражаются фундаментальные идеи государственности, исторической памяти и национального единства. В отличие от отраслевых норм, регулирующих конкретные общественные отношения, преамбула закрепляет систему ценностей, которые пронизывают весь конституционный текст и определяют направление правового развития государства. В этом смысле преамбула выступает своеобразным аксиологическим ядром Конституции.

Нормативное значение преамбулы проявляется прежде всего в ее интерпретационной и правонаправляющей функции. Даже в тех случаях, когда положения преамбулы не применяются как самостоятельные нормы прямого действия, они задают смысловую рамку для понимания конституционных принципов, целей государственного регулирования и пределов усмотрения публичной власти. В условиях усиления роли конституционной аксиологии возрастает значение преамбулы как инструмента интерпретации конституционных ценностей и государственной политики.

Особый интерес представляет преамбула Конституции Республики Казахстан 2026 года, в которой существенно усиливается акцент на историко-культурной и цивилизационной составляющей конституционной идентичности государства. Если преамбула Конституции 1995 года закрепляла идеи общей исторической судьбы народа Казахстана, государственности на исконной казахской земле, свободы, равенства и согласия [4], то в преамбуле Конституции 2026 года дополнительно появляются категории «тысячелетней истории Великой Степи», «единого народа Казахстана»,

«ответственного, созидательного патриотизма», «ценностей культуры и образования, науки и инноваций» [5]. Тем самым преамбула приобретает не только политико-правовое, но и выраженное цивилизационно-идентификационное содержание.

Философско-правовая функция преамбулы заключается в закреплении представления о предназначении государства, смысле государственности и месте человека в системе конституционных отношений. В условиях современных миграционных процессов данное обстоятельство приобретает особое значение, поскольку именно через систему конституционных ценностей формируются подходы государства к вопросам гражданства, репатриации, интеграции и национального единства.

Таким образом, преамбула Конституции Республики Казахстан 2026 года представляет собой не формальный вводный текст, а самостоятельный источник конституционных ценностей, оказывающий влияние на формирование государственной правовой и миграционной политики.

Система ценностей преамбулы Конституции Республики Казахстан

Преамбула Конституции Республики Казахстан 2026 года закрепляет целостную систему конституционных ценностей, отражающих современную модель казахстанской государственности, ее исторические основания и стратегические ориентиры развития. Анализ текста преамбулы позволяет выделить несколько взаимосвязанных аксиологических блоков, формирующих концептуальную основу конституционного строя Республики Казахстан.

Ценность государственности в преамбуле раскрывается через указание на укрепление государственности «на исконной казахской земле» и сохранение преемственности тысячелетней истории Великой Степи [5]. Эта формула выполняет историко-правовую функцию: она показывает, что современное государство мыслится не как случайная политическая конструкция постсоветского периода, а как результат длительного исторического развития казахского народа и его государственно-правовых традиций. Государственность здесь имеет не только институциональное, но и культурно-историческое измерение.

Историческая преемственность выполняет иную, темпоральную функцию. Она связывает прошлое, настоящее и будущее государства, превращая историю не в декоративный элемент конституционного текста, а в основание правовой идентичности. Формула «сохраняя преемственность тысячелетней истории Великой Степи» подчеркивает, что современный Казахстан воспринимает свое развитие как продолжение длительной цивилизационной линии. Данная идея соотносится с ранее закрепленным в Конституции 1995 года положением об общей исторической судьбе народа Казахстана [4].

Патриотизм в преамбуле Конституции 2026 года приобретает политико-гражданское содержание. Идея «ответственного, созидательного патриотизма» означает переход от эмоционально-декларативного понимания патриотизма к его восприятию как активной гражданской ответственности за развитие государства и общества [5]. Патриотизм в данном контексте выступает не этнической, а конституционной категорией: он объединяет граждан на основе общих ценностей, уважения к праву, государству и исторической памяти.

Одновременно преамбула сохраняет фундаментальную ценность гражданского мира и общественного согласия. Как Конституция 1995 года, так и новая редакция Конституции исходят из необходимости обеспечения межэтнического и межконфессионального согласия как основы устойчивости государства. В условиях многонационального состава населения Казахстана данная ценность приобретает особое значение и выступает важнейшим элементом конституционной идентичности страны.

Особое внимание в преамбуле уделяется ответственности перед будущими поколениями. Указание на высокую ответственность перед будущими поколениями отражает долгосрочный характер конституционного развития и предполагает обязанность государства обеспечивать устойчивость государственности, сохранение культурного наследия, развитие человеческого потенциала и защиту исторической памяти. В контексте миграционной политики данная ценность приобретает дополнительное значение, поскольку вопросы демографической устойчивости, сохранения культурной идентичности и поддержки соотечественников непосредственно связаны с будущим государства.

Существенное место в системе конституционных ценностей занимают идеи свободы, равенства и согласия. В Конституции 1995 года данные категории были прямо закреплены как базовые идеалы казахстанского общества [4]. Несмотря на изменение редакции преамбулы в 2026 году, их содержание сохраняется через положения о правах и свободах человека, единстве народа, солидарности и верховенстве закона [5]. Тем самым обеспечивается преемственность базовых гуманистических принципов казахстанского конституционализма.

Анализ преамбулы Конституции 2026 года позволяет сделать вывод о том, что в современном конституционном развитии Казахстана усиливается значение аксиологического компонента Конституции. Преамбула выступает не только политико-правовой декларацией, но и концентрированным выражением системы конституционных ценностей, определяющих направление государственной политики, включая политику репатриации и поддержки кандасов.

Конституционная идентичность и идея исторической родины

Одним из ключевых положений преамбулы Конституции Республики Казахстан 2026 года является формула: *«укрепляя государственность на исконно казахской земле, сохраняя преемственность тысячелетней истории Великой Степи, подтверждая унитарный характер государства, неприкосновенность его границ и территориальной целостности»* [5]. В отличие от редакции Конституции 1995 года данная конституционная формула существенно расширяет содержание конституционной идентичности, объединяя историко-культурные, государственно-правовые и территориально-политические основания современного казахстанского государства.

Новая редакция преамбулы отражает стремление законодателя сформировать целостную систему конституционных ценностей, основанную на четырех взаимосвязанных элементах: исторической легитимации государственности, цивилизационной преемственности, гражданском единстве и защите государственного суверенитета. Тем самым конституционная идентичность получает значительно более комплексное содержание по сравнению с предыдущими редакциями Основного Закона.

Прежде всего, категория *«исконно казахская земля»* отражает не только территориальное измерение государственности, но и ее историко-культурное основание. Конституция закрепляет представление о Казахстане как исторической родине казахского народа, на территории которой формировались его государственные, культурные и правовые традиции. В конституционно-правовом смысле речь идет о признании исторической преемственности казахской государственности и особой связи народа с территорией государства.

Не менее значимым является положение о *«преемственности тысячелетней истории Великой Степи»*, которое существенно расширяет исторический горизонт конституционной идентичности. Если Конституция 1995 года акцентировала внимание преимущественно на государственности, создаваемой на исконной казахской земле, то Конституция 2026 года непосредственно связывает современную государственность с многовековой цивилизационной традицией Великой Степи. Тем самым конституционная идентичность основывается не только на юридическом факте образования независимого государства, но и на признании глубокой исторической непрерывности политико-правового развития казахского народа.

Особое значение имеет закрепление в преамбуле положения о *подтверждении унитарного характера государства, неприкосновенности его границ и территориальной целостности*. Включение данной формулы свидетельствует о расширении содержания конституционной идентичности за счет ее государственно-охранительного компонента. Если ранее историческая память выполняла преимущественно интеграционную функцию, то новая редакция преамбулы дополнительно подчеркивает конституционную ценность государственного суверенитета, территориальной целостности и единства публичной власти как неотъемлемых элементов казахстанской государственности.

Следует отметить, что подобное понимание конституционной идентичности сформировалось постепенно. Уже Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР подчеркивала необходимость возрождения культуры, языка и национального достоинства казахской нации [1]. Конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан» закрепил обязанность государства создавать условия для возвращения этнических казахов на историче-

скую родину [2]. В Конституции 1993 года Казахстан определялся как форма государственности самоопределившейся казахской нации [3], тогда как Конституция 1995 года предложила более сбалансированную модель, основанную на сочетании гражданского единства и признания историко-культурной роли казахского народа. Именно формула «созидающая государственность на исконной казахской земле» [4] стала важным этапом эволюции современной конституционной идентичности, получившим дальнейшее развитие в Конституции 2026 года.

В этом контексте институт репатриации кандасов приобретает качественно новое конституционно-правовое содержание. Возвращение этнических казахов на историческую родину выступает не только миграционной или демографической мерой, но и одним из механизмов реализации конституционной идеи укрепления государственности на исконно казахской земле, сохранения исторической преемственности и укрепления национального единства. Государственная политика репатриации основывается на признании устойчивой историко-правовой связи этнических казахов, проживающих за пределами страны, с территорией казахской государственности и рассматривается как один из инструментов воспроизводства конституционной идентичности.

Вместе с тем современная конституционная модель исключает исключительно этнокультурное понимание репатриационной политики. Конституция 2026 года одновременно закрепляет идеи единого народа Казахстана, гражданского равенства и человеческого достоинства, что определяет гуманистическую направленность государственной политики. В этой связи заслуживает внимания позиция Р.С. Мельника и М.Г. Кравченко, рассматривающих человеческое достоинство как фундаментальную конституционную ценность и абсолютное право, определяющее пределы вмешательства государства в сферу прав и свобод личности [18]. Авторы справедливо отмечают, что достоинство человека выступает одновременно субъективным правом и объективным конституционным принципом, определяющим легитимность деятельности публичной власти. Применительно к репатриационной политике данный подход означает недопустимость восприятия кандаса исключительно как объекта демографической, экономической или административной политики. Напротив, конституционная идентичность современного Казахстана предполагает признание каждого человека самостоятельным субъектом права, обладающим неотчуждаемым достоинством независимо от его миграционного статуса.

Таким образом, преамбула Конституции Республики Казахстан 2026 года формирует новую модель конституционной идентичности, основанную на единстве исторической памяти, цивилизационной преемственности, государственно-территориального суверенитета, гражданской солидарности и человеческого достоинства. Именно эта система конституционных ценностей определяет современную конституционно-правовую природу института репатриации кандасов и задает стратегические ориентиры дальнейшего развития государственной миграционной политики.

Репатриация кандасов как направление государственной миграционной политики

Политика репатриации этнических казахов является одним из ключевых направлений государственной миграционной политики Республики Казахстан с момента обретения независимости. Формирование правовой базы репатриации происходило поэтапно и отражало трансформацию подходов государства к вопросам национальной идентичности, демографической безопасности и укрепления государственности.

Первоначальные основы государственной политики в данной сфере были заложены еще в Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР 1990 года, в которой республика провозгласила заботу об удовлетворении национально-культурных и духовных потребностей казахов, проживающих за пределами страны [1]. Дальнейшее развитие эта идея получила в Конституционном законе «О государственной независимости Республики Казахстан» 1991 года, закрепившем обязанность государства создавать условия для возвращения на территорию республики лиц, вынужденно покинувших ее в результате репрессий, коллективизации и иных антигуманных политических процессов, а также этнических казахов, проживающих на территории бывших союзных республик [2].

Важным этапом институционализации политики репатриации стало принятие Концепции репатриации этнических казахов на историческую родину 1998 года [9]. Данный документ впервые

системно определил цели, задачи и механизмы государственной политики в отношении этнических репатриантов. В Концепции подчеркивалось, что возвращение этнических казахов рассматривается как одно из приоритетных направлений укрепления независимости, демографического развития и сохранения национальной культуры государства [14]. Особое внимание уделялось вопросам социальной адаптации репатриантов, обеспечению их жильем, трудоустройством, образованием и интеграцией в общественную жизнь страны.

Существенное значение для развития законодательства о репатриации имело принятие Закона Республики Казахстан «О миграции населения» [12]. Закон закрепил основные правовые механизмы регулирования этнической миграции, определил правовой статус репатриантов, порядок присвоения соответствующего статуса, меры государственной поддержки и компетенцию государственных органов в данной сфере.

На протяжении длительного времени в законодательстве использовалась категория «оралман», под которой понимались этнические казахи, постоянно проживавшие за пределами Республики Казахстан на момент приобретения ею независимости и прибывшие в страну с целью постоянного проживания. Однако со временем данный термин стал восприниматься неоднозначно как в общественном, так и в научном дискурсе. В этой связи в законодательстве Республики Казахстан была осуществлена замена категории «оралман» на термин «кандас».

В Законе Республики Казахстан «О миграции населения» закреплено, что кандас – это этнический казах и (или) члены его семьи казахской национальности, ранее не состоявшие в гражданстве Республики Казахстан, прибывшие на историческую родину и получившие соответствующий статус в установленном законом порядке [12]. Введение категории «кандас» имело не только юридическое, но и важное символическое значение. В отличие от термина «оралман», акцентировавшего внимание преимущественно на факте возвращения, понятие «кандас» подчеркивает идею родства, исторической общности и принадлежности к единому народу.

Таким образом, эволюция законодательства о репатриации свидетельствует о постепенном переходе от преимущественно гуманитарного понимания этнической миграции к ее восприятию как важнейшего элемента государственной, демографической и конституционной политики Республики Казахстан.

Конституционно-правовой статус кандасов

Конституционно-правовой статус кандасов формируется на основе совокупности норм конституционного, миграционного и административного законодательства Республики Казахстан и отражает особый характер государственной политики в отношении этнических соотечественников.

Правовая основа статуса кандасов непосредственно связана с конституционными положениями о государственности, исторической преемственности и защите прав человека. Конституция Республики Казахстан закрепляет принципы равенства, недискриминации, защиты человеческого достоинства и права на гражданство [5]. Вместе с тем политика репатриации основывается также на признании исторической связи этнических казахов с Республикой Казахстан как исторической родиной.

В соответствии с Законом Республики Казахстан «О миграции населения» статус кандаса предоставляется этническим казахам и членам их семей, прибывшим в Казахстан для постоянного проживания [12]. Получение данного статуса осуществляется в административном порядке и предполагает предоставление определенного комплекса правовых и социальных гарантий.

Одним из ключевых элементов правового механизма репатриации являются меры государственной адаптации и интеграции кандасов. Законодательство предусматривает оказание содействия в трудоустройстве, обучении государственному языку, получении образования, медицинской помощи, профессиональной переподготовке и социальной адаптации. Значительная часть данных мер направлена на обеспечение полноценной интеграции репатриантов в казахстанское общество и минимизацию социальных рисков, связанных с миграционными процессами. При этом социологические исследования показывают, что проблемы интеграции репатриантов сохраняют комплексный характер и не сводятся только к формальному предоставлению статуса [17].

Существенное место в государственной политике занимает механизм регионального расселения кандасов. В Казахстане действует система региональных квот приема кандасов, ориентированная

прежде всего на северные, восточные и приграничные регионы страны [19]. Использование квот позволяет государству сочетать гуманитарные задачи репатриации с вопросами демографической устойчивости, регионального развития и национальной безопасности.

Государство предоставляет кандасам комплекс мер поддержки в рамках региональных квот, включая субсидии на переезд, обеспечение жильем, компенсацию транспортных расходов и содействие занятости [19]. Данные меры свидетельствуют о том, что институт кандасов рассматривается государством не как временный миграционный механизм, а как долгосрочный элемент демографической и стратегической политики.

Особенностью конституционно-правового статуса кандасов является сочетание принципа равенства граждан с признанием специфического положения этнических репатриантов. С одной стороны, Конституция Республики Казахстан закрепляет равенство всех перед законом и судом. С другой стороны, государство вправе осуществлять специальные меры поддержки кандасов, исходя из исторической ответственности перед соотечественниками и необходимости укрепления национальной государственности.

Следовательно, институт кандасов представляет собой особую правовую конструкцию, соединяющую элементы миграционного, социального и конституционного регулирования. Его специфика обусловлена тем, что репатриация в Казахстане рассматривается не исключительно как миграционный процесс, а как форма восстановления исторической, культурной и государственно-правовой связи народа с исторической родиной.

Демографическая и государственно-стратегическая функция репатриации

На современном этапе репатриация кандасов выполняет не только гуманитарную или культурную, но и выраженную демографическую и государственно-стратегическую функцию. В условиях глобальных миграционных процессов, демографических диспропорций и региональной неравномерности расселения населения политика репатриации становится важным инструментом обеспечения устойчивого развития государства.

Согласно Концепции миграционной политики Республики Казахстан до 2030 года, с момента обретения независимости в страну вернулось более 1,2 миллиона этнических казахов [20]. Масштаб репатриации свидетельствует о значительной роли этнической миграции в формировании современной демографической структуры Казахстана.

Особое значение репатриация имеет для северных и восточных регионов Республики Казахстан. В Концепции миграционной политики подчеркивается необходимость рационального распределения миграционных потоков и укрепления демографического потенциала отдельных регионов страны [20]. В этой связи государственная политика ориентирована на стимулирование переселения кандасов в регионы с низкой плотностью населения, высоким уровнем миграционного оттока и повышенным значением для территориальной устойчивости государства.

Демографическая функция репатриации проявляется также в укреплении численности населения, повышении доли молодежи и восполнении трудовых ресурсов. Значительная часть кандасов относится к трудоспособному населению, что способствует развитию рынка труда и региональной экономики. Наряду с этим репатриация оказывает влияние на сохранение языковой среды, развитие национальной культуры и укрепление казахской идентичности.

Государственно-стратегическое значение репатриации связано прежде всего с вопросами национальной безопасности, территориальной устойчивости и сохранения историко-культурного пространства государства. Репатриационная политика способствует укреплению связи государства с зарубежными казахскими общинами и формированию единого культурно-исторического пространства казахского народа.

Следует отметить, что в современных условиях политика репатриации приобретает комплексный характер и выходит за рамки исключительно миграционного регулирования. Институт кандасов становится элементом реализации государственной политики в сфере демографии, регионального развития, национальной идентичности и укрепления конституционной государственности.

Таким образом, репатриация кандасов в Республике Казахстан представляет собой многоуровневый государственно-правовой механизм, сочетающий гуманитарные, демографические,

социальные и стратегические функции. Ее значение определяется не только необходимостью поддержки этнических соотечественников, но и задачами долгосрочного укрепления государственности и конституционной идентичности Республики Казахстан.

Зарубежный опыт и сравнительно-правовой анализ

Политика репатриации этнических соотечественников используется многими государствами как инструмент демографической, культурной и государственной политики. Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта позволяет выявить общие тенденции и особенности различных моделей возвращения соотечественников, а также определить специфику казахстанского подхода к институту кандасов.

Одним из наиболее известных примеров является модель Израиля, основанная на Законе о возвращении 1950 года [21]. Данный закон закрепляет право каждого еврея на репатриацию и получение гражданства Израиля. Репатриация рассматривается как фундаментальный элемент государственной идеологии и способ восстановления исторической связи народа с исторической родиной. Израильская модель основывается преимущественно на этноконфессиональном принципе национальной идентичности и имеет ярко выраженный историко-цивилизационный характер.

Сходные элементы присутствуют и в законодательстве Германии. После Второй мировой войны Федеративная Республика Германия реализовывала программы возвращения этнических немцев (*Aussiedler* и *Spätaussiedler*), проживавших на территории Восточной Европы и СССР [22]. В отличие от израильской модели германский подход сочетал этнокультурные критерии с механизмами правовой и социальной интеграции.

Польша также реализует политику поддержки этнических поляков, проживающих за рубежом. Существенное значение имеет институт «Карты поляка», подтверждающий принадлежность лица к польскому народу и предоставляющий определенные права и льготы [23]. Польская модель основывается на идее сохранения культурной и языковой связи с польской диаспорой, однако не предполагает автоматического предоставления гражданства.

Российская Федерация реализует Государственную программу содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом [24]. Российская модель сочетает элементы демографической политики, регулирования рынка труда и поддержки русскоязычного населения постсоветского пространства. В отличие от Казахстана, российский подход ориентирован преимущественно на категорию «соотечественников» как культурно-языковую общность, а не исключительно этническую группу.

Сравнительный анализ показывает, что во всех рассмотренных моделях политика репатриации тесно связана с вопросами национальной идентичности, исторической памяти и государственной преемственности. Вместе с тем существуют существенные различия в конституционных основаниях и механизмах реализации данной политики. Израильская модель имеет выраженное этноконфессиональное основание; германская – этнокультурное и социально-интеграционное; польская – культурно-диаспоральное; российская – культурно-языковое и демографическое.

Для европейской правовой доктрины последних десятилетий характерно активное развитие концепции *shared constitutional values* – общих конституционных ценностей [16]. В рамках данного подхода основное внимание уделяется интеграции мигрантов через усвоение конституционных принципов государства: верховенства права, демократии, прав человека, свободы и равенства. Сходные вопросы иерархии конституционных ценностей рассматриваются и в исследованиях конституционного права государств СНГ [25]. Европейская модель миграционной интеграции ориентирована прежде всего на включение мигрантов в единое правовое и ценностное пространство государства.

Казахстанская модель существенно отличается от такого подхода. Если европейская система строится преимущественно вокруг концепции ценностной интеграции мигрантов, то казахстанская модель основывается на идее историко-культурной репатриации. Институт кандасов предполагает не интеграцию внешне чуждой миграционной группы, а восстановление исторической связи этнических соотечественников с государством и исторической родиной.

Вместе с тем казахстанская модель не сводится исключительно к этническому принципу. Конституция Республики Казахстан закрепляет идеи гражданского единства, общественного согласия

и равенства прав всех граждан [4; 5]. Именно поэтому политика репатриации кандасов сочетает элементы историко-культурной преемственности и конституционного патриотизма.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что институт репатриации является распространенным элементом современной государственной политики. Однако казахстанская модель обладает собственной спецификой, обусловленной сочетанием исторической памяти, ценностей государственности, гражданского единства и ответственности государства перед соотечественниками.

Обсуждение и результаты

Проведенное исследование показывает, что политика репатриации кандасов в Республике Казахстан обладает сложной и многослойной правовой природой. Она не может рассматриваться исключительно как разновидность миграционной политики или механизм регулирования демографических процессов. Репатриация кандасов представляет собой одновременно гуманитарный и государственно-стратегический институт, основанный на системе конституционных ценностей, закрепленных в преамбуле Конституции Республики Казахстан.

Гуманитарная составляющая политики репатриации проявляется в признании государством исторической ответственности перед этническими казахами, проживающими за пределами страны. Репатриация направлена на восстановление нарушенных исторических, культурных и семейных связей народа, сформировавшихся в результате сложных политических процессов XX века, включая репрессии, голод, коллективизацию, изменение государственных границ и вынужденные миграции. В данном контексте возвращение кандасов выступает формой исторической справедливости и реализации права человека на возвращение к историко-культурному пространству своего народа.

Одновременно политика репатриации имеет выраженное государственно-стратегическое значение. Республика Казахстан рассматривает институт кандасов как важный элемент демографической, региональной и национальной политики. Использование механизмов переселения кандасов в северные и восточные регионы страны свидетельствует о том, что репатриация выполняет функции укрепления территориальной устойчивости государства, восполнения демографических диспропорций и развития трудового потенциала регионов. Следовательно, репатриация в Казахстане выходит за рамки исключительно гуманитарной деятельности и становится частью долгосрочной стратегии укрепления государственности.

Особое значение имеет проблема соотношения гражданской идентичности и этнокультурной преемственности. Современный казахстанский конституционализм основывается на модели гражданского единства, предполагающей равенство всех граждан независимо от этнической принадлежности [4; 5]. Вместе с тем Конституция Республики Казахстан одновременно закрепляет историко-культурное основание государственности через категории «исконной казахской земли», «преемственности тысячелетней истории Великой Степи» и исторической ответственности перед будущими поколениями.

В этой связи институт кандасов представляет собой пример сочетания гражданской и этнокультурной составляющих конституционной идентичности. Репатриация не означает возврата к этнической модели государства в ее исключительном понимании. Напротив, казахстанская модель демонстрирует стремление интегрировать этнокультурную преемственность в систему общегосударственных конституционных ценностей. Именно поэтому институт кандасов одновременно выполняет интеграционную, культурную и государственно-консолидирующую функции.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что многие государства используют механизмы репатриации как элемент национальной политики. Однако в Казахстане данная политика имеет особую конституционно-ценностную основу. В отличие от ряда европейских моделей, ориентированных преимущественно на ценностную интеграцию мигрантов через усвоение универсальных конституционных принципов, казахстанская модель строится вокруг идеи историко-культурной репатриации и восстановления исторической связи народа с государством.

Отдельного внимания заслуживает проблема формального восприятия преамбулы Конституции как исключительно декларативной части основного закона. Подобный подход существенно ограничивает понимание роли конституционной аксиологии в формировании государственной

политики. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что преамбула Конституции Республики Казахстан обладает самостоятельным ценностно-нормативным содержанием и оказывает непосредственное влияние на формирование государственной миграционной политики.

В преамбуле концентрированно выражены базовые ценности казахстанской государственности: историческая преемственность, государственность, общественное согласие, ответственность перед будущими поколениями, единство народа и патриотизм. Именно данные ценности формируют мировоззренческую основу института кандасов и определяют направление развития политики репатриации.

В этой связи представляется обоснованным утверждение о том, что преамбула Конституции выполняет функцию аксиологического компаса миграционной политики государства. Через систему конституционных ценностей преамбула задает стратегическое направление развития законодательства о миграции, репатриации и национальной идентичности, обеспечивая связь между исторической памятью, государственными интересами и современными принципами конституционного развития.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что преамбула Конституции Республики Казахстан представляет собой самостоятельный источник конституционных ценностей, оказывающий существенное влияние на формирование государственной миграционной политики. В отличие от традиционного восприятия преамбулы как исключительно политико-декларативного текста, современный казахстанский конституционализм демонстрирует усиление ее аксиологического и правонаправляющего значения.

Анализ эволюции конституционных актов Республики Казахстан показал, что идеи исторической государственности, преемственности поколений, ответственности перед будущими поколениями и поддержки соотечественников последовательно развивались с момента обретения независимости. Особое значение в данном процессе имеют положения преамбулы Конституции 1995 года и Конституции 2026 года, закрепляющие категории исторической памяти, государственности на исконной казахской земле, единства народа Казахстана и преемственности тысячелетней истории Великой Степи.

Политика репатриации кандасов является одной из форм реализации конституционной ценности исторической преемственности. Возвращение этнических казахов на историческую родину представляет собой не только миграционный или демографический процесс, но и механизм восстановления исторической связи народа, нарушенной вследствие трагических событий прошлого столетия. В этом смысле институт кандасов выступает элементом сохранения культурной памяти и укрепления государственно-правовой преемственности Казахстана.

Установлено, что институт кандасов направлен не только на регулирование миграционных процессов и решение демографических задач, но и на укрепление конституционной идентичности государства. Государственная политика репатриации способствует сохранению культурного пространства казахского народа, укреплению языковой среды, развитию исторической памяти и формированию конституционного патриотизма.

Исследование показало, что современная конституционная модель Республики Казахстан сочетает принципы гражданского единства и сохранения историко-культурной основы государственности. В отличие от моделей этнического национализма, казахстанский подход основывается на интеграции этнокультурной преемственности в систему общегосударственных конституционных ценностей. Именно поэтому политика репатриации кандасов рассматривается государством как механизм укрепления общественного согласия, демографической устойчивости и национальной государственности.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта позволил установить, что институт репатриации широко используется различными государствами как элемент демографической, культурной и государственной политики. Вместе с тем казахстанская модель обладает собственной спецификой, обусловленной сочетанием исторической памяти, принципов конституционного патриотизма и идеи историко-культурной репатриации.

Практический вывод исследования состоит в том, что дальнейшее развитие миграционного законодательства Республики Казахстан требует усиления конституционно-аксиологического подхода к регулированию репатриационных процессов. Такая конституционализация миграционной политики предполагает более последовательное отражение в законодательстве ценностей исторической преемственности, конституционной идентичности, ответственности государства перед соотечественниками и единства народа Казахстана.

Благодарности. Конфликт интересов. Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант №AP26103687 «Цифровая миграция: новые горизонты социально-экономического развития и правовая интеграция»). О конфликте интересов не заявлено.

Есетова С.К., з.ғ.к., Q University қауымдастырылған профессоры (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.), Ибраева А.С., з.ғ.д., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.), Имангазиев Т.А., Q University кіші ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.): Қазақстан Республикасы Конституциясының преамбуласы қандастарды репатриациялау саясатының құндылықтық негізі ретінде.

Мақала Қазақстан Республикасы Конституциясының преамбуласының аксиологиялық әлеуетін этникалық қазақтарды (қандастарды) репатриациялау жөніндегі мемлекеттік саясатты қалыптастыру және іске асыру контекстінде зерттеуге арналған.

Тақырыптың өзектілігі қазіргі көші-қон үдерістерінің жаңа сын-қатерлері жағдайында репатриация институтын тек демографиялық немесе әлеуметтік құрал ретінде ғана емес, тарихи-мәдени сабақтастықты қалпына келтірудің, конституциялық бірегейлікті нығайтудың және мемлекеттің шетелдегі отандастар алдындағы конституциялық-құқықтық жауапкершілігін іске асырудың тетігі ретінде қайта пайымдау қажеттілігімен айқындалады. Сонымен қатар, Конституция преамбуласының аксиологиялық әлеуеті заң ғылымында осы уақытқа дейін фрагментарлы түрде ғана зерттелген.

Зерттеу пәні Қазақстан Республикасы Конституциясының преамбуласында бекітілген конституциялық құндылықтар және олардың қандастарды репатриациялау институтының мазмұны мен дамуына ықпалы болып табылады.

Мақаланың мақсаты – Конституция преамбуласында бекітілген конституциялық құндылықтарды айқындау және олардың қандастарды репатриациялау жөніндегі мемлекеттік саясатты қалыптастыру мен дамытудағы маңызын айқындау.

Зерттеуде формальды-заңдық, тарихи-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық, аксиологиялық және жүйелік әдістер, сондай-ақ талдау, синтез және герменевтика сияқты жалпы ғылыми әдістер қолданылды.

Қазақстанның 1990 жылғы конституциялық актілерінен бастап 2026 жылғы Конституция жобасына дейінгі эволюциясын талдау негізінде Конституцияның преамбуласы мемлекеттің көші-қон саясатының бағытын айқындайтын дербес нормативтік-құндылықтық негіз болып табылатыны дәлелденеді.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы Қазақстан Республикасы Конституциясының преамбуласын қандастарды репатриациялау саясатының дербес құндылықтық-нормативтік негізі ретінде қарастыруда, сондай-ақ қандастар институтының тек көші-қонды құқықтық реттеу құралы ғана емес, конституциялық тарихи сабақтастық идеясын іске асырудың және мемлекеттің конституциялық бірегейлігін нығайтудың маңызды тетігі екендігін негіздеуде көрінеді.

Зерттеуде азаматтық бірегейлік, тарихи жады, тарихи Отан идеясы және қандастардың құқықтық мәртебесі арасындағы өзара байланысқа ерекше назар аударылады.

Зерттеу нәтижесінде Конституция преамбуласы мемлекеттің көші-қон саясаты үшін аксиологиялық бағдар қызметін атқаратыны, ал көші-қон заңнамасын одан әрі жетілдіру репатриация процестерін реттеуде конституциялық-аксиологиялық тәсілді күшейтуді талап ететіні туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: Конституция преамбуласы, конституциялық құндылықтар, көші-қон саясаты, репатриация, қандастар, конституциялық бірегейлік, тарихи сабақтастық, Қазақстан Республикасы.

S. Yessetova, PhD in Law, Associate Professor, Q University (Almaty, Republic of Kazakhstan); A. Ibrayeva, Doctor of Law, Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan); T. Imangaziyev, Junior Researcher, Q University (Almaty, Republic of Kazakhstan): The Preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan as the Value-Based Foundation of the Repatriation Policy for Qandas.

This article examines the axiological potential of the Preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan in the context of the development and implementation of the state policy on the repatriation of Qandas (officially recognised ethnic Kazakh returnees).

The relevance of the study stems from the fact that, in the face of contemporary migration challenges, the institution of repatriation requires reconsideration not merely as a demographic or social policy instrument but as a mechanism for restoring historical and cultural continuity, strengthening constitutional identity, and fulfilling the state's constitutional and legal responsibility towards ethnic compatriots abroad. At the same time, the axiological significance of the constitutional preamble has received only fragmented attention in contemporary legal scholarship.

The subject of the study comprises the constitutional values enshrined in the Preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan and their influence on the content and development of the institution of Qandas repatriation.

The purpose of the article is to identify the constitutional values embodied in the Preamble to the Constitution and to determine their significance for the formation and further development of the state policy on the repatriation of Qandas.

The research employs formal legal, historical legal, comparative legal, axiological, and systemic methods, together with the general scientific methods of analysis, synthesis, and hermeneutics.

Based on an analysis of the evolution of Kazakhstan's constitutional acts from 1990 to the Draft Constitution of 2026, the article demonstrates that the constitutional preamble constitutes an autonomous normative and value-based foundation that determines the direction of the state's migration policy.

The scientific novelty of the study lies in conceptualising the Preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan as an independent normative and axiological foundation for the policy of Qandas repatriation. The article further substantiates that the institution of Qandas represents not merely an instrument of migration regulation but also a constitutional mechanism for implementing the idea of historical continuity and strengthening the constitutional identity of the state. Attention is devoted to the relationship between civic identity, historical memory, the concept of the historical homeland, and the legal status of Qandas.

The study concludes that the constitutional preamble serves as the axiological compass of the state's migration policy, while further improvement of migration legislation requires a stronger constitutional and axiological approach to the regulation of repatriation processes.

Keywords: *Preamble to the Constitution; constitutional values; migration policy; repatriation; Qandas; constitutional identity; historical continuity; Republic of Kazakhstan.*

Список литературы:

1. О Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики: постановление Верховного Совета Казахской ССР от 25 октября 1990 года № 307-XII. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700_ (16.05.2026).

2. О государственной независимости Республики Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 16 декабря 1991 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400_ (16.05.2026).

3. Конституция Республики Казахстан: принята Верховным Советом Республики Казахстан 28 января 1993 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000_ (16.05.2026).

4. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (16.05.2026).
5. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (16.05.2026).
6. Критически важный момент в новой Конституции назвал президент. Zakon.kz. 10 апреля 2026. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6514046-kriticheski-vazhnyy-moment-v-novoy-konstitutsii-nazval-prezident.html> (16.05.2026).
7. Есегова С.К. Государственное регулирование процесса возвращения репатриантов на историческую родину (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Алматы: КазНУ, 2007. 124 с.
8. Салимгерей А.А. Преамбула Конституции Республики Казахстан не закрепляет преемственность казахской государственности и создает потенциальную угрозу для национальной безопасности страны. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33504024 (25.05.2026).
9. Караев А.А. Преамбула Конституции Республики Казахстан как концептуальное выражение национального суверенитета. 22.01.2026. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=39753377 (25.05.2026).
10. Айтхожин К.К. Путеводная звезда государства и общества. 15 мая 2026. URL: <https://postfactum.kz/ru/mneniya/22-aithozhin/1766-putevodnaya-zvezda-gosudarstva-i-obshchestva> (25.05.2026).
11. Дуйсенов Е.Э. Новая Конституция: историческая преемственность, баланс властей и защита суверенитета. 27.02.2026. URL: <https://zanmedia.kz/erkin-duisenov-novaya-konstitucziya-istoricheskaya-preemstvennost-balans-vlastej-i-zashhita-suvereniteta/156920/> (25.05.2026).
12. О миграции населения: Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года № 477-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (20.05.2026).
13. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961> (20.05.2026).
14. Об утверждении Концепции репатриации этнических казахов на историческую родину: постановление Правительства Республики Казахстан от 16 сентября 1998 года № 900. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P980000900_ (20.05.2026).
15. Есегова С.К. Ценность преемственности в преамбуле Конституции Республики Казахстан (на примере политики репатриации). Конституционные ценности: теория и практика: материалы Международной научно-теоретической конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2010. URL: <https://dot.qpa.edu.kz/bible/files/193878173.pdf> (20.05.2026).
16. Manser-Egli S. Respecting the values of the constitution: Integration in the community of value(s). *Frontiers in Political Science*. 2023. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2023.1124552> (10.05.2026).
17. Курганская В.Д., Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю., Абрахматова Г.А. Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении. Мониторинг. 2024. № 4(182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/repatrianty-v-kazahstane-analiz-problem-integratsii-v-sotsiologicheskom-izmerenii> (10.05.2026).
18. Мельник Р.С., Кравченко М.Г. Человеческое достоинство как конституционная ценность. *Право и государство*. 2025. № 3(108). С. 24–37. URL: <https://km.mnu.kz/ru/archiv/108/3> (10.05.2026).
19. Об утверждении Правил включения в региональную квоту приема кандасов и переселенцев: приказ и.о. Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 15 января 2016 года № 20 (в редакции приказа Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 14 ноября 2025 года № 359). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600013334/history> (10.05.2026).
20. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан до 2030 года: постановление Правительства Республики Казахстан от 15 декабря 2025 года № 1081. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500001081> (10.05.2026).

21. Закон о возвращении: принят Кнессетом 5 июля 1950 года. URL: <https://eleven.co.il/state-of-israel/government-system/11585/> (10.05.2026).

22. Aufnahme als Spätaussiedler beantragen. URL: <https://www.kehl.de/-/service-bw+verfahren/aufnahme-als-spaetaussiedler-beantragen/vbid867> (10.05.2026).

23. Ustawa z dnia 7 września 2007 r. o Karcie Polaka. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu20071801280> (10.05.2026).

24. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30509730 (10.05.2026).

25. Бурла В., Комарова В.В. Ценности в конституционном праве государств – членов СНГ: проблемы иерархизации системы. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-v-konstitutsionnom-prave-gosudarstv-chlenov-sng-problemy-ierarhizatsii-sistemy> (10.05.2026).

References:

1. O Deklaratsii o gosudarstvennom suverenitete Kazakhskoi Sovetskoj Sotsialisticheskoi Respubliki: postanovlenie Verkhovnogo Soveta Kazakhskoi SSR ot 25 oktyabrya 1990 goda № 307-XII. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700> (16.05.2026).

2. O gosudarstvennoj nezavisimosti Respubliki Kazakhstan: Konstitutsionnyj zakon Respubliki Kazakhstan ot 16 dekabrya 1991 goda. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400> (16.05.2026).

3. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan: prinyata Verkhovnym Sovetom Respubliki Kazakhstan 28 yanvarya 1993 goda. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000> (16.05.2026).

4. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan: prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (16.05.2026).

5. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan: prinyata na respublikanskom referendume 15 marta 2026 goda. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (16.05.2026).

6. Kriticheski vazhnyi moment v novoi Konstitutsii nazval prezident. Zakon.kz. 10 aprelya 2026. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6514046-kriticheski-vazhnyy-moment-v-novoy-konstitutsii-nazval-prezident.html> (16.05.2026).

7. Yessetova S.K. Gosudarstvennoe regulirovanie protsessa vozvrashcheniya repatriantov na istoricheskuyu rodinu (teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk. Almaty: KazNU, 2007. 124 s.

8. Salimgerei A.A. Preambula Konstitutsii Respubliki Kazakhstan ne zakreplyaet preemstvennost' kazakhskoi gosudarstvennosti i sozdaet potentsial'nyu ugrozu dlya natsional'noi bezopasnosti strany. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33504024 (25.05.2026).

9. Karaev A.A. Preambula Konstitutsii Respubliki Kazakhstan kak kontseptual'noe vyrazhenie natsional'nogo suvereniteta. 22.01.2026. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=39753377 (25.05.2026).

10. Aitkhozhin K.K. Putevodnaya zvezda gosudarstva i obshchestva. 15 maya 2026. URL: <https://postfactum.kz/ru/mneniya/22-aitkhozhin/1766-putevodnaya-zvezda-gosudarstva-i-obshchestva> (25.05.2026).

11. Duisenov E.E. Novaya Konstitutsiya: istoricheskaya preemstvennost', balans vlastei i zashchita suvereniteta. 27.02.2026. URL: <https://zanmedia.kz/erkin-duisenov-novaya-konstitucziya-i-istoricheskaya-preemstvennost-balans-vlastej-i-zashchita-suvereniteta/156920/> (25.05.2026).

12. O migratsii naseleniya: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 22 iyulya 2011 goda № 477-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (20.05.2026).

13. Ob utverzhdenii Kontseptsii migratsionnoi politiki Respubliki Kazakhstan na 2023–2027 gody: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 30 noyabrya 2022 goda № 961. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961> (20.05.2026).

14. Ob utverzhdenii Kontseptsii repatriatsii etnicheskikh kazakhov na istoricheskuyu rodinu: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 16 sentyabrya 1998 goda № 900. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P980000900> (20.05.2026).

15. Yessetova S.K. Tsennost' preemstvennosti v preambule Konstitutsii Respubliki Kazakhstan (na primere politiki repatriatsii) // Konstitutsionnye tsennosti: teoriya i praktika: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2010. URL: <https://dot.qpa.edu.kz/bible/files/193878173.pdf> (20.05.2026).

16. Manser-Egli S. Respecting the values of the constitution: Integration in the community of value(s). *Frontiers in Political Science*. 2023. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2023.1124552> (10.05.2026).

17. Kurganskaya V.D., Shaukenova Z.K., Dunaev V.Yu., Abrakhmatova G.A. Repatrianty v Kazakhstane: analiz problem integratsii v sotsiologicheskoye izmerenii. *Monitoring*. 2024. № 4(182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/repatrianty-v-kazakhstane-analiz-problem-integratsii-v-sotsiologicheskoye-izmerenii> (10.05.2026).

18. Mel'nik R.S., Kravchenko M.G. Chelovecheskoye dostoinstvo kak konstitutsionnaya tsennost' . *Pravo i gosudarstvo*. 2025. № 3(108). S. 24–37. URL: <https://km.mnu.kz/ru/archiv/108/3> (10.05.2026).

19. Ob utverzhdenii Pravil vkl'yucheniya v regional'nyy kvotu priema kandasov i pereselentsev: prikaz i.o. Ministra zdoravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Respubliki Kazakhstan ot 15 yanvarya 2016 goda № 20 (v redaktsii prikaza Ministra truda i sotsial'noi zashchity naseleniya Respubliki Kazakhstan ot 14 noyabrya 2025 goda № 359). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600013334/history> (10.05.2026).

20. Ob utverzhdenii Kontseptsii migratsionnoi politiki Respubliki Kazakhstan do 2030 goda: postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 15 dekabrya 2025 goda № 1081. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500001081> (10.05.2026).

21. Zakon o vozvrashchenii: prinyat Knessetom 5 iyulya 1950 goda. URL: <https://eleven.co.il/state-of-israel/government-system/11585/> (10.05.2026).

22. Aufnahme als Spätaussiedler beantragen. URL: <https://www.kehl.de/-/service-bw+verfahren/aufnahme-als-spaetaussiedler-beantragen/vbid867> (10.05.2026).

23. Ustawa z dnia 7 września 2007 r. o Karcie Polaka. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu20071801280> (10.05.2026).

24. O merakh po okazaniyu sodeistviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiiskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 22 iyunya 2006 goda № 637. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30509730 (10.05.2026).

25. Burla V., Komarova V.V. Tsennosti v konstitutsionnom prave gosudarstv – chlenov SNG: problemy ierarhizatsii sistemy. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-v-konstitutsionnom-prave-gosudarstv-chlenov-sng-problemy-ierarhizatsii-sistemy> (10.05.2026).

Для цитирования и библиографии: Есетова С.К., Ибраева А.С., Имангазиев Т.А. Преамбула Конституции Республики Казахстан как ценностная основа политики репатриации кандасов // *Право и государство*. № 3(112), 2026. – С. 31-48. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_31

Материал поступил в редакцию 21.05.2026

ПРЕЗУМПЦИЯ ДИСПОЗИТИВНОСТИ НОРМ О ДОГОВОРАХ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ОПЫТ СПЛОШНОЙ ОЦЕНКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Е.Л. БАБАДЖАНИЯН, PhD Candidate, Teaching Professor Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана), e-mail: e_babadzhanyan@kazguu.kz

М.А. АХМАДИ, PhD, Assistant Professor Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана), e-mail: m_akhmadi@kazguu.kz

Р.М. МАЛЬКОВ, докторант, Research Assistant научной школы частного права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана), email: r_malkov@kazguu.kz

В статье обосновывается переход от действующей техники выборочной диспозитивности договорных норм к общей опровержимой презумпции их диспозитивности. Исходной проблемой является несовпадение провозглашенной свободы договора с практикой, при которой отсутствие в норме слов «если иное не предусмотрено договором» нередко воспринимается как аргумент в пользу императивности. Такая техника делает режим нормы зависимым от случайностей редакции, усиливает отрицательное толкование и переносит принципиальный выбор законодателя в сферу непредсказуемого судебного усмотрения.

Цель настоящей статьи заключается в обосновании иного алгоритма толкования и построения положений Особенной части Гражданского кодекса РК о договорах.

Объектом исследования выступают отношения, складывающиеся при определении сторонами содержания договора и при судебной квалификации норм договорного права.

Предметом исследования выступают нормы глав 25-46 Особенной части ГК РК, а также положения Общей части ГК о свободе договора и доктринальные подходы к разграничению императивных и диспозитивных норм.

Предлагается пятикомпонентный тест допустимой императивности: защита публичного интереса; защита прав третьих лиц; защита слабой стороны; требования добросовестности и предотвращение грубого нарушения баланса интересов; сохранение существа законодательного регулирования соответствующего договора.

Пятикомпонентный тест служит не автоматическим основанием императивности, а средством проверки того, требует ли защита соответствующего интереса ограничения автономии сторон. Сплошной анализ положений глав 25-46 Особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан показывает, что текстуальные признаки нормы не всегда позволяют надежно определить ее диспозитивный или императивный характер. Презумпция диспозитивности поэтому выступает исходным правилом, опровержимым при наличии достаточных оснований для ограничения автономии сторон.

Ключевые слова: свобода договора, презумпция диспозитивности, императивная норма, диспозитивная норма, односторонняя императивность, прямой законодательный запрет, телеологическое толкование, слабая сторона договора, Гражданский кодекс Республики Казахстан, законодательная техника.

Введение

Свобода договора относится к основным началам гражданского законодательства Республики Казахстан. Она выражается не только в свободе заключить или не заключить договор и выбрать контрагента, но и в возможности самим определить содержание договорной связи. Пункт 1 статьи 2 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) выделяет свободу договора среди основных начал гражданского законодательства, а пункт 2 той же статьи закрепляет свободу участников устанавливать свои права и обязанности на основе договора и определять его условия, не противоречащие законодательству. Статья 380 ГК РК развивает эту установку применительно к заключению предусмотренных и непоименованных договоров. Статья 382 связывает усмотрение сторон с делением норм на диспозитивные и императивные, а статья 383 требует соответствия договора обязательным правилам, действовавшим в момент его заключения [1].

Такое понимание имеет опору и в казахстанской цивилистической доктрине. В учебнике под редакцией М.К. Сулейменова и Ю.Г. Басина, а позднее в комментарии к Общей части ГК была сформулирована позиция, согласно которой императивных норм в гражданском законодательстве сравнительно немного, тогда как преобладают диспозитивные нормы. Эта доктринальная установка важна для настоящего исследования не как заранее принимаемый количественный вывод, а как гипотеза о характере гражданско-правового регулирования, подлежащая проверке на нормативном материале договорного права [2, с. 680; 3, с. 401; 4].

Однако нормы ГК РК не отвечают на главный практический вопрос: что происходит, если норма подробно предписывает определенное распределение прав, обязанностей, рисков или последствий нарушения, но не сообщает, вправе ли стороны согласовать иной вариант и не устанавливает запрета на иное? При буквальном подходе возникает соблазн считать диспозитивными только те нормы, в которых законодатель поместил специальную формулу: «если иное не предусмотрено договором», «если договором не предусмотрено иное» либо близкую ей оговорку. Норма без такой фразы начинает восприниматься как императивная. Тем самым отсутствие специальных оговорок может способствовать оценке правила как императивного.

Вместе с тем само законодательное определение диспозитивной нормы в ст. 382 ГК РК описывает механизм ее действия, но еще не дает общего критерия, позволяющего квалифицировать текстуально нейтральное предписание как диспозитивное или императивное. Именно эта зона между прямым разрешением отступить от нормы и прямым запретом такого отступления образует основную проблему настоящего исследования.

Проблема особенно заметна в подробной кодификации отдельных видов договоров. Чем подробнее глава ГК регулирует договор, тем больше в ней нейтрально сформулированных правил. Одни действительно должны связывать стороны независимо от их воли, другие являются типовыми решениями на случай молчания договора, третьи описывают понятие и конструкцию договора, четвертые охраняют третьих лиц или публичный интерес, пятые рассчитаны лишь на защиту определенной стороны и потому должны быть императивными только асимметрично. Между тем именно такие нормы составляют подавляющее большинство норм о договорах. Единая презумпция императивности для всех этих правил неизбежно оказывается грубой.

Проведенный в настоящем исследовании сплошной разбор глав 25-46 Особенной части ГК показывает, что из 1323 самостоятельных нормативных положений 986, то есть 74,5 %, не содержат ни оговорки о праве сторон предусмотреть иное, ни прямого запрета отступать от установленного правила.

Актуальность темы настоящего исследования подтверждается и на государственном уровне. Так, к примеру, 15 октября 2021 г. Указом Президента РК утверждена новая Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 г., где указано, что «гражданское законодательство содержит большое количество императивных норм в части регулирования договорных отношений, что противоречит принципу свободы договора» [5].

Тем самым проблема соотношения свободы договора и императивного регулирования имеет для Казахстана не только доктринальное, но и непосредственно реформаторское измерение. Е.В. Нестерова, анализируя положения Концепции правовой политики применительно к предпринимательским договорам, также связывает дальнейшее развитие договорного права с сокращением

императивного регулирования до тех случаев, в которых государственное вмешательство имеет самостоятельное обоснование [6].

Цель настоящей статьи заключается в обосновании иного алгоритма толкования и построения положений Особенной части Гражданского кодекса РК о договорах.

Центральный тезис исследования выражается в том, что норма, определяющая взаимные права и обязанности сторон договора, должна предполагаться диспозитивной.

При этом число таких запретов должно быть существенно сокращено по сравнению с действующим массивом норм, потенциально понимаемых как императивных. Сокращение должно быть достигнуто не механическим снятием защиты, а заменой неопределенной императивности адресными средствами.

Объектом исследования выступают отношения, складывающиеся при определении сторонами содержания договора и при судебной квалификации норм договорного права.

Предметом исследования выступают нормы глав 25-46 Особенной части ГК РК, а также положения Общей части ГК о свободе договора и доктринальные подходы к разграничению императивных и диспозитивных норм.

Материалы и методы

Методология включает формально-юридический анализ, телеологическое толкование, количественный (сплошной) анализ нормативного массива и сравнительно-правовой метод. Каждое нормативное положение оценивалось по единой матрице, включающей адресата нормы, защищаемый интерес, текстуальный маркер, результат применения пяти критериев, статус нормы в действующей редакции и предлагаемый статус.

На наш взгляд, указанная проблема требует именно вышеуказанной сплошной проверки, а не выборочной, так как сравнительно-правовой анализ показывает, что стандартное представление о том, что в гражданском праве диспозитивных норм больше, чем императивных является в какой-то степени, к сожалению, заблуждением.

Так, Брагинский М.И. и Витрянский В.В. указывают на то, что в Гражданском кодексе Российской Федерации в составе норм, регулирующих отдельные виды договоров, оказалось около 1600 императивных и только около 200 диспозитивных норм, что в целом очень актуально и для отечественного гражданского законодательства, которое также разрабатывалось по Модельному гражданскому кодексу стран СНГ [7, с. 71; 4].

В казахстанской литературе тот же вопрос был поставлен С.И. Климкиным через сопоставление традиционного тезиса М.К. Сулейменова и Ю.Г. Басина о преобладании диспозитивных норм с приведенными М.И. Брагинским и В.В. Витрянским количественными данными российского законодательства. Для настоящего исследования этот спор имеет, прежде всего, методологическое значение: прежде чем утверждать количественное преобладание диспозитивных или императивных норм в ГК РК, необходимо определить критерии их классификации и применить их непосредственно к казахстанскому нормативному массиву [4].

В дальнейшем идея презумпции получила в казахстанской доктрине более определенное выражение. А.К. Калдыбаев прямо рассматривает презумпцию диспозитивности норм частного права как альтернативу доминирующему формально-атрибутивному подходу. Поэтому новизна настоящей работы состоит не в первоначальном выдвижении самой идеи презумпции диспозитивности, а в ее сплошной эмпирической проверке применительно к нормативным положениям об отдельных видах договоров ГК РК [8].

Оценка содержания норм глав 25-46 ГК РК была осуществлена учениками научной школы частного права Maqsut Narikbayev University Жармухамедовым Саматом Асхатовичем и Мальковым Романом Максимовичем. Количественный анализ проводился с использованием AI-инструментов, а именно Claude Code в режиме Opus 5.

Использование AI-инструментов имело вспомогательный характер и не заменяло юридической квалификации нормативных положений. Содержательная оценка нормы осуществлялась исследователями.

Научная новизна исследования состоит в том, что критерии разграничения императивных и диспозитивных норм впервые применены к казахстанскому договорному праву не выборочно, а сплошным порядком ко всем самостоятельным нормативным положениям глав об отдельных видах договоров, а количественные выводы и законодательное предложение выведены непосредственно из результатов такой оценки.

Основные результаты

В результате исследования обоснована трехуровневая модель договорного регулирования: общая опровержимая презумпция диспозитивности норм о правах и обязанностях сторон; сохранение и прямая маркировка императивных запретов, оправданных по результатам пятикомпонентного теста; последующий судебный контроль конкретных договорных условий. Установлено, что совершенствование договорного права должно осуществляться преимущественно путем изменения режима норм, замены абсолютной императивности односторонней и сохранения восполняющего диспозитивного регулирования. Сокращение числа норм имеет вспомогательный характер и должно затрагивать прежде всего дублирующие оговорки и избыточные нормы-дозволения.

Обсуждение

Постановка проблемы

Свобода договора выражается через четыре основных условия: свобода в заключении договора; свобода выбора контрагента; свобода в заключении договоров как предусмотренных, так и не предусмотренных Гражданским кодексом (так называемые непоименованные договоры), и смешанных договоров; свобода в определении условий договора. Данные четыре критерия сами по себе выстраиваются в определенную иерархическую последовательность, где следующий уровень уместно подвергать определенному тесту только тогда, когда свое подтверждение получил предыдущий.

На первом этапе следует уделить внимание вопросу свободы волеизъявления сторон, то есть оценивается то, насколько стороны были свободны в заключении договора и отсутствовало ли какое-либо понуждение. При оценке данного критерия, конечно же стоит брать в учет некоторые исключения, где обязанность заключить договор прямо указана в законе (например, публичный договор, ст. 387 ГК РК). Если на данном этапе уже имеет место порок воли, то достаточно сложно говорить о переходе к следующим.

На втором этапе оценивается свобода выбора контрагента, то есть насколько сторона была свободна в выборе партнера в рамках грядущих договорных правоотношений. Данный критерий необходимо ограничивать от предыдущего виду того, что сторона может быть свободной вступать в договорные правоотношения, но ограниченной в выборе контрагента, и наоборот. Более того, и в данном случае имеют место быть исключения, например, когда речь идет о заключении договора с монополистом или об обязанности заключить договор при публичном договоре (как правило у предпринимателя в таких случаях нет свободы выбора).

На третьем этапе рассматривается вопрос выбора сторонами договорной конструкции. Здесь принцип свободы договора, в силу п. 2 ст. 380 ГК позволяет сторонам заключать договоры, которые как поименованы в законе, так и те, которые принято считать непоименованными, то есть те, которые законодательством не предусмотрены (здесь работает правило «можно договориться о чем угодно, что прямо не запрещено и не нарушает чьи-либо права и законные интересы»). Дополнительно стороны могут заключать смешанные договоры, содержащие в себе элементы различных договоров, в силу ст. 381 ГК. Последний критерий является наиболее детальным, так как все условия договора, которые стороны вправе определять по своему усмотрению в силу ст. 382 ГК делятся на 3 группы. Императивные нормы содержат в себе условия, от которых сторонам категорически запрещено отступать, диспозитивные нормы, которые наделяют сторон правом по своему усмотрению использовать данные положения или наоборот отказаться от их использования и существенные условия, те условия без которых договор не может признаваться заключенным.

Для целей настоящего исследования будет подробно рассматриваться именно последний этап оценки критериев свободы договора, а именно, анализу будут подвергаться пределы свободы в

определении условий договора. Такая свобода закреплена в п. 1 ст. 382 ГК. Именно она и составляет предмет настоящего исследования и вопрос о диспозитивности или императивности нормы предопределяет пределы этой свободы.

Презумпция диспозитивности не тождественна свободе договора и выступает юридико-техническим средством реализации принципа свободы договора. Такой инструмент применим при толковании норм, определяющих права и обязанности сторон уже заключенного договора. Однако, реализация принципа свободы договора в Казахстане может вызвать проблемы в отсутствие презумпции диспозитивности норм о договорах, ибо если каждая норма, не снабженная диспозитивной оговоркой, будет толковаться в качестве императивной, то принцип свободы договора останется формальной декларацией, не влекущей юридических последствий.

Такое разграничение позволяет связать исследуемую проблему с более широкой казахстанской дискуссией об автономии воли. С.В. Скрябин рассматривает автономию воли как общее начало гражданского права и анализирует допустимые пределы ее ограничения [9]. Для настоящего исследования существенно, что императивность нормы представляет собой ограничение договорной автономии и потому требует самостоятельного обоснования.

Казахстанская дискуссия об ограничениях свободы договора имеет и более раннюю доктринальную основу. С.В. Скрябин еще в 2005 г. специально исследовал пределы свободы договора и основания ее ограничения [10].

А.Г. Диденко общей презумпции диспозитивности непосредственно не формулировал: его анализ юридических презумпций имеет здесь методологическое значение как объяснение роли презумптивных конструкций в гражданско-правовом регулировании [11].

Для методологии настоящей работы имеет значение и более поздняя позиция А.Г. Диденко о толковании норм права: буквальное толкование рассматривается им как вторичное по отношению к установлению смысла нормы, а статья 6 ГК РК допускает обращение к основным принципам гражданского законодательства [12].

В целом, необходимо отметить, что формальный критерий, ставящий диспозитивность нормы в зависимости от наличия в ее тексте диспозитивной оговорки об ином соглашении сторон в доктрине не рассматривается как крайне неверный. Дело в том, что имеют место нормы, которые не содержат в себе диспозитивной оговорки, но тем не менее должны считаться диспозитивными, основываясь на праве (духе закона), а не буквы закона. Например, п. 3 ст. 51 Закона РК «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» закрепляет, что члены исполнительного органа избираются общим собранием на срок не более пяти лет. Данная норма не содержит в себе оговорки о том, что участники товарищества могут установить иной более длительный срок, тем не менее исходя из правовой природы данной нормы, она должна рассматриваться как диспозитивная, так как установление более длительного срока по решению участников не нарушает какие-либо охраняемые законом интересы [13].

В этой связи более эффективным видится подход, устанавливающий презумпцию диспозитивности.

При этом презумпция диспозитивности не отменяет пределов свободы договора. Эти пределы устанавливаются, во-первых, прямыми запретами (модель *ex ante* контроля) и, во-вторых, судебной оценкой конкретного условия по общим оценочным стандартам (модель *ex post* контроля) [14, с. 5-8].

В германской доктрине Н.С. Григолет связывает исходную диспозитивность частноправового регулирования с системообразующим значением частной автономии: диспозитивное право составляет правило, тогда как обязательность нормы – исключение; при отсутствии прямой маркировки характер нормы может устанавливаться посредством толкования ее функции и цели [15].

Французская модель формулирует предел иначе: ст. 1102 Гражданского кодекса закрепляет свободу сторон заключать договор и определять его содержание в установленных законом пределах, одновременно запрещая договорное отступление от правил, относящихся к *ordre public* [16].

Наиболее отчетливо нормативная презумпция выражена в DCFR: согласно п.2 статьи II-1:102 стороны вправе исключать применение договорных правил, отступать от них или изменять их действие, если не предусмотрено иное [17].

Презумпция диспозитивности очень развита и в американском договорном праве, так п. 3 раздела 1-102 Единообразного торгового кодекса США закрепляет следующее: «Действие положений настоящего раздела может быть изменено соглашением сторон, если настоящим разделом не предусмотрено иное. Вместе с тем установленные настоящим разделом обязанности действовать добросовестно, с должной осмотрительностью, разумно и заботливо не могут быть исключены соглашением сторон. При этом стороны вправе определить соглашением стандарты, в соответствии с которыми подлежит оценке исполнение таких обязанностей, при условии, что эти стандарты не являются явно неразумными» [18].

Сплошной подсчет по тексту глав 25-46 ГК РК дает следующую картину. Известная формула «если иное не предусмотрено договором» с учетом всех вариантов оговорки, включающих указание на договор или соглашение сторон встречается 189 раз, к которым следует добавить 17 случаев формулы «договором может (могут) быть предусмотрено (установлено)». Оговорка о договорном отступлении в том или ином виде содержится в 172 из 532 статей, то есть в 32,3 % статей.

Прямые запреты, напротив, единичны: слово «ничтожно» и его формы встречаются 26 раз, «недействительно» – 17 раз, «не допускается» – 9 раз, «запрещается» – 5 раз. Прямой запрет в каком-либо из этих выражений содержится в 41 статье, то есть в 7,7 % статей.

Одновременно глаголы предписывающего характера распределены по тексту чрезвычайно широко: форма «обязан» и ее производные встречаются 459 раз, «вправе» – 263 раза. Именно эти нормы и составляют тот массив, природа которого не определена текстуально.

Формально предписывающая конструкция сама по себе ничего не говорит о природе нормы. Различение запретительных и предписывающих императивных норм носит условный характер: предписывающая норма, если она императивна, подразумевает тот же запрет, просто выраженный косвенно [19, с. 64]. Обратное также верно: слова «обязан», «должен», «подлежит» в большинстве случаев лишь распределяют права и обязанности сторон и не содержат запрета согласовать иное.

Наиболее наглядны случаи, когда законодатель снабжает «оптовой» оговоркой о диспозитивности целую статью, включая те ее положения, отступление от которых недопустимо, либо, наоборот, помещает оговорку рядом с прямым запретом.

Пункт 6 ст. 421 ГК устанавливает, что правила всей статьи о последствиях нарушения условия об ассортименте применяются, если иное не предусмотрено договором. Пункт 4 ст. 476 ГК разрешает сторонам предусмотреть иные основания одностороннего отказа от договора поставки. Пункт 3 ст. 736 ГК распространяет диспозитивность на всю статью о правах финансового агента на суммы, полученные от должника, включая п. 2, обязывающий агента при обеспечительной уступке вернуть клиенту излишек. Последний случай показателен: буквальное применение «оптовой» оговорки позволило бы финансовому агенту присвоить все полученное сверх обеспеченного требования, что представляет собой именно то грубое нарушение баланса интересов.

Обратный пример п. 3 ст. 596 ГК: наниматель вправе отказаться от договора проката в любое время, «если иное не предусмотрено договором». Договор проката является публичным и заключается по формуляру наймодателя; оговорка о договоре позволяет исключить право нанимателя-потребителя на отказ тем самым формуляром, ради защиты от которого норма и создавалась. Аналогично п. 2 ст. 841 ГК допускает ограничение права страхователя отказаться от договора страхования «договором страхования», то есть проформой страховщика.

Такие случаи требуют ограничительного толкования – телеологической редукции гипотезы нормы, допустимость которой признается и в отношении диспозитивных, и в отношении императивных предписаний [14, с. 17-19]. Однако сама необходимость систематически прибегать к этому приему свидетельствует о дефекте законодательной техники.

На данный момент применение телеологической редукции видится необходимой для целей обеспечения более эффективного гражданского оборота и в тех случаях, когда законодатель ограничил пределы свободы договора там, где это совершенно не требуется.

К примеру, в силу п. 1 ст. 559 ГК РК переход права собственности на арендованное имущество не является основанием для изменения или расторжения договора аренды. Однако, остается непонятным, почему законом в данном случае не допускается соглашение сторон об ином [6].

Действующая модель порождает двойную неопределенность. С одной стороны, отсутствие оговорки не означает императивности, но и не опровергает ее. С другой стороны, наличие оговорки не всегда означает полную диспозитивность, поскольку «оптовые» оговорки охватывают положения, отступление от которых недопустимо. В результате участник оборота не может определить пределы своей свободы ни по тексту нормы, ни по ее месту в системе. Сам по себе такой законодательный пробел объективно создает условия для формально-атрибутивного подхода при оценке норм о договорах.

Определенно, на более раннем этапе исторического развития телеологическое толкование рассматривалось как некий универсальный инструмент, который наделял суды высоким уровнем дискреции в вопросах толкования норм договорного права, когда законодатель не указывал в норме какие-либо маркеры императивности или диспозитивности. Тем не менее, такой подход несмотря на всю свою гибкость несет в себе потенциальные пробелы и большую нагрузку на суды, что и стало причиной того, что страны романо-германской правовой семьи стали все чаще смотреть в сторону презумпции диспозитивности.

Презумпция необходима не потому, что всякая текстуально нейтральная норма должна в конечном счете оказаться диспозитивной, а потому, что при отсутствии ясной законодательной маркировки требуется единая исходная точка анализа. Презумпция определяет эту исходную точку, а пятикомпонентный тест – условия ее возможного опровержения.

Состав пяти критериев не претендует на самостоятельное происхождение: он систематизирует основания императивности, сформулированные в п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 и в Концепции казахстанского законопроекта об имплементации принципов и положений английского и европейского права, изложенной Е.В. Нестеровой. Новизна настоящего исследования состоит в их операционализации в виде единого теста и сплошном применении к нормативному массиву глав 25-46 ГК РК [20, п. 3; 6].

Данная проблема характерна не только для казахстанского законодательства, но и стран, построивших структуру гражданского кодекса на основе Модельного гражданского кодекса стран СНГ. В России к решению исследуемой проблемы подошли через формирование позиций высших судов и точка в вопросе была поставлена постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах» [20, п. 2-4; 14, с. 16-17]. Данное постановление Пленума решает и более общую задачу. Его пункты 2-4 закрепляют, что природа нормы, определяющей права и обязанности сторон заключенного договора и не содержащей текстуального указания на свой характер, устанавливается судом путем толкования ее целей. Суд, решивший истолковать такую норму как императивную, обязан мотивировать этот выбор и назвать те интересы и ценности, которые оправдывают ограничение договорной свободы. При отсутствии таких оснований норма толкуется как диспозитивная [20, п.2-4; 14, с.16-17].

Данный подход был впоследствии поддержан и Верховным Судом Российской Федерации, что отражено в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам от 3 ноября 2015 г. № 305-ЭС15-6784, от 29 марта 2016 г. № 306-ЭС15-16624 и от 25 августа 2016 г. № 301-ЭС16-4469 [21, с.125].

Практика дает и примеры обратного свойства, когда императивность выводится не из текста нормы, а из существа регулирования. Так, право каждой из сторон бессрочного договора аренды на немотивированный отказ признано императивным, а условие о том, что профессиональный исполнитель охранных услуг или перевозчик отвечает лишь за умышленное нарушение, признано противоречащим существу соответствующего типа договорного обязательства [22, п.15; 23, п. 6; 21, с. 124]. Оба примера показывают тем, что ограничение свободы договора в них обосновано содержательно, а не отсутствием оговорки в тексте нормы.

Пределы императивного регулирования договорных отношений уже становились в Казахстане предметом конституционного контроля: нормативным постановлением Конституционного Суда Республики Казахстан от 27 февраля 2025 г. № 68-НП часть вторая пункта 1 статьи 818 ГК РК, определяющая принадлежность страховщику полученных им страховых премий, признана соответствующей Конституции Республики Казахстан [24]. Это подтверждает, что вопрос о границе

между предписанием закона и усмотрением сторон в договорном праве имеет в Казахстане в том числе конституционное измерение.

Обращение к отечественной практике показывает, что описанная проблема не является умозрительной. Поиск в информационной системе <https://opensud.bestprofi.com/> дал возможность выявить 471 судебных акта, выборочный анализ которых позволяет прийти к выводу, что в ряде случаев императивность нормы выводится судом не только из прямого законодательного запрета, но и из самого факта отсутствия в норме оговорки о праве сторон согласовать иное.

Наиболее показательным делом № 3571-24-00-2/304, рассмотренное судом № 2 района Әлихан Бөкейхан города Караганды. Разрешая спор из договора аренды транспортного средства, суд сослался на пункт 1 статьи 540 ГК – норму, определяющую понятие договора имущественного найма, и заключил: «Приведенное законодательное регулирование носит императивный характер и не предполагает возможность его изменения на усмотрение сторон, заключающих договор аренды транспортного средства» [25]. Между тем пункт 1 статьи 540 ГК не содержит ни запрета согласовать иное, ни указания на недействительность отступающего условия: это норма, описывающая квалифицирующие признаки договорного типа. Суд превратил дефиницию в ограничение договорной свободы, прямо исключив возможность иного соглашения сторон. Такой подход в оценке остро отражается и на вопросах, связанных с «арендой» части помещения или дороги, учитывая, что суды буквально толкуют аренду как передачу имущества и во владение и в пользование и не допускают заключения подобного договора на иных условиях (например, только пользование, или частью имущества, а не всего имущества).

Не менее показательным делом № 5999-22-00-2а/1080, по которому Северо-Казахстанский областной суд оставил решение первой инстанции без изменения. Стороны договора поставки предусмотрели, что в части исполнения обязательств договор действует до полного их исполнения. Суд признал это условие ничтожным, указав: «Условие договора о его действии в части исполнения обязательства до полного их исполнения является ничтожным, поскольку противоречит императивным нормам законодательства» [26]. Конкретная норма, содержащая запрет, при этом названа не была. Между тем пункт 3 статьи 386 ГК связывает прекращение обязательств с окончанием срока действия договора в случаях, когда такой срок предусмотрен «законодательством или договором», то есть сам отсылает к усмотрению сторон. Согласованное сторонами условие укладывалось в эту модель, однако было заблокировано ссылкой на императивность, содержание которой в судебном акте не раскрыто.

Механизм формирования подобной квалификации отчетливо виден в деле № 1513-25-00-2/3373, рассмотренном Специализированным межрайонным экономическим судом Актюбинской области по спору двух товариществ с ограниченной ответственностью по договору строительного подряда. Суд указал, что пункт 5 статьи 654 ГК, лишаящий подрядчика права требовать оплаты дополнительных работ, «носит императивный характер и направлен на защиту заказчика от необоснованного предъявления расходов, которые не были им согласованы» [27]. Показательно соотношение соседних пунктов одной статьи: пункт 4 статьи 654 ГК содержит оговорку «если законодательными актами или договором не предусмотрен для этого иной срок», тогда как пункт 5 такой оговорки не содержит.

Неопределенность режима норм используется и как процессуальный инструмент. В деле № 7199-22-00-2а/3594 ответчик оспаривал условие договора транспортной экспедиции, ссылаясь на то, что оно «противоречит императивным нормам главы 35 «Транспортная экспедиция» ГК», то есть объявлял императивной главу Кодекса целиком. Суд города Астаны этот довод отклонил и оставил решение без изменения [28]. Однако сама возможность строить процессуальную позицию на утверждении об императивности целой главы, ни одна норма которой прямого запрета не содержит, показывает, во что обходится обороту отсутствие законодательного критерия квалификации.

Для сопоставления показательна другая группа дел. Там, где законодатель выразил запрет прямо, квалификация нормы затруднений не вызывает: по спорам о превышении предельной годовой эффективной ставки вознаграждения суды констатируют несоответствие договоров «императивным требованиям статьи 725-1 ГК» – нормы, которая устанавливает количественный предел и прямо объявляет несоответствующий договор ничтожным [29]. Сопоставление двух групп дел и

образует практический аргумент в пользу предлагаемой модели: там, где запрет выражен прямо, спор о природе нормы не возникает вовсе; там, где он лишь предполагается, исход зависит от усмотрения конкретного суда.

Тем самым описанная проблема носит не доктринальный, а сугубо практический характер. Свобода договора носит преимущественно декларативный характер при оценке норм кодекса на предмет диспозитивности, а фактическая модель регулирования построена вокруг законодательного определения содержания конкретных договорных конструкций: как только норма закона предлагает конкретное решение вопроса, стороны и суды воспринимают его как заданное, даже если норма рассчитана лишь на восполнение пробела в договоре. Да и сама юридическая техника изложения положений особенной части ГК РК о договорах непоследовательна. Так, оговорка «если иное не предусмотрено законодательством (законом)» применяется бессистемно, вследствие чего норма без оговорки воспринимается как императивная.

Количественно-содержательный анализ положений Гражданского кодекса РК о договорах

При осуществлении ревизии норм ГК РК о договорах учитывались четыре группы норм:

1) нормы-дефиниции и нормы о квалифицирующих признаках договора. Они отвечают на вопрос, какой юридической конструкции посвящено регулирование. Стороны могут заключить смешанный или непоименованный договор, но не могут своим соглашением изменить значение законодательного термина для третьих лиц и суда.

2) нормы о внешнем эффекте сделки: форме, регистрации, переходе вещного права, противопоставлении третьим лицам, защите кредиторов, банковской тайне, обязательном страховании и иных последствиях, выходящих за пределы двусторонней связи. Их режим определяется не только свободой участников.

3) регулятивные нормы о взаимных правах и обязанностях сторон: сроках исполнения, способе передачи, распределении расходов, качестве, приемке, уведомлениях, последствиях нарушения, отказе от договора и распределении случайных рисков. Именно к ним прежде всего должна обращаться презумпция диспозитивности.

4) охранительные нормы, запрещающие определенные условия либо ограничивающие автономно в пользу потребителя, вкладчика, получателя ренты, пассажира, выгодоприобретателя, собственника, кредитора или публичного интереса. Их императивность должна быть прямо выражена и точно ограничена.

Предметом оценки стали нормы раздела 4 «Отдельные виды обязательств» Особенной части ГК, содержащие 1 323 самостоятельных нормативных единиц [30].

Из предмета исследования сознательно исключены:

1) главы 47 и 48 (обязательства вследствие причинения вреда и вследствие неосновательного обогащения), поскольку они регулируют внедоговорные обязательства, где отсутствует само соглашение, от норм о котором можно было бы отступить;

2) раздел 5 «Право интеллектуальной собственности», раздел 6 «Наследственное право» и раздел 7 «Международное частное право», так как содержащиеся в них нормы либо определяют абсолютные права и правовой статус, либо решают коллизионные задачи; вопрос о диспозитивности лицензионного договора и договора об отчуждении исключительных прав заслуживает самостоятельного исследования и в настоящей работе не рассматривается;

3) в пределах глав 25-46 из содержательной оценки выведены нормы, отнесенные в матрице к категории «не подлежит оценке на диспозитивность»: определения и классификации, нормы о правовом статусе субъектов и компетенции государственных органов, о форме сделки и государственной регистрации, о существенных условиях и порядке заключения договора, о ценных бумагах, о процессуальных предпосылках иска и исковой давности, а также коллизионные и отсылочные нормы. Основанием такого исключения выступил вывод А.Г. Карапетова и А.И. Савельева о том, что презумпция диспозитивности должна распространяться только на нормы, регулирующие правоотношения сторон уже заключенного договора, тогда как нормы о процедуре и форме заключения, об условиях признания договора заключенным и о решении иных регулятивных задач должны считаться императивными, если законодатель прямо не указал иного [19, с. 55].

Отдельной оговорки требует глава 42 «Действия в чужом интересе без поручения»: она помещена в раздел об отдельных видах обязательств, но регулирует внедоговорное обязательство.

Из 1 323 оцененных положений 292 (22,1 %) отнесены к категории не подлежащих оценке на диспозитивность.

Проведенный анализ позволил сформировать следующие выводы:

1. Из 559 диспозитивных положений 342, то есть 61,2 %, не содержат текстуальной оговорки о праве сторон предусмотреть иное. Это и есть тот массив, который при формально-атрибутивном подходе ошибочно превращается в императивный.

2. Из 342 императивных положений 324 (94,7 %) не выражены в тексте как прямой запрет. Их императивность выводится из целей регулирования.

3. В отношении ряда положений не удалось выявить самостоятельного политико-правового или социально-экономического основания их императивности.

Тем самым, проведенный анализ не позволил выявить логики в придании норм о договорах императивного или диспозитивного значения и тем более – выявить алгоритм оценки неопределенных норм как диспозитивных или императивных.

При таком положении необходимо содержательно реконструировать нормы особенной части о договорах.

Свобода договора и односторонние волеизъявления: границы переноса презумпции

Предлагаемая презумпция формулируется применительно к нормам, определяющим права и обязанности сторон заключенного договора. Однако пункт 2 статьи 149 ГК допускает применение к односторонним сделкам общих положений об обязательствах и о договорах постольку, поскольку это не противоречит законодательству, природе и существу сделки [1]. Тем самым вопрос о пределах предлагаемой презумпции применительно к односторонним волеизъявлениям возникает не факультативно, а с необходимостью.

Ответ на него требует различать два самостоятельных вопроса: свободу совершения односторонней сделки и свободу определения ее содержания. Смешение этих вопросов приводит к ошибкам в обе стороны – как к необоснованному расширению круга допустимых односторонних актов, так и к столь же необоснованному признанию императивными правил, определяющих их содержание.

Применительно к свободе совершения казахстанское законодательство исходит из правила, прямо противоположного тому, которое действует для договоров. Если пункт 2 статьи 380 ГК позволяет сторонам заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законодательством, то односторонней признается сделка, для совершения которой необходимо и достаточно выражения воли одной стороны в соответствии с законодательством или соглашением сторон (пункт 2 статьи 148 ГК). Обязанности для других лиц односторонняя сделка может создавать лишь в случаях, установленных законами либо соглашением с этими лицами (пункт 1 статьи 149 ГК). Тот же принцип воспроизведен и в договорном праве: односторонний отказ от исполнения договора допускается в случаях, предусмотренных Кодексом, иными законами или соглашением сторон (пункт 1 статьи 404 ГК) [1]. Иными словами, для односторонних волеизъявлений действует не презумпция свободы, а замкнутый перечень оснований.

Догматическое объяснение этого различия состоит в том, что правовые последствия односторонней сделки возникают не из согласованной воли, а из действия одного лица. Одни такие сделки затрагивают только самого изъявителя, другие обращены к адресату, но не создают для него новых обязанностей, третьи же изменяют обязанности адресата или создают новые, то есть вторгаются в чужую правовую автономию, что расходится с началами формального равенства и автономии воли [31, с. 124-125]. Отсюда следует, что принцип свободы договора не переносится на односторонние сделки автоматически: по общему правилу они могут совершаться только в случаях, предусмотренных законом или договором [32, с. 163]. Прямо этот вывод сформулирован и в комментариях к статье 156 ГК Российской Федерации, где отмечено, что правило о свободе договора не может применяться к интервентным односторонним сделкам [33, с. 165].

Разграничение проводится по степени вмешательства в правовую сферу адресата. Классификация, восходящая к Б.Б. Черепяхину, различает односторонне обязывающие и односторонне

управомочивающие сделки. В современной литературе она уточняется делением на интервентные и неинтервентные [32, с. 159]. На этой основе предлагается допустить совершение не предусмотренных законом односторонних сделок, если они относятся к неинтервентным, установив при этом презумпцию интервентности: лицу, совершившему такую сделку, надлежит доказать отсутствие негативных последствий для адресата [32, с. 163].

Иначе следует решать второй вопрос о содержании односторонней сделки, совершение которой уже допущено законом или договором. Здесь действует та же логика, что и в договорном праве: к односторонним сделкам применим алгоритм применения диспозитивных норм при отсутствии в самой сделке соответствующих условий, а значительная часть общих правил, например о доверенности или о независимой гарантии, является по своей сути диспозитивной [33, с. 163].

Для настоящего исследования отсюда следуют два вывода.

Во-первых, общая норма о презумпции диспозитивности должна быть сформулирована так, чтобы не затрагивать вопрос о допустимости совершения самой односторонней сделки: в этой части сохраняется противоположное правило, уже закрепленное пунктом 2 статьи 148 и пунктом 1 статьи 149 ГК.

Во-вторых, презумпция должна распространяться на нормы, определяющие содержание допущенной законом или договором односторонней сделки, а равно на нормы, определяющие условия осуществления секундарных прав в рамках заключенного договора, прежде всего одностороннего отказа от договора, зачета, выбора в альтернативном обязательстве. Такое разграничение прямо вытекает из пункта 2 статьи 149 ГК: перенос договорных норм на односторонние сделки допустим лишь постольку, поскольку он не противоречит природе и существу односторонней сделки, а потому лишь касается их содержания, но не основания их совершения.

Свобода договора и презумпция диспозитивности имеют разную сферу действия применительно к односторонним волеизъявлениям. Вопрос о допустимости совершения односторонней сделки решается по правилу, противоположному свободе договора: такая сделка возможна лишь в случаях, предусмотренных законодательством или соглашением сторон (пункт 2 статьи 148, пункт 1 статьи 149, пункт 1 статьи 404 ГК), и расширение этого круга мыслимо только для неинтервентных актов, не ухудшающих положение адресата. Вопрос же о содержании односторонней сделки, совершение которой уже допущено, решается по общему правилу договорного права: определяющие это содержание нормы предполагаются диспозитивными, если из закона прямо не следует иное. Соответственно, предлагаемая общая норма о презумпции диспозитивности должна быть сформулирована как относящаяся к содержанию правоотношения, а не к основанию его возникновения. При таком построении она без противоречия применяется к односторонним сделкам через пункт 2 статьи 149 ГК, не затрагивая замкнутого перечня оснований их совершения, и одновременно снимает практическую неопределенность в отношении секундарных прав, реализуемых в рамках уже заключенного договора.

Выводы

Назрела необходимость введения в общую часть обязательственного права презумпции диспозитивности всех норм о правах и обязанностях сторон договоров. Норма, определяющая права и обязанности сторон договора, должна предполагаться диспозитивной, если из нее прямо не следует иное; стороны вправе своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного ею.

Значительная часть действующих правил сформулирована без указания на то, допускают ли они соглашение об ином, вследствие чего правоприменительная практика склоняется к презумпции императивности: норма, не содержащая оговорки «если иное не предусмотрено договором», толкуется как не допускающая отступления.

Презумпция диспозитивности устраняет эту неопределенность и возвращает участникам оборота возможность достоверно предвидеть судьбу согласованного ими условия.

При этом положения особенной части о договорах необходимо содержательно переработать. Императивные нормы следует прямо маркировать специальной оговоркой о ничтожности соглашения об ином. При отсутствии такой оговорки должна действовать заложенная в общей части презумпция диспозитивности.

Средством достижения этой цели может служить не только смена режима норм, но и сокращение их числа. В кодексе следует сохранить рамочные конструкции договорных типов и сократить договорный блок. Результаты проведенной сплошной оценки показывают, что сокращение объема следует осуществлять только по результатам диагностики всех норм особенной части о договорах по предлагаемым в настоящем исследовании критериям.

Во-первых, из 1 323 действующих нормативных положений глав 25-46 292 положения, то есть 22,1%, вообще не подлежат оценке на диспозитивность: это определения и квалифицирующие признаки договорных типов, нормы о форме, существенных условиях, правовом статусе субъектов и т.п. Их сокращение не расширяет свободу договора, поскольку они ее и не ограничивают; напротив, устранение норм о квалифицирующих признаках лишило бы правоприменителя опоры при квалификации договора и при разграничении смежных договорных типов.

Во-вторых, еще 374 положения по результатам применения пятикомпонентного теста требуют сохранения прямого запрета, а значит не подлежат отмене. Часть из них, имеющих общезапретительный характер, следует перенести в общую часть обязательственного права.

В-третьих, диспозитивная норма не ограничивает свободу договора, а снижает издержки ее осуществления, определяя содержание отношения в части, оставленной сторонами неурегулированной; ее устранение перекладывает восполнение пробелов на суд, то есть воспроизводит ту же неопределенность, но уже на стадии спора и применительно к каждому отдельному договору.

Соответственно сокращению подлежат те нормы, которые привносят излишнюю зарегулированность и порождают неопределенность в связи с отсутствием в общих положениях ГК РК о договорах презумпции диспозитивности, что требует комплексного пересмотра отдельных положений ГК РК.

Отсюда следует, что цель для настоящего исследования достигается преимущественно сменой режима норм, введением презумпции диспозитивности и прямой маркировкой сохраняемых запретов и заменой абсолютной императивности односторонней там, где норма установлена в интересах одной из сторон. А сокращение их числа носит вспомогательный характер и становится следствием ревизии, а не ее целью и затрагивает в первую очередь дублирующие оговорки и нормы-дозволения, а не восполнительное регулирование как таковое.

Круг императивных предписаний о договорах следует ограничить регулированием тех отношений, которые по своему существу требуют вмешательства государства: защита потребителя и иной слабой стороны, публичный интерес, права третьих лиц, недопущение обхода закона.

Императивная норма лишает стороны возможности выбрать определенное содержание договора. Цена такого ограничения достаточно высока и может привести к недействительности условия, которое стороны считали экономически необходимым, перераспределить согласованные риски, изменить цену сделки и нарушить связанность нескольких документов. Поэтому установление подобных запретов должно быть предопределено проверяемым основанием. Ссылки на «важность» регулируемого вопроса недостаточно, необходимо выявление охраняемого интереса, который не может быть надежно защищен свободным соглашением в данной категории отношений.

Смысл презумпции диспозитивности состоит не в том, чтобы объявить свободу безграничной, а в правильном распределении бремени обоснования. Если законодатель ограничивает автономию, он должен назвать основание и предел ограничения.

Если суд признает нейтрально сформулированное правило запретом, он фактически создает ограничение, которого текст не сообщает.

При предлагаемой модели суд не вправе превращать норму в императивную лишь потому, что ее грамматика использует слова «обязан», «должен», «вправе» или «несет ответственность». Эти слова описывают правовой результат, действующий при отсутствии иного соглашения, но сами по себе не отвечают на вопрос о возможности отступления.

Именно здесь презумпция приобретает самостоятельное практическое значение: она распределяет аргументационное бремя. Императивная квалификация текстуально нейтральной нормы требует указания на конкретный защищаемый интерес и объяснения, почему его защита несовместима с соглашением сторон об ином.

Вторым шагом следует уравновесить презумпцию диспозитивности сохранением судебного контроля за содержанием договора. Контроль осуществляется в отношении условий, навязанных при отсутствии реальной возможности их согласовать; условий, нарушающих права третьих лиц или публичный интерес; условий, противоречащих существу законодательного регулирования соответствующего вида договора.

Такой контроль реализуется через самостоятельные институты: контроль несправедливых стандартных условий, защиту потребителя и слабой стороны, запрет злоупотребления правом, а не через объявление нормы императивной.

Разграничение этих механизмов принципиально: императивность нормы действует безотносительно к обстоятельствам, тогда как последующий контроль учитывает фактическое положение сторон.

Сохранить в Кодексе подробное диспозитивное регулирование отдельных видов договоров лишь в той части, где оно выполняет восполняющую функцию: определяет содержание договорного отношения в части, оставленной сторонами неурегулированной, снижает транзакционные издержки участников оборота, обеспечивает предсказуемость правового результата и выравнивает положение сторон, не имеющих равного доступа к квалифицированному юридическому сопровождению. В германской доктрине F. Möslin специально рассматривает *dispositives Recht* как самостоятельный регулятивный инструмент, выполняющий, в частности, восполняющую и модельную функции [34].

Сохранение таких норм особенно значимо при лапидарных условиях сделок, когда восполнение пробелов договора судебным толкованием затруднено. Развернутое регулирование отдельных договорных типов сохраняют правовые порядки континентальной традиции, включая Германское гражданское уложение, а также модельные акты – DCFR и Принципы европейского договорного права.

В результате предлагаемая модель строится на трех последовательно связанных уровнях:

1) общая опровержимая презумпция диспозитивности норм, регулирующих взаимные права и обязанности сторон уже заключенного договора;

2) возможность опровержения этой презумпции по результатам пятикомпонентного теста оправданности императивного ограничения, если защищаемый интерес требует именно запрета договорного отступления;

3) *ex post* контроль конкретного договорного условия в тех случаях, когда универсальный запрет отступления не требуется, но содержание или обстоятельства согласования условия нарушают охраняемый законом интерес.

Что касается односторонних сделок, то выявлено, что свобода договора и презумпция диспозитивности имеют разную сферу действия применительно к односторонним волеизъявлениям. Вопрос о допустимости совершения односторонней сделки решается по правилу, противоположному свободе договора: такая сделка возможна лишь в случаях, предусмотренных законодательством или соглашением сторон (пункт 2 статьи 148, пункт 1 статьи 149, пункт 1 статьи 404 ГК), и расширение этого круга мыслимо только для неинтервентных актов, не ухудшающих положение адресата. Вопрос же о содержании односторонней сделки, совершение которой уже допущено, решается по общему правилу договорного права: определяющие это содержание нормы предполагаются диспозитивными, если из закона прямо не следует иное. Соответственно, предлагаемая общая норма о презумпции диспозитивности должна быть сформулирована как относящаяся к содержанию правоотношения, а не к основанию его возникновения. При таком построении она без противоречия применяется к односторонним сделкам через пункт 2 статьи 149 ГК, не затрагивая замкнутого перечня оснований их совершения, и одновременно снимает практическую неопределенность в отношении секундарных прав, реализуемых в рамках уже заключенного договора.

Е.Л. Бабаджанян, PhD кандидаты, Teaching Professor Maqsut Narikbayev University (Қазақстан Республикасы, Астана қ.); М.А. Ахмади, PhD, Assistant Professor Maqsut Narikbayev University (Қазақстан Республикасы, Астана қ.); Р.М. Мальков, докторант, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық ғылыми мектебінің Research Assistant (Қазақстан Респу-

бликасы, Астана қ.): Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексіндегі шарттық құқық нормаларының диспозитивтілігі презумпциясы: кешенді бағалау және заңнамалық ұсыныс.

Мақалада шарттық-құқықтық нормаларды диспозитивті деп іріктеп белгілеудің қолданыстағы заңнамалық техникасынан олардың диспозитивтілігі туралы жалпы теріске шығарылатын презумпцияға көшу қажеттілігі негізделеді. Бастапқы мәселе шарт еркіндігінің жарияланған қағидаты мен нормада «егер шартта өзгеше көзделмесе» деген сөздердің болмауы көбінесе оның императивті сипатын растайтын дәлел ретінде қабылданатын практиканың арасындағы алшақтықта жатыр. Мұндай заңнамалық техника норманың құқықтық режимін оның мәтіндік редакциясындағы кездейсоқтықтарға тәуелді етеді, кері қорытындыға негізделген түсіндіруді күшейтеді және заң шығарушының қағидатты таңдауын болжауға келмейтін сот қалауына ауыстырады.

Шарттың мазмұнын анықтаған кезде және сот біліктілігі кезінде Шарттық құқық нормаларын қалыптастыратын қатынастар болып табылады.

Зерттеу тақырыбы ҚР АҚ Ерекше бөлігінің 25-46-тарауларының нормалары, сондай-ақ АҚ-нің жалпы бөлігінің шарт бостандығы туралы ережелері және императивті және диспозитивті нормаларды ажыратудың доктриналық тәсілдері болып табылады.

Рұқсат етілетін императивтіліктің бес компонентті тесті ұсынылады: жария мүддені қорғау; үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғау; әлсіз тарапты қорғау; адалдық талаптарын сақтау және мүдделер теңгерімінің өрескел бұзылуына жол бермеу; тиісті шарт түрін заңнамалық реттеудің мәнін сақтау.

Бес компонентті тест норманың императивтілігін автоматты түрде негіздемейді, керісінше, тиісті мүддені қорғау тараптар автономиясын шектеуді талап ете ме деген мәселені тексеру құралы ретінде қызмет етеді. Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің Ерекше бөліміндегі 25-46-тараулардың ережелерін тұтастай талдау норманың мәтіндік белгілері оның диспозитивті немесе императивті сипатын әрдайым сенімді түрде анықтауға мүмкіндік бермейтінін көрсетеді. Сондықтан диспозитивтілік презумпциясы тараптар автономиясын шектеуге жеткілікті негіздер болған кезде теріске шығарылуы мүмкін бастапқы ереже ретінде қолданылуға тиіс.

Түйінді сөздер: шарт бостандығы, диспозитивтілік презумпциясы, императивтік норма, диспозитивтік норма, біржақты императивтілік, тікелей заңнамалық тыйым, телеологиялық түсіндіру, шарттың әлсіз тарабы, Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі, заң шығару техникасы.

E.L. Babadzhanyan, PhD Candidate, Teaching Professor Maqсут Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan); M.A. Akhmedi, PhD, Assistant Professor Maqсут Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan); R.M. Malkov, Research Assistant at the School of Private Law, Maqсут Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan): The presumption that contract law provisions are default rules in the Civil Code of the Republic of Kazakhstan: a comprehensive assessment and a legislative proposal.

The paper argues for a transition from the current legislative technique of selectively designating contract law provisions as default rules to a general rebuttable presumption that such provisions are default. The underlying problem is the discrepancy between the proclaimed principle of freedom of contract and the practice whereby the absence of the words “unless otherwise provided by the contract” in a provision is often treated as evidence of its mandatory nature. This legislative technique makes the legal character of a provision dependent on contingencies of drafting, encourages interpretation by negative implication, and transfers a fundamental legislative choice into the realm of unpredictable judicial discretion.

The purpose of this article is to substantiate a different algorithm for interpreting and constructing the provisions of the Special Part of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan on contracts.

The object of the study is the relations that arise when the parties determine the content of the contract and when the norms of contract law are subject to judicial qualification.

The subject of the study is the norms of Chapters 25–46 of the Special Part of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan, as well as the provisions of the General Part of the Civil Code on freedom of contract and doctrinal approaches to the distinction between mandatory and dispositive norms.

The paper proposes a five-part test for permissible mandatory rules: the protection of the public interest; the protection of third-party rights; the protection of the weaker party; compliance with the

requirements of good faith and the prevention of a gross imbalance of interests; and the preservation of the essence of the statutory regulation of the relevant type of contract.

The five-part test does not automatically render a provision mandatory. Rather, it serves as a means of determining whether the protection of the relevant interest requires a restriction of party autonomy. A comprehensive analysis of the provisions contained in Chapters 25-46 of the Special Part of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan demonstrates that the textual features of a provision do not always make it possible to determine reliably whether it is a default or mandatory rule. The presumption that contract law provisions are default rules should therefore operate as the starting point, subject to rebuttal where sufficient grounds exist for restricting party autonomy.

Keywords: freedom of contract, presumption in favor of default rules, mandatory rule, default rule, one-sided mandatory rule, express statutory prohibition, teleological interpretation, weaker party to a contract, Civil Code of the Republic of Kazakhstan, legislative drafting technique.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-ХІІІ. ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000> (29.08.2026).
2. Гражданское право. Том 1: Учебник. Отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. Алматы: КазГЮА, 2000.
3. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий. Книга 2. Отв. ред. М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. 2-е изд. Алматы: Жеті Жарғы, 2003.
4. Клишкин С.И. Гражданское право и цифры-2. ИС «Параграф». 29.10.2018. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=33122105 (29.08.2026).
5. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года». ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (29.08.2026).
6. Нестерова Е.В. О расширении пределов свободы предпринимательского договора в свете принятия Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. ИС «Параграф». 17.11.2021. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35915467 (29.08.2026).
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 1997.
8. Калдыбаев А. Свобода договора и презумпция диспозитивности норм частного права как вызовы доминирующей методологии регулирования. О книге А.Г. Карапетова и А.И. Савельева «Свобода договора и ее пределы». ИС «Параграф». 13.03.2020. URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=38408300 (29.08.2026).
9. Скрыбин С.В. Ограничения автономии воли в гражданском праве Казахстана: некоторые теоретические и практические вопросы. ИС «Параграф». 02.11.2018. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31779572 (29.08.2026).
10. Скрыбин С.В. Ограничение свободы договора. ИС «Параграф». 10.04.2005. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30008052 (29.08.2026).
11. Диденко А.Г. Фикции и презумпции в гражданском праве. ИС «Параграф». 04.10.2006. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30071299 (29.08.2026).
12. Диденко А.Г. О толковании норм права. Алматы, 2022. Электронная публикация: ИС «Параграф», 14.03.2022. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35275964 (29.08.2026).
13. Калдыбаев А.К. Толкование норм закона в соответствии с принципами права. Право и государство. 2025. № 1 (106). DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_6.
14. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах». Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.
15. Grigoleit H.C. Mandatory Law (Fundamental Regulatory Principles). Max Planck Encyclopedia of European Private Law. 2012. URL: https://max-eup2012.mpipriv.de/index.php/Mandatory_Law_%28Fundamental_Regulatory_Principles%29 (29.08.2026).
16. Code civil, art. 1102. Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032040782/ (29.08.2026).

17. von Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. (eds.). Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Munich: Sellier, 2009. II.–1:102. URL: <https://www.trans-lex.org/400725/> (29.08.2026).

18. Единообразный торговый кодекс США (неофициальная редакция, перевод на русский язык) URL: <https://miripravo.ru/gallery/lfl-us1-uniform-commercial-code.pdf?ysclid=mtb-s2umx88455259277> (27.08.2026).

19. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. В 2 т. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. ISBN 978-5-8354-0871-9.

20. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/ (29.08.2026).

21. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с. ISBN 978-5-6043338-6-0.

22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 года № 54.

23. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7.

24. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 27 февраля 2025 года № 68-НП.

25. Решение суда № 2 района Элихан Бөкейхан города Караганды Карагандинской области от 26 ноября 2024 года по делу № 3571-24-00-2/304. ИС «ОпенСуд». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).

26. Постановление апелляционной инстанции Северо-Казахстанского областного суда от 6 января 2023 года по делу № 5999-22-00-2а/1080. ИС «ОпенСуд». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).

27. Решение Специализированного межрайонного экономического суда Актюбинской области от 11 декабря 2025 года по делу № 1513-25-00-2/3373. ИС «ОпенСуд». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).

28. Постановление апелляционной инстанции суда города Астаны от 22 июня 2022 года по делу № 7199-22-00-2а/3594. ИС «ОпенСуд». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).

29. Постановление апелляционной инстанции Алматинского городского суда от 21 октября 2022 года по делу № 7599-22-00-2а/10208. ИС «ОпенСуд». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).

30. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409. ИПС «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (29.08.2026).

31. Резанов Н.В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 9. С. 122-139.

32. Резанов Н.В. Односторонние сделки: классификации, свобода совершения, возможность включения условий. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 10. С. 155-190.

33. Общие положения о сделке: комментарий к статьям 153-165.1, 181.1-181.5 и 190-194 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2025. 844 с. ISBN 978-5-6049872-7-8.

34. Möslin F. Dispositives Recht: Zwecke, Strukturen und Methoden. Tübingen: Mohr Siebeck, 2011. 660 S. DOI: 10.1628/978-3-16-151759-4. URL: <https://www.mohrsiebeck.com/buch/dispositives-recht-9783161517594/> (29.08.2026).

References (transliterated):

1. Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshchaya chast') ot 27 dekabrya 1994 goda № 268-XIII. IPS «Adilet». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (29.08.2026)

2. Grazhdanskoe pravo. Tom 1: Uchebnik / otv. red. M.K. Sulejmenov, Yu.G. Basin. Almaty: KazGYuA, 2000.
3. Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshchaya chast'). Kommentarij. Kniga 2 / otv. red. M.K. Sulejmenov, Yu.G. Basin. 2-e izd. Almaty: Zheti Zhargy, 2003.
4. Klimkin S.I. Grazhdanskoe pravo i cifry-2 // IS «Paragraf». 29.10.2018. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=33122105 (29.08.2026).
5. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 15 oktyabrya 2021 goda № 674 «Ob utverzhdenii Konceptii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan do 2030 goda». IPS «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (29.08.2026).
6. Nesterova E.V. O rasshirenii predelov svobody predprinimatel'skogo dogovora v svete prinyatiya Konceptii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan do 2030 goda // IS «Paragraf». 17.11.2021. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35915467 (29.08.2026).
7. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya. M.: Statut, 1997.
8. Kaldybaev A. Svoboda dogovora i prezumpciya dispozitivnosti norm chastnogo prava kak vyzovy dominiruyushchej metodologii regulirovaniya. O knige A.G. Karapetova i A.I. Savel'eva «Svoboda dogovora i ee predely». IS «Paragraf». 13.03.2020. URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=38408300 (29.08.2026).
9. Skryabin S.V. Ogranicheniya avtonomii voli v grazhdanskom prave Kazahstana: nekotorye teoreticheskie i prakticheskie voprosy. IS «Paragraf». 02.11.2018. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31779572 (29.08.2026).
10. Skryabin S.V. Ogranichenie svobody dogovora. IS «Paragraf». 10.04.2005. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30008052 (29.08.2026).
11. Didenko A.G. Fikcii i prezumpcii v grazhdanskom prave. IS «Paragraf». 04.10.2006. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30071299 (29.08.2026).
12. Didenko A.G. O tolkovanii norm prava. Almaty, 2022. Elektronnaya publikaciya: IS «Paragraf», 14.03.2022. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=35275964 (29.08.2026).
13. Kaldybaev A.K. Tolkovanie norm zakona v sootvetstvii s principami prava. Pravo i gosudarstvo. 2025. № 1 (106). DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_6. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=38783344 (29.08.2026).
14. Karapetov A.G., Bevzenko R.S. Kommentarij k normam GK ob otidel'nyh vidah dogovorov v kontekste postanovleniya Plenuma VAS RF «O svobode dogovora i ee predelah». Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2014. № 8.
15. Grigoleit H.C. Mandatory Law (Fundamental Regulatory Principles). Max Planck Encyclopedia of European Private Law. 2012. URL: https://max-eup2012.mpipriv.de/index.php/Mandatory_Law_%28Fundamental_Regulatory_Principles%29 (29.08.2026).
16. Code civil, art. 1102. Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032040782/ (29.08.2026).
17. von Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. (eds.). Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Munich: Sellier, 2009. II.-1:102. URL: <https://www.trans-lex.org/400725/> (29.08.2026).
18. Edinoobraznyj torgovyj kodeks SShA (neoficial'naya redakciya, perevod na russkij yazyk) URL: <https://miripravo.ru/gallery/lfl-us1-uniform-commercial-code.pdf?ysclid=mtbs2umx88455259277> (27.08.2026).
19. Karapetov A.G., Savel'ev A.I. Svoboda dogovora i ee predely. V 2 t. T. 2: Predely svobody opredeleniya uslovij dogovora v zarubezhnom i rossijskom prave. M.: Statut, 2012. ISBN 978-5-8354-0871-9.
20. Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2014 goda № 16 «O svobode dogovora i ee predelah». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/ (29.08.2026).
21. Dogovornoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 420-453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / otv. red. A.G. Karapetov. M.: M-Logos, 2020. 1425 s. ISBN 978-5-6043338-6-0.
22. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22 noyabrya 2016 goda № 54.

23. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 marta 2016 goda № 7.
24. Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Suda Respubliki Kazahstan ot 26 fevralya 2025 goda № 68-NP.
25. Reshenie suda № 2 rajona Alihan Bokejhan goroda Karagandy Karagandinskoj oblasti ot 26 noyabrya 2024 goda po delu № 3571-24-00-2/304. IS «OpenSud». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).
26. Postanovlenie apellyacionnoj instancii Severo-Kazahstanskogo oblastnogo suda ot 6 yanvarya 2023 goda po delu № 5999-22-00-2a/1080. IS «OpenSud». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).
27. Reshenie Specializirovannogo mezhrajonnogo ekonomicheskogo suda Aktyubinskoj oblasti ot 11 dekabrya 2025 goda po delu № 1513-25-00-2/3373. IS «OpenSud». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).
28. Postanovlenie apellyacionnoj instancii suda goroda Astany ot 22 iyunya 2022 goda po delu № 7199-22-00-2a/3594. IS «OpenSud». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).
29. Postanovlenie apellyacionnoj instancii Almatinskogo gorodskogo suda ot 21 oktyabrya 2022 goda po delu № 7599-22-00-2a/10208. IS «OpenSud». URL: <https://opensud.bestprofi.com> (03.09.2026).
30. Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Osobennaya chast') ot 1 iyulya 1999 goda № 409. IPS «Adilet». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (29.08.2026).
31. Rezanov N.V. Odnostoronnie sdelki: obshchie principy pravovogo regulirovaniya. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2022. № 9. S. 122-139.
32. Rezanov N.V. Odnostoronnie sdelki: klassifikacii, svoboda soversheniya, vozmozhnost' vklucheniya uslovij. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2022. № 10. S. 155-190.
33. Obshchie polozheniya o sdelke: kommentarij k stat'yam 153-165.1, 181.1-181.5 i 190-194 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / otv. red. A.G. Karapetov. M.: M-Logos, 2025. 844 s. ISBN 978-5-6049872-7-8.
34. Mösslein F. Dispositives Recht: Zwecke, Strukturen und Methoden. Tübingen: Mohr Siebeck, 2011. 660 S. DOI: 10.1628/978-3-16-151759-4. URL: <https://www.mohrsiebeck.com/buch/dispositives-recht-9783161517594/> (29.08.2026).

Для цитирования и библиографии: Бабаджанян Е.Л., Ахмади М.А., Мальков Р.М. Презумпция диспозитивности норм о договорах в Гражданском кодексе Республики Казахстан: опыт сплошной оценки и законодательное предложение // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 49-66. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_49

Материал поступил в редакцию 29.07.2026

КРИТИКА ИНСТИТУТА КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЛЕКЦИИ МИШЕЛЯ ФУКО 1975 Г. В КОЛЛЕЖ ДЕ ФРАНС

Г.И. СИБИРЦЕВ, к.ю.н., доцент департамента уголовного права и криминологии, Факультет права и администрации, Университет Гданьска (Польша, г. Гданьск), e-mail: georgii.sibirtsev@ug.edu.pl

В данной статье рассматривается критика судебно-психиатрической экспертизы, изложенная Мишелем Фуко в его лекции от 8 января 1975 года в Коллеж де Франс. Рассматривая эту лекцию в контексте более широкой аналитики власти Фуко, представленная системная критика судебной психиатрии рассматривает эксперта не как нейтрального арбитра психического состояния подсудимого, но скорее как субъекта суждения, или коррекции дискурса как формы юридической и клинической истины. Широко опираясь на концепции клинической психиатрии и рассматривая конкретные примеры судебно-медицинских заключений, Мишель Фуко пробует ответить на вопрос, как экспертные суждения влияют на восприятие и нормализацию различных девиаций, регулируют категории ответственности и безумия. Методологически статья сопоставляет лекцию с другими текстами Фуко и как и другими исследователями, с целью проследить как судебная экспертиза соотносится с осуществлением суверенной формы власти.

Ключевые слова: комплексная психиатрия, комплексная экспертиза, Мишель Фуко, дискурс, системы мысли, уголовное право.

Введение

*«Психиатр действительно становится судьей, он действительно совершает акт следствия, причем не на уровне юридической ответственности индивида, а на уровне их реальной виновности.»
Мишель Фуко, 8 января 1975 года в Коллеж де Франс.*

В творческой биографии великого французского ученого Мишеля Фуко (1926-1984) принято выделять два ключевых периода: структуралистский (до второй половины 1960-х гг.) и постструктуралистский (с конца 1960-х гг.). Второй период - время активной гражданской позиции и реакции на вызовы современности, размышлений над философской проблемой субъекта и оформление концепции «власти-знания» [1].

Относящиеся ко второму периоду лекции М. Фуко в Коллеж де Франс, в которых он высказывал свое мнение по поводу различных актуальных событий, исправно собирали полную аудиторию. На них приходил даже «бывший секретарь Сталина», а слушатели записывали их на магнитофонные кассеты [2, с. 193]. Одной из лекций в данном цикле как раз и стала критика судебной психолого-психиатрической экспертизы, прочитанная в выступлении 8 января 1975 года.

Основные положения

Однако, прежде чем мы перейдем к анализу самого материала, начать необходимо с упоминания книги, в которой данная лекция Фуко была впервые опубликована. Безусловно документальная и оттого еще более жуткая книга Марселя Жуандо «Три ритуальных убийства» описывает три реальных уголовных дела, глубоко шокировавших Францию в середине XX века. Эти дела до сих

пор поражают масштабностью злодеяний. Объединяет их то, что обвиняемые ссылались на дефекты своей воли: все они утверждали, будто помимо их желания подпали под влияние третьих лиц, что и склонило их к совершению преступных действий.

Как можно догадаться, во всех этих кейсах ключевую роль сыграли заключения психолого-психиатрических экспертиз, подтвердивших вменяемость всех трех преступников. Эти экспертизы, по сути, предопределили обвинительный характер конечных судебных решений, исключив единственно возможный вариант защиты – ссылку на дефекты *mens rea* (субъективной стороны преступления). Представляется вполне обоснованным обсудить описанные в книге преступления, чтобы лучше понять дальнейшую логику лекции Фуко, прочитанной в Коллеж де Франс. Как пишет сам Жуандо в своей книге: *«личности трех убийц кажутся несовместимыми с тем, что они сотворили. Во всех трех случаях монстрами оказались мирные, заурядные обыватели. Во всех трех случаях убийство совершено с крайней жестокостью. И во всех трех случаях после преступления, словно потряхнув потусторонний морок, убийцы вернулись в обличье ничем не примечательных людей. Все злодеи словно не поняли до конца, что же с ними приключилось. Такова сила ритуального преступления»* [3, с. 8].

Хотя на первый взгляд преступления, рассматриваемые Жуандо, производят впечатление иррациональных девиаций, детальный анализ материалов уголовных дел и экспертных заключений неизменно приводил автора к выводу о полной вменяемости подсудимых. Таким образом, Жуандо эксплицирует парадокс, при котором внешняя чудовищность и кажущееся безумие криминального акта не находят своего подтверждения в клинико-психиатрических категориях, оставляя субъекта в поле абсолютной юридической и моральной ответственности.

Первым кейсом в данном исследовании выступает дело Денизы Лаббе, совершившей хладнокровное убийство своей двухлетней дочери Катрин. Находясь в деструктивной романтической связи с бывшим военнослужащим Жаком Альгарроном, увлекавшимся экзистенциальной философией, Лаббе оказалась объектом его психологических манипуляций. Именно к такому выводу впоследствии пришла судебная психолого-психиатрическая экспертиза, послужившая основой обвинительного приговора. Используя изощренные интеллектуальные уловки, Альгаррон транслировал идею о том, что их «высшая любовь» должна быть скреплена общим трансгрессивным актом – совместным преступлением или, в теологической терминологии, общим грехом. Несмотря на то, что в материалах дела отсутствовали прямые вербальные приказы Альгаррона ликвидировать ребенка (рожденного Лаббе от другого мужчины), его перманентные сомнения в искренности чувств партнерши выступили скрытым триггером и катализатором детоубийства.

Стремясь доказать силу своей привязанности, Лаббе совершила несколько последовательных попыток инфантицида посредством утопления. Выбор подобного способа убийства имел глубокую психотравматическую детерминацию: отец Денизы покончил с собой, бросившись с моста, вследствие чего водная стихия в ее сознании прочно ассоциировалась с танатологическим актом. Очередная попытка привела к гибели ребенка, после чего Лаббе незамедлительно проинформировала своего ментора.

Однако реакция Альгаррона оказалась предельно циничной и хладнокровной: он констатировал, что совершенное деяние полностью лишило ее в его глазах прежнего интереса.

Вторым криминальным прецедентом в исследовании Жуандо выступает трагическая гибель супруги доктора Эвену, на протяжении долгого времени мирившейся с демонстративной неверностью своего известного во Франции мужа.

Ситуация достигла апогея, когда одна из любовниц врача, Симона Дешам, фактически поселилась в семейной резиденции Эвену. Обладая непререкаемым авторитетом, доктор убедил Дешам совершить физическое устранение своей супруги. Более того, в момент совершения преступления он лично координировал действия сообщницы, направляя удары ножа в тело спящей женщины. Одиннадцать ножевых ранений (по числу лет совместной жизни супругов) привели к немедленной смерти мадам Эвену. Обладая крайне низким уровнем образования, Симона Дешам находилась в состоянии тотальной психологической зависимости от своего кумира, который полностью ассимилировал её суверенную волю [3, с. 60].

Ги Денойе был католическим священником из небольшой французской деревни Юрепуа. В 1956 году его имя оказалось в центре одного из самых шокирующих уголовных дел того времени. Согласно

материалам расследования, Денойе состоял в тайных отношениях с восемнадцатилетней Региной Фей, которая впоследствии забеременела. Опасаясь разоблачения и возможных последствий для своей репутации и церковной карьеры, священник совершил убийство молодой женщины, застрелив её.

После преступления Денойе предпринял ряд действий, которые следователи и эксперты позднее охарактеризовали как имеющие ритуальный и крайне тревожный характер. Обстоятельства, обнаруженные в ходе расследования, вызвали широкий общественный резонанс и привлекли внимание как прессы, так и специалистов в области криминологии и психиатрии. Особое потрясение вызвало обращение преступника с телом жертвы и её нерождённым ребёнком, что сделало это дело одним из наиболее мрачных и обсуждаемых преступлений во Франции середины XX века. Святой отец цинично участвовал в поисках мертвой дочери стекольщика Регины, а затем, когда изуродованное тело было найдено, прочитал над им же убитыми матерью и сыном молитву *“De profundis”*.

“Для меня очевидно, что вы утратили четкое представление о том, что значит быть священником, и забыли о том, какие обязанности налагает ваш сан.

Реакция Денойе на эти слова была необычной: вместо того, чтобы продолжать соглашаться с судьей, он гордо выпрямился, словно принимая вызов, и заговорил громко и твердо, как не говорил еще ни разу с момента ареста:

– Нет, я всегда был священником и всегда это признавал. Я не забывал о своем сане ни на миг!

После этих слов воцарилась долгая, какая-то пронзительная тишина. Лица судей окаменели. Как раз в это время за окнами пошел густой снег, и слышен был шорох снежинок о стекла” [3, с. 91].

Жуандо достаточно красноречиво излагает предполагаемую мотивацию отца Денойе. По его мнению, ребёнок должен был погибнуть вместе с матерью, поскольку существование ребёнка от связи с Региной Фей неизбежно раскрыло бы отношения священника и поставило бы крест на его дальнейшей службе в деревне Юрепуа.

Следует учитывать, что Денойе и ранее был замечен в связях с прихожанками, что уже становилось причиной скандалов на его предыдущих местах служения. В случае разоблачения новой связи его положение в Католической церкви могло стать крайне шатким, а продолжение церковной карьеры – весьма проблематичным.

Именно поэтому, как отмечают исследователи дела, отец Денойе пытался убедить мадам Фей избавиться от ребёнка. Однако молодая женщина оставалась непреклонной. Несмотря на давление и возможные трудности, она намеревалась сохранить беременность и самостоятельно воспитать мальчика, не рассчитывая на участие его отца. Эта решимость, по мнению ряда авторов, могла стать одним из факторов, подтолкнувших священника к роковому решению.

“Помимо убийства, у вас было множество других вариантов, позволяющих избежать скандала. Например, скрыться вместе с Региной или одному. Все что угодно было бы лучше, даже самоубийство. Вам приходила в голову мысль покончить с собой?

– О нет! – с горячностью восклицает Денойе. – Убить себя? Ни за что!” [3, с. 95].

Три описанных Жуандо уголовных дела, сопровождаемые тщательно подобранным иллюстративным материалом, включая фотографии преступников и их жертв, нередко производят на неподготовленного читателя чрезвычайно сильное впечатление. В многочисленных читательских отзывах книга характеризуется как одно из наиболее тревожных и эмоционально тяжёлых произведений, посвящённых истории преступности, с которыми им когда-либо приходилось сталкиваться. Подобная реакция объясняется не только исключительной жестокостью рассматриваемых преступлений, но и особенностями авторского повествования, сочетающего документальную точность с детализированным описанием обстоятельств совершённых деяний.

Однако в рамках настоящего исследования основной интерес представляет не сама работа Жуандо, какой бы значимой она ни была для изучения французской уголовной истории середины XX века. Несомненно, книга заслуживает самостоятельного анализа как источник, позволяющий реконструировать общественное восприятие тяжких преступлений и механизмы их репрезентации в популярной литературе. Тем не менее, центральным объектом нашего внимания станет текст статьи выдающегося французского мыслителя Мишеля Фуко, добавленная в конце произведения и прочитанная им в *College de France* 8 января 1975 года.

Общая характеристика взглядов Мишеля Фуко

Здесь необходимо кратко остановиться на научной деятельности Мишеля Фуко. Прежде всего стоит отметить, что у философа нет работ, напрямую посвященных политико-правовой теории. Тем не менее в сферу его интересов входил самый широкий круг тем: история медицины и психиатрии, развитие системы образования, эволюция человеческой сексуальности и, разумеется, история уголовных наказаний. Комплексный анализ трудов Фуко позволяет восстановить его системные взгляды на природу политической власти и права как такового [17; 18; 19; 20; 21].

Власть понимается Фуко довольно не типично. В первую очередь, одним из первых Фуко настаивает на идентичности институтов больницы, школы, казармы и тюрьмы как институтов, формирующих дискурс. Власть устанавливает границы общества через понимание нормального (допустимого) и девиантного или иначе говоря через определение границ безумия [1].

Таким образом, описание политической философии Фуко представляется непростой задачей по двум причинам: во-первых, как было уже отмечено, сам Фуко не оставил системной работы на тему философии власти, и включал размышления о ней в самые разные произведения [9, с. 5-20]; во-вторых, философия Мишеля Фуко носит яркий постмодернистский характер (хотя сам он всячески избегал данного термина) и исследует скорее следствия или социальные эффекты власти, нежели фокусируется на ее природе. Власть им исследуется через ее симптомы (через анализ таких институтов как школа, тюрьма, больница) [4, с. 13].

Тем не менее, следует помнить, что рассмотрение психолого-психиатрической экспертизы невозможно без предварительного обращения к понятию власти, занимающему центральное место во всём корпусе работ Мишеля Фуко.

Для французского философа психиатрическая экспертиза не является нейтральным инструментом установления истины о психическом состоянии индивида и не сводится исключительно к медицинской или научной процедуре. Напротив, она представляет собой одну из специфических практик власти, посредством которых осуществляется классификация, нормализация и регулирование человеческого поведения [5, с. 208].

В понимании Фуко власть действует не только через запреты, принуждение и репрессивные механизмы государства. Гораздо более значимым является её продуктивный характер: власть производит знания, формирует категории субъектов, определяет границы между нормальным и патологическим, допустимым и недопустимым [6, с. 22-53]. Именно в этой связи психолого-психиатрическая экспертиза приобретает особое значение. Она выступает не просто средством диагностики, но и механизмом, позволяющим институционально закреплять определённые представления о личности преступника, его мотивах, степени ответственности и социальной опасности.

Рассматривая историю психических заболеваний, Мишель Фуко приходит к выводу об определенной «условности» этого понятия в общественном сознании. В Средние века душевнобольные люди не изолировались в специализированных учреждениях; более того, сами психиатрические больницы не были известны средневековому обществу. Может ли это означать, что в то время душевнобольных было значительно меньше, и лишь с эпохи Возрождения они стали серьезной социальной проблемой? Представляется, что нет.

Тематическое поле, связанное с практиками принуждения и насилия внутри общества, находилось в центре исследовательского интереса Мишеля Фуко, разработавшего собственную оригинальную версию исторической социологии «власти-знания», и предложившего уникальную оптику анализа дисциплинарных практик господства [4, с. 13]. Его работы оказали значительное влияние на социально-теоретические дискуссии 1970-1980-х годов.

Фуко пишет: *«государство никогда – ни сегодня, ни в своей предшествующей истории – не представляет собой некую целостную структуру и не обладает ни какой-либо индивидуальностью, ни строгой функциональностью. Оно, я бы сказал, не имеет той значимости, которую ему приписывают. По-видимому, это не более чем композитная реальность и мифологизированная абстракция, так что важность его, судя по всему, сильно преувеличена»* [4, с. 14].

Столь радикальная критика традиционных представлений о государстве приводит его к отказу от эссенциалистской, институционалистской и централистской модели господства: основополагающим для его понимания власти был тезис о том, что власть невозможно раз и навсегда точно

зафиксировать в социальном пространстве. В его аналитической перспективе лишена смысла сама идея политической власти, постоянно локализованной в определенном наборе институтов и прежде всего в государственном аппарате [18].

Некоторые авторы предлагают рассматривать концепцию власти Фуко через двухэлементную модель, выделяя лишь две основные формы власти. Подобные различия связаны как с особенностями интерпретации работ Фуко, так и с неоднозначным пониманием места биовласти в его теоретической системе.

Курс лекций Мишеля Фуко «Нужно защищать общество» с точки зрения подхода к анализу власти.

В ходе своего исследования Фуко очерчивает три типа власти, которые он располагает в хронологическом порядке, однако не отвергает их активного взаимодействия [4, с. 13]. В этом исследовании Мишель Фуко выделяет три основных исторических типа политической власти, которые присущи западному миру – это *суверенная власть, дисциплинирующая власть и биовласть* [12].

Фуко, обосновывая метод своего исследования, заводит речь о проблеме учреждения государства. Он утверждает, что дискурсы права и дисциплины исторически формируются и сосуществуют параллельно. Модель суверенитета не универсальна, но возобновляется с особой силой, когда начинает доминировать дисциплинарная технология власти. Первоначально «дискурс дисциплины чужд дискурсу закона», поскольку его источником является не право, а клинические знания [10].

Фуко вводит в свою концепцию власти понятие «паноптикум». Этот концепт он использует из одноименного произведения И. Бентама. В своем интервью французский философ утверждает, что изучая устройство тюрем и эволюцию строения тюрем, он столкнулся с тем, что на И. Бентама ссылаются все сочинения, написанные на эту тему. Главное в идее паноптикума у И. Бентама заключается в правилах и принципах построения тюрем, которые описывает Фуко: *«Правило таково: по краю расположено кругообразное здание, в середине этого круга находится башня, в башне же проделаны широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца»* [12]. И далее: «Строение по краю разбито на камеры, каждая из которых проходит сквозь всю толщу здания. У этих камер по два окна: одно, выходящее внутрь как раз напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. Тогда и оказывается, что вполне достаточно поместить в срединную башню одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осужденного, рабочего или школьника. И на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания. Короче говоря, так мы переворачиваем правило темницы, ибо оказывается, что полная освещенность и взгляд надзирателя стерегут лучше, чем тьма, которая в конце-то концов укрывает» [11, с. 220-249].

По мнению Фуко, суверенная власть ведет начало от Средневековья и появилась в Европе благодаря возрождению идеи римского права, а также вследствие формирования идеи монарха и монархии в целом. В первую очередь она держалась на теории суверенитета, которая развивалась как в политическом, так и в юридическом дискурсах. Второй точкой опоры этой власти является *право*, формирование которого взял на себя философско-юридический дискурс. Таким образом, такой тип власти удерживается благодаря контролю суверена через управление людскими ресурсами, и использует при этом законодательство и государственную систему права [12].

Суверенитет и право являются основаниями этой власти [16]. При этом, по мнению М. Фуко, неважно, о каком суверенитете идет речь. Как теория общественного договора Т. Гоббса [3, с. 127], так и теория «народного суверенитета» Ж.Ж. Руссо [8] в равной мере удовлетворяли власть. Иначе он называет суверенную власть как «власть-удержание». Она функционирует по принципу «отнять», «подавить» или «наказать». Дисциплинарная власть (или «власть-нормализация») – тип власти, развившийся в XVIII–XIX веках. Она действует не через принуждение, а через контроль, наблюдение и дисциплину [17].

Биовласть (биополитика) – форма власти, которая нацелена на управление жизнью населения в целом. Если дисциплина работала с телом индивида, то биополитика регулирует рождаемость, смертность, здоровье, гигиену и долголетие всего общества [12].

Критика комплексной психолого-психиатрической экспертизы как элемента политического дискурса в лекции 8 января 1975 года

Прежде всего следует обратиться к общей критике современной системы правосудия, разработанной Мишелем Фуко, в рамках которой особое место занимает анализ механизмов производства знания и осуществления власти в судебной сфере.

Важной составляющей данной критики выступает рассмотрение судебной психолого-психиатрической экспертизы, которую Фуко интерпретирует не только как инструмент установления фактических обстоятельств дела, но и как один из механизмов нормализации и социального контроля. С его точки зрения экспертное знание в области психологии и психиатрии играет существенную роль в функционировании современных практик власти, поскольку позволяет классифицировать индивидов, определять степень их «нормальности», и тем самым участвовать в процессах дисциплинирования и регулирования поведения [13].

Фуко рассуждает об «одновременно схоластической и арифметической форме разновидности судебного доказательства, которая в свое время в уголовном праве XVIII века именовалась легальными доказательствами и в которой выделялась целая иерархия доказательств, уравнивающих друг друга и со стороны качества, и со стороны количества» [3, с. 95].

Описывая формальную теорию оценки доказательств, Фуко приходит к выводу о противопоставлении двух основополагающих теорий в уголовном процессе: это принцип внутреннего убеждения судьи и, собственно, система легальных доказательств. При этом Фуко приходит к выводу о том что *де-факто* система легального доказательства лишь претерпела легкие внешние изменения, по сути сохранив свою арифметикоподобную природу: «Так скажем, и в нынешней системе французского правосудия полицейские рапорты и свидетельские показания полицейских обладают своеобразной привилегией над всеми прочими сообщениями и свидетельствами, поскольку произносятся приведенным к присяге полицейским служащим. С другой стороны отчеты экспертов – в силу того, что положение экспертов придает тем, кто эти отчеты излагает, научное достоинство, а точнее научный статус, – также получают некоторую привилегию над всеми прочими элементами судебного доказательства» [3, с. 135].

Дискурсы истины при этом имеют у него тройственную форму (наказание, наука, юмор). Именно с этой точки зрения Фуко оценивает комплексную психолого-психиатрическую экспертизу и ее роль при рассмотрении уголовных дел. Она, прежде всего, *медикизирует* решение суда, придавая ему статус научного дискурса.

Мишель Фуко обрушивается с довольно конкретными обвинениями, основанными на фундаментальном анализе различных экспертиз из реальных судебных дел. Прежде всего он выделяет три функции экспертизы в уголовном процессе [3, с. 149-155]. Сам автор не дает им названия поэтому предложим их самостоятельно, принимая во внимание мнение, устоявшееся в науке относительно философских представлений Мишеля Фуко. Каковы же основные функции психолого-психиатрической экспертизы?

Легитимация дисциплинарной власти (медикизация правосудия). Эксперт (психиатр) позволяет правосудию дополнительно пользоваться авторитетом науки. Суд отправляет правосудие не только за поступок, но и за «душу» преступника, его прошлое и характер, что позволяет власти вмешиваться в жизнь индивида до и после совершения преступления. В лекции 1975 года Фуко так пишет об этой функции: «Психиатрическая экспертиза позволяет сместить точку приложения кары, или предусмотренного наказания, в сторону криминальности как характеристики, которая оценивается с морально-психологической точки зрения... Познавательный эффект психиатрической экспертизы равен нулю, но это не так уж важно. Ее основная роль заключается в том, что она узаконивает в виде научного знания распространение наказывающей власти за пределы правонарушения» [3, с. 123].

В доказательство своей точки зрения Фуко приводит одну из психиатрических экспертиз 1955 года. Экспертиза начинается с достаточно высокомерной характеристики: «Месье А. не блещет интеллектом, но и не глуп, умеет связно изложить свои мысли и наделен хорошей памятью» [3, с. 124]. Далее судебный эксперт во многом основывает свою оценку нравственных качеств подозреваемого на его сексуальной ориентации: «В том, что касается морали, он гомосексуалист с двенадцати или тринадцати лет, и поначалу этот порок носил характер компенсации насмешек, которые ему

пришлось терпеть в детском доме в Ла-Манше. Не исключено, что женоподобное поведение месье А. усугубило уже имеющуюся в нем склонность к гомосексуализму, однако к вымогательству его привело не что иное как жажда наживы...» [3, с. 124].

Далее идет часть экспертизы, которая звучит скорее как приговор суда: «...совершенно аморален, циничен и неводержан в словах. Три тысячи лет назад он наверняка оказался бы одним из жителей Содомы, и небесный огонь вполне заслуженно наказал бы его за порочность» [3, с. 124].

Другая экспертиза в деле упомянутой ранее мадам Лаббе содержит такое описание подсудимого: «еще одной психологической особенностью Альгаррона наряду с боваризмом (данная человеку способность выставлять себя другим, нежели он есть), геростратизмом [14] и алквадизмом [15] является донжуанизм» [3, с. 120].

Формулировки и дефиниции, содержащиеся в психолого-психиатрических экспертизах, как правило, не ограничиваются анализом конкретного преступного деяния. Напротив, они нередко распространяются на личность обвиняемого в целом, предлагая всестороннюю оценку его образа жизни, моральных качеств, привычек, семейных отношений, сексуального поведения и биографических обстоятельств. В результате предметом экспертного рассмотрения становится не только сам факт совершения преступления, но и весь жизненный уклад подсудимого.

Подобная практика позволяет экспертному знанию выходить далеко за пределы установления психического состояния лица в момент совершения уголовно наказуемого деяния. Экспертиза начинает функционировать как инструмент более широкой социальной оценки, в рамках которой отдельные особенности поведения интерпретируются как признаки отклонения от общепринятых норм. Тем самым она участвует в формировании представлений о том, что считается нормальным, допустимым и социально приемлемым, а что подлежит осуждению, коррекции или контролю.

Конструирование «ненормального» в личности преступника. Экспертиза устанавливает грань между нормой и патологией, превращая правонарушение в симптом болезни или дефекта личности. Она переводит юридическое понятие преступления в медицинское понятие «опасного состояния» или «ненормальности».

Этико-психиатрический анализ действия. Экспертиза служит инструментом для восприятия преступления не только в рамках юридических категорий, но также в определениях психолого-психиатрических, а равно и этических, что может оцениваться как дополнительное обоснование справедливости вынесенного приговора. Причем согласно Фуко именно эксперт психиатр играет ключевую роль в вынесении решения, поскольку, как было отмечено ранее, в системе неформальной оценки доказательств экспертные суждения занимают очень высокую позицию. Также подобная судебная оценка формирует социальный дискурс.

Заключение

Мишель Фуко резко критикует институт судебной психолого-психиатрической экспертизы, указывая на его субъективность, «ущербность» и претенциозность. Он вполне справедливо отмечает необоснованно высокое положение экспертных заключений в системе доказательств, по сути сопоставляя их с формальной теорией оценки доказательств, где отдельным видам придается заранее установленная сила.

Со свойственной ему скрупулезностью и категоричностью Фуко указывает на поверхностность экспертных суждений, в то же время их зачастую ничем необоснованную широту, а также на их безапелляционный характер. Он подчеркивает, что экспертное знание нередко выходит за пределы своей компетенции, претендуя на объяснение не только психического состояния, но и поведения, личности и даже социальной опасности индивида, что вызывает серьезные сомнения с точки зрения научной строгости и процессуальной справедливости.

К великому сожалению, лекция от 8 января 1975 года, прочитанная в Коллеж де Франс, на наш взгляд, не получила должного внимания в процессуальной юридической науке. Более того, даже в философских исследованиях она упоминается сравнительно редко, несмотря на ее значительный потенциал для анализа взаимодействия власти, знания и права.

Надеемся, что данная статья поспособствует поддержанию интереса к философии Фуко, а также напомним исследователям о наличии важных процессуальных аспектов в его работах, выхо-

дящих за рамки исключительно философии уголовного наказания. Кроме того, обращение к этим идеям может стимулировать дальнейшее переосмысление роли экспертного знания в современном правосудии и его влияния на формирование судебных решений.

Г. Сибирцев, к.ғ.к., қауымдастырылған профессор, Материалдық қылмыстық құқық және криминология кафедрасы, Құқық және басқару факультеті, Гданьск университеті (Польша, Гданьск қ.): Мишель Фуконың 1975 жылғы 8 қаңтарда Коллеж де Франсте оқыған дәрісіндегі сот-психиатриялық сараптамаға қатысты сыны.

Бұл мақалада Мишель Фуконың 1975 жылғы 8 қаңтарда Коллеж де Франсте оқыған дәрісінде тұжырымдалған сот-психиатриялық сараптамаға қатысты сыны қарастырылады. Дәрісті Фуконың билік/білім (power/knowledge) талдауының кең контекстіне орналастыра отырып, мақалада сот-психиатриясы психикалық жағдайды бағалайтын бейтарап төреші ретінде ғана емес, құқықтық және клиникалық ақиқаттың белгілі бір түрлерін өндіретін және бекітетін үкім шығару технологиясы ретінде қызмет ететіні дәлелденеді.

Фуконың клиникалық көзқарас (clinical gaze), заңи медицина және субъективтендіру процестері туралы тұжырымдарына сүйене отырып, зерттеу сарапшы-психиатрлардың куәлігі ауытқушылықты қалыпқа келтіру мен басқаруға қалай қатысатынын, жауапкершілік пен есі ауысқандық мәселесін қалай реттейтінін және институционалдандырылған сараптама режимдері арқылы құқықтық субьектіні қалай қалыптастыратынын талдайды.

Әдіснамалық тұрғыдан мақала осы дәрісті сол кезеңдегі Фуконың басқа мәтіндерімен және қосалқы әдебиеттермен қатар қарастыра отырып, сот сараптамасының тәртіптік (disciplinary) және егемендік (sovereign) билік нысандарымен қалай астасатынын анықтайтын тұжырымдамалық қадамдарды қадағалайды.

Мақала қорытындысында Фуконың сыны сот-психиатриясын қайта тұжырымдауға — яғни оны шамамен бейтарап техникалық практикадан үкіметтік және заңи биліктің кең ауқымыдағы жүзеге асырылуына енгізілген араласу ретінде қарастыруға — шақырады деген тұжырым жасалады. Сот сарапшыларының куәлігі, психиатриялық жауапкершілік және құқықтық-медициналық іс жүргізуді реформалау жөніндегі қазіргі заманғы пікірталастарға қатысты салдары талқыланады.

Түйін сөздер: сот-психиатриясы, сот сараптамасы, Мишель Фуко, дискурс, ойлау жүйелері, қылмыстық құқық.

G. Sibirtsev, PhD in Law, Associate Professor, Department of material Criminal Law and Criminology, Faculty of Law and Administration, University of Gdansk (Gdansk c., Poland): Critique of Forensic Psychiatric Expertise in Michel Foucault's 8 January 1975 Lecture at the Collège de France.

This paper examines Michel Foucault's critique of forensic psychiatric expertise as articulated in his lecture of 8 January 1975 at the Collège de France. Situating the lecture within Foucault's broader analytics of power/knowledge, the paper argues that forensic psychiatry functions not merely as a neutral arbiter of mental state but as a technology of judgment that produces and enforces particular forms of legal and clinical truth. Drawing on Foucault's accounts of the clinical gaze, juridical medicine, and processes of subjectification, the study analyzes how expert psychiatric testimony participates in the normalization and management of deviance, negotiates responsibility and insanity, and shapes the legal subject through institutionalized regimes of expertise. Methodologically, the paper reads the lecture alongside contemporaneous Foucauldian texts and secondary literature to trace the conceptual moves by which forensic expertise becomes entangled with disciplinary and sovereign modes of power. The paper concludes that Foucault's critique invites a reconceptualization of forensic psychiatry: from a supposedly neutral technical practice to an intervention embedded in broader exercises of governmental and juridical authority. Implications for contemporary debates on expert testimony, psychiatric responsibility, and reform of legal and medical procedures are discussed.

Keywords: forensic psychiatry, forensic expertise, Michele Foucault, discourse, systems of thoughts, Criminal Law.

Список литературы:

1. Бокарева О. Концепция власти и понятие «Власть-знание» в философии Мишеля Фуко. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 3-1. С. 172-175.
2. Вен П. Фуко. Его мысли и личность. Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб: Восход, 2014. 195 с.
3. Жуандо М. Три ритуальных убийства. Тверь, 2020. 180 с.
4. Кильдюшов О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения. *Социологическое обозрение*. 2014. № 13 (3). С. 9-32.
5. Лизина Н.В. Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко. *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. № 2 (2). С. 206-209.
6. Макарычев А. С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2010. № 6 (4). С. 22-53.
7. Русаков С. С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2016. № 1. С. 114-126.
8. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Москва: «Канон-Пресс», 1998.
9. Сокулер З.А. Вступительная статья. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. с французского. СПб.: Университетская книга; М.: Рудомино, 1997. С. 5-20.
10. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2005.
11. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2004.
12. Фуко М. Око власти. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: «Ad Marginem», 1999.
14. Геростратизм – это стремление к известности, славе любой ценой, зачастую через совершение разрушительных, асоциальных или преступных действий. Термин происходит от имени древнегреческого жителя Эфеса Герострата, который в 356 г. до н.э. сжёг храм Артемиды, чтобы его имя осталось в истории.
15. Имя Алкваида часто используется в качестве синонима «человека, в характере которого сильные качества соединены с множеством недостатков (претенциозность, карьеризм)».
16. Agamben G. *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press. 1995.
17. Bogard W. Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society. *The Social Science Journal*, 1991, 28 (3), pp. 325-346.
18. Honnet A. (1989) *Kritik der Macht: Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
19. Winkel G. Foucault in the forests – A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis. *Forest Policy and Economics*, 2012, 16, pp. 81-92.
20. Crawshaw P. Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsibility. *Social Science and Medicine*, 2012, 75, pp. 200-207.
21. Bailey A. J. Migration, recession and an emerging transnational biopolitics across Europe. *Geoforum*, 2013, 44, pp. 202-210.
22. Jessop B. From micro-powers to governmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. *Political Geography*, 2007, 26, pp. 34-40.
23. Vainio A. & Paloniemi R. Forest owners and power: A Foucauldian study on Finnish forest policy. *Forest Policy and Economics*, 2012, 21, pp. 118-125.

References:

1. Bokareva O. Konceptsiya vlasti i ponyatie «Vlast'-znanie» v filosofii Mishelya Fuko. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2019. № 3-1. С. 172-175.
2. Ven P. Fuko. Ego mysli i lichnost'. Per. s fr. V.Yu. Bystrova. SPb: Voskhod, 2014. 195 s.
3. Zhuando M. Tri ritual'nykh ubijstva. Tver', 2020. 180 s.

4. Kil'dyushov O.V. Mishel' Fuko kak issledovatel' «policejskogo gosudarstva»: programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya. Sociologicheskoe obozrenie. 2014. №13 (3). S. 9-32.
5. Lizina N.V. Praktiki vlasti kak upravlencheskie otnosheniya v rabotah M. Fuko. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2 (2). С. 206-209.
6. Makarychev A. S. Suverenitet, vlast' i politicheskaya sub"ektnost': dve linii kriticheskoy teorii. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2010. № 6 (4). С. 22-53.
7. Rusakov S. S. Trekhurovnevaya koncepciya politicheskoy vlasti M. Fuko // Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2016. № 1. С. 114-126.
8. Russo, Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore. Moskva: «Kanon-Press», 1998.
9. Sokuler Z.A. Vstupitel'naya stat'ya. Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu. Per. s francuzskogo. SPb.: Universitetskaya kniga; M.: Rudomino, 1997. S. 5-20.
10. Fuko M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975-1976 uchebnom godu. Sankt-Peterburg: Nauka, 2005.
11. Fuko M. Nenormal'nye: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1974-1975 uchebnom godu. Sankt-Peterburg: Nauka, 2004.
12. Fuko M. Oko vlasti. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'y. Moskva: Praksis, 2006.
13. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. Moskva: «Ad Marginem», 1999.
14. Herostratism is the desire for fame and notoriety at any cost, often through committing destructive, antisocial, or criminal acts. The term originates from the name of the ancient Greek resident of Ephesus, Herostratus, who burned down the Temple of Artemis in 356 year so that his name would remain in history.
15. The name Alcibiades is often used as a synonym for “a person whose character combines strong qualities with many flaws (pretentiousness, careerism).”
16. Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press. 1995.
17. Bogard W. Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society. The Social Science Journal, 1991, 28 (3), pp. 325-346.
18. Honnet A. (1989) Kritik der Macht: Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
19. Winkel G. Foucault in the forests – A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis. Forest Policy and Economics, 2012, 16, pp. 81-92.
20. Crawshaw P. Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsibility. Social Science and Medicine, 2012, 75, pp. 200-207.
21. Bailey A. J. Migration, recession and an emerging transnational biopolitics across Europe. Geoforum, 2013, 44, pp. 202-210.
22. Jessop B. From micro-powers to governmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. Political Geography, 2007, 26, pp. 34-40.
23. Vainio A. & Paloniemi R. Forest owners and power: A Foucauldian study on Finnish forest policy. Forest Policy and Economics, 2012, 21, pp. 118-125.

Для цитирования и библиографии: Сибирцев Г.И. Критика института комплексной психолого-психиатрической экспертизы в лекции Мишеля Фуко 1975 года в Коллеж де Франс // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 67-76. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_67

Материал поступил в редакцию 12.05.2026

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

А.А. МУКАШЕВА, д.ю.н., профессор, Университет Нархоз (Республика Казахстан, г. Алматы), e-mail: anarabai@mail.ru

А.С. ИБРАЕВ, PhD, доцент Высшей школы права Международного университета Астана (Республика Казахстан, г. Астана), e-mail: alisher-ibraev@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы защиты прав землевладельцев и землепользователей в Республике Казахстан в условиях развития земельного законодательства и трансформации земельных отношений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности правовых механизмов обеспечения стабильности земельных прав и рационального использования земельных ресурсов. Предметом исследования выступают нормы земельного законодательства Республики Казахстан, судебная практика и зарубежный опыт регулирования земельных отношений. Цель работы заключается в выявлении существующих правовых проблем и разработке предложений по совершенствованию законодательства. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы анализа. Научная новизна заключается в комплексной оценке действующего регулирования земельных отношений и формулировании предложений по уточнению отдельных положений Земельного кодекса Республики Казахстан. В результате исследования установлено, что, несмотря на сформированную законодательную базу, сохраняются проблемы правовой неопределенности и недостаточной эффективности механизмов контроля за использованием земель. Сделан вывод о необходимости совершенствования правового регулирования, цифровизации кадастровых процедур и развития механизмов устойчивого управления земельными ресурсами.

Ключевые слова: земельные отношения; земельное право; земельный кодекс; права землевладельцев; права землепользователей; земельная реформа; земельные споры; государственное регулирование; рациональное использование земель; сравнительное земельное право.

Введение

Изменения в экономике и системе государственного управления Казахстана требуют детального изучения нормативно-правовых актов, регулирующих земельные отношения в Казахстане. Земля является основным ресурсом, от которого зависит продовольственная безопасность, устойчивое развитие сельского хозяйства и градостроительная политика. Совершенствование правовых механизмов землепользования необходимо для обеспечения рационального использования земель и защиты прав собственников. Возрастающее внимание к вопросам экологии и устойчивого развития требует пересмотра подходов к регулированию земельных отношений. В условиях активного экономического роста и урбанизации возрастает потребность в прозрачных и стабильных правовых нормах, обеспечивающих баланс между государственными и частными интересами. Исследование данной темы способствует выявлению проблем правоприменения и формированию предложений по улучшению законодательства, что делает его научно и практически значимым.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы юридической науки, применяемые для анализа правового регулирования земельных отношений. В работе использован формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Эмпирическую основу исследования составили материалы судебной практики по земельным спорам, а также нормативные правовые акты и научные публикации отечественных и зарубежных исследователей в области земельного права. Комплексное применение указанных методов позволило выявить особенности правового регулирования земельных отношений и определить направления его совершенствования.

Основные положения

Проведённое исследование показало, что современная система правового регулирования земельных отношений в Республике Казахстан в целом сформирована и опирается на комплекс взаимосвязанных нормативных актов, центральное место среди которых занимает Земельный кодекс Республики Казахстан. Действующее законодательство закрепляет основные механизмы реализации прав собственности и землепользования, однако анализ его применения свидетельствует о наличии отдельных правовых пробелов и недостаточной определённости некоторых процедур.

Изучение судебной практики показало, что значительная часть земельных споров связана с вопросами предоставления земельных участков, соблюдения условий аренды и правового режима использования земель. В ряде случаев конфликты возникают вследствие неоднозначного толкования норм земельного законодательства, а также из-за недостаточной прозрачности административных процедур принятия решений местными исполнительными органами и земельными комиссиями. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования процедурного регулирования в данной сфере.

Анализ действующих механизмов государственного контроля за использованием земельных ресурсов позволяет сделать вывод о том, что существующие инструменты не всегда обеспечивают достаточную эффективность предотвращения нерационального использования земель и их деградации. Отдельные положения законодательства, регулирующие ответственность собственников и землепользователей, требуют уточнения и более чёткого закрепления механизмов их реализации.

Сравнительно-правовое исследование зарубежного опыта показало, что в ряде европейских государств более последовательно реализуется принцип единства земельного участка и расположенных на нём объектов недвижимости, а также применяется развитая система вещных прав на землю. Использование отдельных элементов данных моделей может быть полезным при дальнейшем совершенствовании национального земельного законодательства.

В целом результаты исследования свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития правового регулирования земельных отношений в Республике Казахстан. Приоритетными направлениями такого развития должны стать повышение правовой определённости процедур предоставления земельных участков, совершенствование механизмов государственного контроля за использованием земельных ресурсов, а также расширение применения цифровых технологий в системе кадастрового учёта и мониторинга землепользования. Реализация этих мер будет способствовать укреплению гарантий защиты прав землевладельцев и землепользователей и повышению эффективности управления земельным фондом государства.

Дискуссии и обсуждение

Начало земельной реформы в Республике Казахстан связано с принятием в 1990 году Земельного кодекса Казахской ССР [1], который положил основу для формирования новой системы земельных отношений. Процесс реформирования осуществлялся поэтапно, отражая постепенный переход страны к рыночным механизмам хозяйствования. Развитие земельного законодательства соответствовало логике становления рыночной экономики и направлялось на создание правовых и экономических условий для эффективного использования земельных ресурсов [2].

Период с 1990 по 1993 гг. ознаменовался формированием нормативной базы, регулирующей основы землепользования и сельскохозяйственного производства. Дальнейшее развитие реформы

связано с подписанием 28 июня 1991 г. первым Президентом Казахстана Н. Назарбаевым закона «О земельной реформе в Казахской ССР» [3]. Этот закон определил цели преобразования земельных отношений, предусматривая создание правовых, экономических и социальных условий для функционирования различных форм хозяйствования. Основное внимание уделялось обеспечению рационального использования и охраны земель, а также повышению эффективности сельскохозяйственного производства. Таким образом, начальный этап земельной реформы стал фундаментом для формирования современного земельного законодательства Казахстана.

Постановление Президента Казахской ССР «О программе разгосударствления и приватизации государственной собственности в Казахской ССР на 1991–1992 годы» [4] и положения о купонном механизме приватизации стали важными элементами раннего этапа реформ, направленных на трансформацию экономических и земельных отношений. В этот период происходила реорганизация и приватизация сельскохозяйственных предприятий, что стало закономерным результатом перехода к рыночной экономике. Колхозы и совхозы не могли функционировать в новых условиях, поэтому государство приступило к созданию альтернативных форм хозяйствования. В результате возникли акционерные общества, товарищества с ограниченной ответственностью, производственные кооперативы, а также крестьянские и фермерские хозяйства, что способствовало формированию негосударственного сектора в сельском хозяйстве.

Параллельно развивался процесс предоставления гражданам условных земельных долей, включая работников реорганизованных хозяйств, пенсионеров и жителей сельских населенных пунктов. Размер долей определялся исходя из общей площади хозяйства, разделенной на количество лиц, имеющих право на долю. Однако анализ первых этапов реформ выявил ряд негативных последствий. Нарушение системы севооборотов, недостаток материально-технической базы и слабая организация фермерских хозяйств привели к неэффективному использованию земель. Многие хозяйства создавались формально ради получения налоговых льгот и кредитов, что препятствовало формированию устойчивой производственной структуры.

К середине 1990-х гг. в Казахстане было приватизировано 84 % государственных сельскохозяйственных предприятий, на базе которых образовались тысячи новых организаций. Однако низкая доля фермерских хозяйств в общем объеме производства и отсутствие финансовой поддержки со стороны государства привели к сокращению сельскохозяйственного производства и росту зависимости от импорта продовольствия.

Следующий этап развития земельных отношений характеризовался адаптацией сельскохозяйственных предприятий к рыночным условиям. В 1995 г. был принят Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу закона, «О земле» [5], а также новая Конституция, закрепившая возможность частной собственности на землю. С этого момента земельные участки и права землепользования стали включаться в рыночный оборот, что обозначило переход страны к цивилизованной модели регулирования земельных отношений.

В начале 2000-х гг. процесс реформирования продолжился принятием Закона «О земле» от 24 января 2001 г. [6]. В нем были уточнены компетенции государственных и местных органов, определены новые принципы землепользования и сокращены сроки временного пользования землей. Запрещено вторичное землепользование, введен порядок предоставления земель кандам, а также уточнен правовой режим условных земельных долей. Несмотря на завершение приватизации и формирование множества фермерских хозяйств, сохранялись проблемы рационального использования земель, что проявилось в увеличении площадей залежных участков.

Новый этап земельной политики начался с принятием Земельного кодекса Республики Казахстан от 20 июня 2003 г. № 442-III [7]. Кодекс закрепил возможность частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения и установил порядок их передачи в собственность на условиях полной кадастровой стоимости, льготной цены или рассрочки. Это стало важным шагом в развитии земельного рынка и формировании многообразия форм собственности.

Особое значение имело введение моратория на продажу сельскохозяйственных земель в 2016 г., который ограничил их отчуждение иностранцам, кандам и юридическим лицам с иностранным участием. Земли сельскохозяйственного назначения разрешено использовать только на правах аренды, а срок действия моратория продлен до конца 2026 г. [8].

Современный этап земельных отношений в Казахстане характеризуется поиском баланса между экономическим развитием и устойчивым управлением земельными ресурсами. Важно совершенствовать правовое регулирование, укреплять защиту прав землеладельцев и землепользователей, а также развивать систему государственного контроля и мониторинга. Согласно данным исследований Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН [9], часть землепользователей испытывает неуверенность в защищенности своих прав, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и принятия нового Земельного кодекса.

Одним из ключевых достижений последних лет стало внедрение электронной системы земельного кадастра, повысившей прозрачность и эффективность управления земельными ресурсами. Это позволило улучшить контроль за использованием земли и стимулировало развитие современных технологий в сельском хозяйстве.

В 2024 г. территориальные подразделения Комитета по управлению земельными ресурсами МСХ провели по республике 1302 внеплановые проверки в отношении землепользователей на общей площади 2 млн га. Внесено 953 предписания об устранении нарушений земельного законодательства на площади 1,4 млн га [10].

Государственное регулирование земельных отношений представляет собой целостную систему мер, обеспечивающих рациональное и эффективное использование земельных ресурсов. Оно направлено на охрану земель, восстановление их природных свойств и повышение плодородия почв, что является основой устойчивого развития аграрного сектора и экологической безопасности государства [11]. Важным аспектом государственного воздействия является формирование благоприятной окружающей среды, способствующей сохранению природного баланса и комфортным условиям жизни населения. Регулирование земельных отношений также предполагает защиту прав собственности, владения и пользования землей, что достигается посредством применения организационных, правовых и экономических механизмов.

Правовое регулирование земельных отношений в Республике Казахстан основывается на нормах Конституции, Земельного кодекса и широкого круга подзаконных актов, которые в совокупности формируют устойчивую систему государственного управления земельными ресурсами. Конституция Республики Казахстан от 15 марта 2026 г. [12] закрепляет в ст. 8 фундаментальные принципы собственности на землю, устанавливая, что земля и ее недра находятся в собственности народа, однако могут также находиться в частной собственности на условиях, определенных законом. Это положение стало основой для развития института частной собственности и последующего формирования земельного рынка.

Земельный кодекс Республики Казахстан определил правовые основы владения, пользования и распоряжения земельными участками. В ст. 12 описаны формы собственности на землю, а в Главе 6 закреплены права и обязанности собственников и землепользователей. Особое внимание уделено вопросам охраны земель, что отражено в ст. 140 Кодекса, где закреплены меры по предотвращению деградации и рациональному использованию земельных ресурсов. В ходе реформ кодекс неоднократно дополнялся и изменялся, особенно в частях, касающихся аренды земельных участков, проведения кадастровой оценки и порядка предоставления земель в частную собственность. Существенные поправки внесены в 2014 и в 2021 гг., они направлены на усиление государственного контроля и обеспечение прозрачности операций с земельными участками.

Государственная собственность реализуется через компетенцию государства по распоряжению землями стратегического, природоохранного и общего пользования значения, в то время как частная собственность регулируется положениями статей 20–25 Земельного кодекса, предусматривающих права граждан и юридических лиц на владение, пользование и распоряжение земельными участками.

Право пользования землей, согласно статьям 34–35 Кодекса, может быть постоянным или временным, возмездным или безвозмездным. Особое значение имеет аренда земельных участков сельскохозяйственного назначения, регулируемая положениями статей 37–38, где определяются условия, сроки и основания прекращения аренды. В целях рационального использования земель установлены категории земель и особенности их правового режима, закрепленные в Разделе 3 Кодекса, включая земли сельскохозяйственного назначения, населенных пунктов, промышленности, транспорта, особо охраняемых природных территорий и иные.

Статья 37 Кодекса допускает предоставление права временного возмездного землепользования (аренды) широкому кругу субъектов, однако действующее закрепление субаренды и отчуждения права землепользования (вне земель сельскохозяйственного назначения) формирует чрезмерную свободу распоряжения землей и создает риски недобросовестного использования. Такая модель недостаточно учитывает потребность в государственном контроле и балансировании интересов пользователей, что снижает эффективность регулирования.

В статье 44 Кодекса и подразделах 44-1, 44-2 правил предоставления земельных участков недостаточно четко урегулирован порядок рассмотрения заявлений и сроки принятия решений. Это порождает неопределенность для заявителей, что может воспрепятствовать прозрачности и равному доступу к земельным ресурсам.

В статье 65 Кодекса (обязанности собственников и землепользователей) содержит общий перечень обязанностей, однако не предусматривает достаточных санкций и механизмов применения контрольных мер в отношении собственников, допускающих нерациональное или бездействующее использование земельных участков. В таких условиях реализация принципов эффективного землепользования оказывается слабой.

Переходные положения статьи 171 предусматривают сохранение права временного землепользования для иностранных субъектов до определенного срока, что может создавать правовую неопределенность и риск длительной аренды без полной приватизации или четкого выхода из такого права. Категоризация земель и порядок перевода земель из одной категории в другую (статья 2) содержит чрезмерно большое число условий и согласований, что затрудняет быстрый и гибкий перевод земель под новые виды использования, в том числе под инновационные секторы экономики. Хотя Кодекс закрепляет плату за землю (статья 9) и другие финансовые обязательства, нормы не обеспечивают четкого баланса между фискальной нагрузкой и стимулированием рационального использования земельных ресурсов, что может сдерживать привлечение инвестиций и способствовать неэффективному использованию земли.

Также значительную роль в реализации земельной политики играют подзаконные акты.

Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан утвердило ряд приказов, конкретизирующих положения Земельного кодекса, в частности Приказ № 262 от 23 октября 2018 г. «Об утверждении правил ведения государственного земельного кадастра» [13], в котором закреплён порядок регистрации, учета и оценки земельных участков. Кроме того, действуют методические рекомендации и инструкции, направленные на единообразное применение земельного законодательства, в том числе касающиеся оформления земельных прав и проведения землеустроительных работ.

Приказ Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан от 17 января 2020 г. № 7 [14], с изменениями по состоянию на 1 июня 2024 г., регулирует вопросы рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, а также устанавливает порядок мониторинга их состояния и эффективности землепользования. Документ разработан во исполнение подпункта 2-1) пункта 1 статьи 14 Земельного кодекса Республики Казахстан и направлен на обеспечение устойчивого сельскохозяйственного производства через сохранение плодородия почв, предупреждение деградации земель и повышение эффективности аграрного землепользования. Основное содержание приказа заключается в утверждении Правил рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, где определены понятия «рациональное использование земли», «деградация», «севооборот», «норма нагрузки на пастбища», а также установлены критерии, показатели и документационные требования для подтверждения рационального землепользования.

В документе предусмотрен комплекс мер по поддержанию и повышению плодородия земель, соблюдению севооборотов, предотвращению зарастания и деградации угодий, а также по обеспечению оптимальной нагрузки на пастбища (пункт 4). Введена обязанность сельхозпроизводителей вести планы севооборотов и пастбищеоборотов, поддерживать урожайность на уровне не ниже 85 % от среднерайонного показателя и обеспечивать наличие поголовья животных в пределах установленной нормы нагрузки (пункты 7–11). Приказ также детализирует механизмы государственного мониторинга, включая использование веб-портала дистанционного зондирования земель, что обеспечивает цифровизацию контроля и повышение прозрачности в сфере землепользования.

Вместе с тем анализ приказа выявляет несколько проблемных аспектов. Во-первых, пункт 7 создает административные сложности, так как требование обязательного согласования планов севооборотов с научными организациями может привести к бюрократическим задержкам и затруднить малые фермерские хозяйства, не имеющие доступа к научным центрам. Во-вторых, пункт 9 устанавливает жесткие пороговые значения показателей плодородия почв (в частности, снижение гумуса не более чем на 5 %), что в условиях природно-климатических различий регионов Казахстана делает эти нормы трудно достижимыми, особенно в засушливых и деградированных зонах. В-третьих, пункт 11, определяющий требуемое количество сельскохозяйственных животных на пастбищах (не менее 50 % и не более 100 % от нормы нагрузки), вводит риск административных санкций для хозяйств, испытывающих временное сокращение поголовья, например из-за эпизоотий или экономических трудностей.

То есть, несмотря на значительный прогресс в систематизации правил рационального землепользования, Приказ № 7 нуждается в уточнении нормативных параметров и адаптации требований к региональной специфике, что позволило бы повысить реалистичность его применения и обеспечить устойчивость сельского хозяйства.

Особенности правоприменительной практики на местах отражаются в нормативных актах органов местного самоуправления. Акиматы областей и городов республиканского значения утверждают регламенты по использованию земель в границах территорий, порядок выделения земельных участков для индивидуального жилищного строительства и ведения подсобного хозяйства. Эти акты принимаются в соответствии с Земельным кодексом и учитывают региональные особенности, природные условия и экономические приоритеты территорий. Таким образом, система нормативно-правовых актов, регулирующих земельные отношения в Казахстане, носит комплексный характер, обеспечивая как единые правовые принципы на национальном уровне, так и гибкость регулирования в зависимости от региональной специфики.

Судебная и административная практика в сфере земельных отношений Республики Казахстан отражает тенденции развития правоприменения и выявляет проблемные аспекты регулирования собственности, аренды и рационального использования земель. Наиболее распространенными являются споры, связанные с изъятием земельных участков для государственных нужд, нарушением условий аренды, признанием недействительными актов о предоставлении земли, а также определением правового режима земель сельскохозяйственного назначения.

В практике Верховного суда особое значение имеет Постановление № 9 от 11 декабря 2015 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении споров, связанных с правом собственности и иными вещными правами на землю» [15]. В этом акте разъяснены критерии добросовестного владения, особенности доказывания рационального использования земель, а также правовые последствия нарушения целевого назначения участка. Судебные решения по делам об аренде земельных участков показывают, что нередко арендаторы не выполняют обязательства по использованию земли в соответствии с утвержденными планами севооборота, что влечет расторжение договора в судебном порядке.

Прецеденты административных дел, рассматриваемых в судах, указывают на необходимость совершенствования процедур мониторинга землепользования, установленных приказом Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 17 января 2020 г. № 7. Судебная практика демонстрирует важность цифровизации кадастрового учета и прозрачности в определении пределов допустимой нагрузки на пастбища. Для повышения эффективности правоприменения требуется уточнение норм об ответственности органов местного самоуправления за ненадлежащее предоставление земель и введение единой базы судебных решений по земельным вопросам.

Рассмотрим материалы судебной практики. Решением специализированного межрайонного административного суда от 28 марта 2022 г. был удовлетворен иск гражданина Б. к акимату города о понуждении издать постановление о предоставлении земельного участка. Суд возложил на акимат обязанность оформить акт о предоставлении земельного участка путем выкупа права частной собственности для эксплуатации гаража в течение одного месяца со дня вступления решения в законную силу. Правовая позиция суда основывалась на положениях статьи 52 Земельного кодекса Республики Казахстан, согласно которой право собственности на объект недвижимости влечет за

собой право собственности на земельный участок, занимаемый этим объектом. Данные права являются взаимосвязанными и неотделимыми. Суд установил, что у истца имеется зарегистрированное право собственности на гараж, а правоустанавливающий документ (договор купли-продажи) не признан недействительным. Акимат подтвердил получение полного пакета документов, необходимых для рассмотрения вопроса о предоставлении участка. Решение суда вступило в законную силу и не было обжаловано.

В другом деле, рассмотренном тем же судом 23 февраля 2022 г., иск граждан А., Е. и других к акимату города о понуждении к принятию благоприятного административного акта был удовлетворен частично. Суд обязал акимат принять решение с учетом правовой позиции суда о предоставлении права собственности на земельные участки, на которых расположены жилые дома, принадлежащие истцам на праве частной собственности. Из материалов дела следовало, что акимат ранее предоставил обществу с ограниченной ответственностью «G» земельный участок для проектирования и строительства коттеджного комплекса на условиях временного возмездного землепользования. После завершения строительства и регистрации права собственности на 16 жилых домов за ТОО «G» объекты были реализованы физическим лицам, включая истцов. Несмотря на это, апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции, указав, что земельные участки не были предоставлены гражданам под индивидуальное жилищное строительство и, следовательно, могут быть переданы лишь на возмездной основе. Однако кассационная инстанция признала данные выводы ошибочными, отметив неправильное применение статей 9 и 52 Земельного кодекса. Постановлением судебной коллегии по административным делам Верховного суда решение суда первой инстанции было оставлено без изменений.

В то же время судебная практика показывает, что положения статьи 52 Земельного кодекса не всегда могут служить основанием для предоставления земельного участка в частную собственность. В соответствии с пунктом 2 статьи 26 Кодекса, земельные участки, относящиеся к землям водного фонда, не подлежат частной собственности, за исключением случаев, прямо указанных в пункте 2 статьи 133. При наличии таких обстоятельств отказ местного исполнительного органа в предоставлении права частной собственности признается законным, а отрицательное заключение земельной комиссии – обоснованным.

Судебная практика демонстрирует стремление судов к обеспечению баланса между защитой частных имущественных прав и соблюдением публичных интересов в сфере землепользования. Анализ дел указывает на необходимость единообразного применения норм Земельного кодекса, особенно в части разграничения компетенций органов местного самоуправления и определения прав собственников недвижимости на земельные участки. Практическая реализация принципа неотделимости земельного участка от объекта недвижимости требует уточнения законодательных формулировок и разработки единых методических рекомендаций для органов, участвующих в предоставлении земельных прав.

В соответствии со статьей 10 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан (АППК РК) [17] административные органы и должностные лица при осуществлении административного усмотрения обязаны обеспечивать справедливый баланс между интересами граждан и общества. Любое административное действие или акт должно быть соразмерным, то есть соответствовать принципам пригодности, необходимости и пропорциональности. В то же время статья 13 АППК закрепляет принцип охраны доверия, предусматривающий защиту законных ожиданий граждан относительно последовательности и добросовестности деятельности государственных органов.

Показательным примером реализации данных норм является дело по иску гражданина Д. к акимату города. На основании решения общего собрания садоводческого товарищества от 20 июля 1995 г. истцу был предоставлен земельный участок. В 2020 г. он обратился в акимат с заявлением о предоставлении права собственности на данный участок, однако 28 декабря 2020 г. получил отказ. Основанием для отказа послужила ссылка на градостроительные документы, утвержденные местными органами, согласно которым часть участка находилась в пределах красных линий улицы.

Решением специализированного межрайонного административного суда от 28 февраля 2022 г. постановление акимата признано незаконным и отменено. Суд обязал орган власти устранить

нарушения и принять новый административный акт в пользу заявителя. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан 9 марта 2023 г. оставила судебные акты без изменений, тем самым подтвердив правомерность выводов нижестоящих инстанций.

Суд установил, что спорный земельный участок расположен в границах населенного пункта и относится к землям населенных пунктов, а не сельскохозяйственного назначения. В соответствии с проектом детальной планировки он находится в жилой зоне Ж-7, где допускается ведение садоводства. Таким образом, основания для отказа в предоставлении права собственности отсутствовали. Согласно статье 32 Земельного кодекса предоставление права землепользования осуществляется на основании решения местного исполнительного органа. Это право является вещным и регулируется нормами, аналогичными нормам о праве собственности. Землепользование может быть постоянным или временным, возмездным или безвозмездным, в зависимости от основания предоставления.

При рассмотрении административных исков об оспаривании решений земельных комиссий суды должны руководствоваться статьей 43-1 Земельного кодекса и положениями Правил, утвержденных приказом Министра сельского хозяйства от 20 декабря 2018 г. № 518 [18]. Важное значение имеет соблюдение процессуальных сроков, установленных статьей 136 АППК, а также требований к оформлению конкурсных процедур. Анализ судебной практики выявляет системные ошибки со стороны земельных комиссий, включая нарушения порядка голосования, неправильное начисление баллов и допуск к участию заявок, не соответствующих установленным требованиям.

Рассмотренное дело демонстрирует важность соблюдения принципов справедливости, доверия и соразмерности при принятии административных решений в сфере земельных отношений. Суды последовательно защищают право граждан на получение объективного и мотивированного административного акта, исходя из реальных градостроительных и правовых обстоятельств. Для снижения количества подобных споров необходима унификация процедур предоставления земельных прав, усиление контроля за деятельностью земельных комиссий и повышение прозрачности принятия решений на уровне местных исполнительных органов.

В основе традиционной европейской доктрины права собственности на землю лежит принцип, согласно которому земля представляет собой вещь и одновременно относится к категории недвижимого имущества. Данный подход был закреплен в континентальной правовой системе и нашел отражение в гражданских кодексах большинства стран Европы, где недвижимость рассматривается как особый объект вещных прав, обладающий повышенной правовой охраной [19].

Так, в статье 518 Гражданского кодекса Франции от 21 марта 1804 г. установлено, что земля и здания признаются недвижимым имуществом по своей природе [20]. Французское гражданское право исходит из трех оснований, определяющих понятие недвижимости. Первое основание имеет физический характер: недвижимостью признаются участки земли, а также здания и насаждения, которые физически соединены с землей. Второе основание носит юридический характер и основано на правовой фикции: материальные объекты могут рассматриваться как недвижимые, если они составляют часть соответствующего недвижимого имущества. Третье основание связано с правами на имущество, которые квалифицируются как недвижимые в тех случаях, когда они применяются в отношении самой недвижимости. Такая правовая конструкция обеспечивает единство объекта и всех связанных с ним прав, создавая стабильную систему регулирования вещных отношений.

Аналогичные принципы отражены в Германском гражданском уложении от 18 августа 1896 г. Согласно статье 90, вещами признаются только телесные предметы, прочно соединенные с земельным участком. В статье 94 ГГУ закреплено, что здания и плоды земли являются существенными частями участка до тех пор, пока они физически связаны с ним [21]. Семена становятся частью участка с момента посева, а растения – с момента посадки. Законодатель также различает постоянное и временное соединение вещи с земельным участком, что имеет принципиальное значение для разграничения прав собственности. В статье 95 установлено, что вещи, соединенные с землей временно, не становятся ее составной частью, а аналогичный подход распространяется и на здания, возведенные лицами, не являющимися собственниками участка. В статье 96 ГГУ уточняется, что составной частью земельного участка признаются также права, неразрывно связанные с правом собственности на этот участок.

Принцип пространственного охвата права собственности закреплен в статье 905 ГГУ, согласно которой право собственника распространяется как на поверхность земли, так и на пространство над и под ней. Однако это право ограничено интересами других лиц: собственник не может препятствовать воздействию на таких высотах или глубинах, где у него отсутствует правовой интерес. Тем самым законодатель установил баланс между абсолютным характером вещного права и принципом его разумного ограничения.

Особого внимания заслуживает концепция единого объекта недвижимости, отраженная в статьях 926 и 946 ГГУ. В соответствии с этими нормами, при отчуждении земельного участка право собственности распространяется также на его принадлежности, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Если движимая вещь прочно соединена с землей, она становится частью участка, и право собственности на землю автоматически охватывает такую вещь.

Правовая модель Германии оказала значительное влияние на развитие земельного законодательства Казахстана. В частности, положения Земельного кодекса Республики Казахстан от 20 июня 2003 г. № 442-III закрепляют схожий подход к определению состава земельного участка и единства прав на землю и недвижимость. Согласно статье 52 Кодекса, право собственности на здание или сооружение неразрывно связано с правом пользования земельным участком, на котором расположен объект. В отличие от германской модели, казахстанское законодательство сохраняет более жесткое разграничение между землей и возведенными на ней объектами, что объясняется историческим контекстом перехода от государственной монополии к системе частной собственности.

Германская судебная практика детально раскрывает содержание категории «существенных составных частей земельного участка» и демонстрирует широкий подход к определению объектов, обладающих прочной связью с землей. В немецком праве существенными частями признаются не только здания и сооружения, но и иные объекты, если они неразрывно связаны с земельным участком и обеспечивают его использование по назначению [22, с. 67]. Так, в судебной практике установлено, что сруб с прочным фундаментом рассматривается как часть участка, а гравий, уложенный и закрепленный на поверхности, также приобретает статус составной части. В то же время мосты, соединяющие два участка, не могут быть отнесены к составной части только одного из них и рассматриваются как объект общей собственности владельцев смежных земель. Аналогичным образом, оборудование и встроенная мебель могут признаваться частью участка или здания лишь в том случае, если они физически и функционально включены в структуру объекта.

Интересной особенностью германского подхода является то, что предмет, даже не имеющий прочного крепления, например сборный гараж, может быть признан составной частью участка, если он имеет устойчивую связь с землей и используется как элемент недвижимого имущества. В то же время объекты инфраструктуры – водопроводные, газовые и энергетические сети – не считаются составной частью земельного участка, поскольку их назначение выходит за пределы одного владения, что предотвращает возникновение множественности собственников на объекты коммунального значения. Таким образом, немецкое право сочетает физический и функциональный критерии связи объекта с землей, что обеспечивает гибкость правового регулирования и предотвращает чрезмерное ограничение оборота недвижимости.

Особое значение в германском праве имеет разграничение между обязательственными и вещными договорами. Вещный договор является инструментом установления, передачи и прекращения вещных прав, включая право собственности на земельный участок. Такой подход обеспечивает более четкую правовую конструкцию вещного права и позволяет избежать неопределенности при передаче недвижимости.

Положения германского законодательства во многом соотносятся с нормами Земельного кодекса Швеции от 17 декабря 1970 г., где земля также рассматривается как недвижимость, включающая участки и связанные с ними принадлежности. В соответствии со статьей 1 главы 1 кодекса недвижимостью признается участок земли вместе с принадлежащими ему зданиями, сооружениями, заборами, элементами общего пользования и сервитутами. В шведском праве предусмотрено понятие трехмерного земельного участка, который разграничивается как по горизонтали, так и по вертикали. Данное положение позволяет учитывать особенности плотной застройки и многоуровневого землепользования, что имеет особое значение в условиях урбанизации [23, с. 85].

В статье 1 главы 2 Земельного кодекса Швеции уточняется, что к земельному участку относятся все объекты, соединенные с ним для постоянного использования, включая растительность и природные удобрения. Примечательно, что принадлежностью участка могут считаться и объекты, расположенные за его пределами, если они предназначены для обеспечения сервитутных прав данного участка. Такой подход отражает высокую степень системности и функциональной взаимосвязанности элементов недвижимости.

В законодательстве Швейцарии, закрепленном в статье 655 Гражданского кодекса от 10 декабря 1907 г., объектами права собственности признаются участки земли, здания, рудники и зарегистрированные в земельном регистре права. Концепция множественности объектов недвижимости, действующая в Швейцарии и ряде других европейских стран, в том числе в Греции, Испании, Португалии и Нидерландах, показывает, что регулирование вещных прав допускает существование различных категорий недвижимых объектов в зависимости от их назначения и юридического режима.

Совершенно иная концепция действует в странах англосаксонской правовой системы, прежде всего в Великобритании. Здесь право собственности на землю имеет историческую основу и восходит к норманнскому феодальному праву, согласно которому земля формально принадлежит короне, а физические и юридические лица обладают лишь производными вещными правами – титулами владения. Такое владение носит не абсолютный, а приоритетный характер, то есть представляет собой систему субординированных правомочий, зависящих от верховного права собственности. Английское право различает титулы по общему праву (legal estate) и по праву справедливости (equitable estate), которые можно сопоставить с континентальными ограниченными вещными правами [21, с. 96].

После принятия Закона о собственности 1925 г. различие между правом собственности на землю и правом собственности на движимое имущество было в значительной степени устранено. Согласно статье 1 этого закона, единственными вещными правами, которые могут быть установлены в отношении земли, являются право fee simple – бессрочное и наследуемое право собственности, а также долгосрочное право владения сроком до трех тысяч лет. В современных условиях право fee simple обеспечивает землевладельцу практически полное распоряжение земельным участком, хотя юридически оно по-прежнему производно от суверенного права короны.

Концепция единого объекта недвижимости, применяемая в Германии, получила дальнейшее развитие через институт наследственного права застройки. Закон о наследственном праве застройки от 15 января 1919 г. закрепил возможность возведения на чужом земельном участке здания, право на которое принадлежит застройщику, а не собственнику земли. Такое право является отчуждаемым и наследуемым и подлежит обязательной регистрации в поземельной книге. По истечении срока действия права застройки собственник участка обязан компенсировать застройщику стоимость возведенного здания, что обеспечивает справедливое распределение имущественных последствий.

В законодательстве Казахстана концепция вещных прав и права застройки пока не имеет столь развитого институционального оформления, как в Германии, однако Земельный кодекс Республики Казахстан предусматривает возможность предоставления земли во временное возмездное землепользование для строительства и дальнейшего оформления права собственности на возведенные объекты. В перспективе заимствование элементов германской модели, особенно в части компенсационных механизмов при прекращении прав застройщика, могло бы способствовать совершенствованию казахстанского законодательства и обеспечению баланса интересов государства, землевладельцев и инвесторов.

Совершенствование Земельного кодекса Республики Казахстан требует точной корректировки формулировок ключевых статей, направленной на усиление правовой определенности, повышение прозрачности и эффективности государственного контроля.

В статье 37 Кодекса следует уточнить пределы распоряжения землей в режиме временного возмездного землепользования. Для этого в текст необходимо добавить положение: («Субаренда и иное отчуждение права временного возмездного землепользования допускаются исключительно при наличии письменного согласия уполномоченного органа и в пределах, установленных земель-

ным законодательством»). Такое изменение обеспечит баланс между экономической свободой участников и необходимостью государственного контроля. В будущем это позволит предотвратить спекулятивное обращение земельных прав и усилит ответственность пользователей за целевое использование участков.

В статье 44 и подразделах 44-1 и 44-2 требуется уточнение административных процедур и сроков принятия решений. В текст статьи следует внести норму: («Рассмотрение заявлений о предоставлении земельных участков должно быть завершено в течение тридцати календарных дней с момента их регистрации; в случае продления срока уполномоченный орган обязан уведомить заявителя с указанием причин продления и новой даты принятия решения»). Такое дополнение повысит прозрачность и предсказуемость процедур, что укрепит доверие граждан и бизнеса к государственным институтам и создаст равные условия доступа к земельным ресурсам.

В статье 65 Кодекса, где закреплены обязанности собственников и землепользователей, следует усилить нормы ответственности. Целесообразно добавить пункт: («В случае выявления фактов неиспользования или нерационального использования земельного участка в течение двух лет с момента предоставления, уполномоченный орган вправе применить меры административного воздействия, включая временное ограничение прав или изъятие земельного участка в порядке, установленном законом»). Это изменение обеспечит действенность принципов рационального землепользования и позволит формировать культуру ответственного владения землей, предотвращая накопление неиспользуемых участков.

Переходные положения статьи 171 требуют устранения неопределенности, связанной с длительным сохранением прав иностранного землепользования. В целях правовой ясности можно закрепить новую формулировку: («По истечении установленного законом срока временного землепользования иностранными субъектами соответствующее право прекращается автоматически, если иное не предусмотрено международным договором Республики Казахстан»). Это положение устранил риски злоупотреблений, обеспечит контроль над оборотом земель и будет способствовать устойчивому управлению земельными ресурсами.

В статье 2, регулирующей категоризацию земель, важно сократить избыточные согласования, препятствующие инновационным проектам. Следует уточнить, что («Изменение категории земель допускается в упрощенном порядке при реализации инвестиционных, инфраструктурных и инновационных проектов, имеющих государственное значение, по согласованию с уполномоченным органом в сфере земельных отношений»). Такая норма ускорит процесс адаптации земельного фонда к потребностям экономического развития и обеспечит гибкость в использовании территорий.

Статья 9, регулирующая плату за землю, должна быть уточнена с учетом стимулирующего подхода. Предлагается новая редакция абзаца: («Размер платы за землю определяется с учетом категории земель, их целевого назначения, уровня инфраструктурного обеспечения и социально-экономической значимости проекта; при этом допускается установление понижающих коэффициентов для инвесторов, осуществляющих деятельность в сфере аграрных технологий, зеленой энергетики и мелиорации»). Такая корректировка обеспечит баланс между фискальной функцией и стимулированием рационального использования земли, создавая предпосылки для инвестиционного роста и повышения продуктивности сельскохозяйственного и промышленного землепользования.

Предлагаемые изменения направлены на повышение эффективности правового регулирования земельных отношений, формирование справедливых и прозрачных процедур, укрепление принципов устойчивого развития и предотвращение злоупотреблений в сфере землепользования. В долгосрочной перспективе они позволят создать стабильную и предсказуемую систему земельного права, основанную на балансе частных и публичных интересов, что будет способствовать росту доверия к институтам собственности и устойчивости земельной политики Казахстана.

Эффективное государственное регулирование земельных отношений невозможно без усиления системы контроля за использованием земельных ресурсов. Для повышения результативности надзорных функций необходимо расширить инструменты государственного мониторинга, внедрить цифровые технологии анализа данных о землепользовании и создать единую информационную платформу, интегрирующую кадастровые, налоговые и экологические сведения. Совершенство-

вание нормативной базы должно предусматривать закрепление механизмов регулярной проверки фактического использования земельных участков, а также обязательность публичного раскрытия информации о неиспользуемых или деградированных землях. Важным направлением является усиление административной ответственности за нарушения режима землепользования, что позволит стимулировать рациональное использование ресурсов и предотвратить их неэффективное вовлечение в хозяйственный оборот.

Проведенный анализ показал, что нормативно-правовая база Казахстана в сфере земельных отношений характеризуется высоким уровнем системности, однако нуждается в уточнении ряда положений, связанных с реализацией прав собственников и землепользователей, процедурой предоставления земель и механизмами государственного контроля. Земельный кодекс Республики Казахстан в целом обеспечивает устойчивую правовую основу, однако выявленные пробелы в регулировании аренды, субаренды и ответственности за нерациональное использование земельных участков требуют законодательного совершенствования. Практика применения норм показывает, что при всей развитости законодательной системы сохраняются проблемы административной неопределенности, недостаточной прозрачности и избыточной бюрократизации процедур. Совокупность этих факторов снижает эффективность управления земельными ресурсами и препятствует формированию устойчивого рынка земли.

Заключение

Перспективы развития земельных отношений в Казахстане связаны с дальнейшей цифровизацией кадастровых процессов, расширением инструментов мониторинга и внедрением механизмов устойчивого землепользования. В ближайшие годы ожидается переход к интегрированной модели управления земельными ресурсами, в которой ключевую роль будет играть искусственный интеллект и геоинформационные системы. Это позволит повысить точность учета, упростить административные процедуры и сократить коррупционные риски. Развитие института частной собственности на землю и совершенствование арендных механизмов создадут предпосылки для активизации инвестиционной деятельности в аграрном и строительном секторах. В то же время особое внимание должно быть уделено экологической составляющей земельной политики, включая восстановление деградированных территорий, охрану почв и сохранение биологического разнообразия.

Эффективное правовое регулирование земельных отношений является важнейшим фактором устойчивого развития Казахстана. От качества земельного законодательства зависят продовольственная безопасность, инвестиционная привлекательность и экологическая стабильность страны. Рациональное использование земельных ресурсов формирует основу для развития сельского хозяйства, промышленности и инфраструктуры, а также способствует укреплению социальной справедливости через обеспечение равного доступа к земельным благам.

А.А. Мукашева, з.ғ.д., профессор, Нархоз Университеті (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.); А.С. Ибраев, PhD, Жоғарғы құқық мектебінің доценті, Астана халықаралық университеті (Қазақстан Республикасы, Астана қ.): Жер иелері мен жер пайдаланушылардың құқықтарын қорғау мәселелері: отандық және шетелдік тәжірибе.

Мақалада Қазақстан Республикасында жер заңнамасының дамуы және жер қатынастарының трансформациясы жағдайында жер иелері мен жер пайдаланушылардың құқықтарын қорғау мәселелері қарастырылады. Зерттеудің тақырыбының өзектілігі жер құқықтарының тұрақтылығын қамтамасыз етудің құқықтық тетіктерінің тиімділігін арттыру және жер ресурстарын ұтымды пайдалану қажеттілігімен айқындалады. Зерттеу нысаны ретінде Қазақстан Республикасының жер заңнамасының нормалары, сот тәжірибесі және жер қатынастарын құқықтық реттеудің шетелдік тәжірибесі алынды.

Зерттеудің мақсаты – жер қатынастары саласындағы құқықтық мәселелерді анықтау және қолданыстағы заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу. Зерттеудің әдіснамалық негізін формальды-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелік талдау әдістері құрайды. Зерттеудің ғылыми жаңалығы жер қатынастарын құқықтық реттеудің қазіргі жағдайына кешенді баға беру де

және Қазақстан Республикасының Жер кодексінің жекелеген нормаларын нақтылау бойынша ұсыныстар әзірлеуде көрініс табады.

Зерттеу нәтижесінде қалыптасқан заңнамалық базаға қарамастан, жерді пайдалану саласында құқықтық айқынсыздық пен бақылау тетіктерінің жеткіліксіз тиімділігі сақталып отырғаны анықталды. Зерттеу қорытындысында жер қатынастарын құқықтық реттеуді одан әрі жетілдіру, жер кадастры рәсімдерін цифрландыру және жер ресурстарын тұрақты басқару тетіктерін дамыту қажеттілігі негізделеді.

Түйін сөздер: жер қатынастары; жер құқығы; Жер кодексі; жер иелерінің құқықтары; жер пайдаланушылардың құқықтары; жер реформасы; жер даулары; мемлекеттік реттеу; жерді ұтымды пайдалану; салыстырмалы жер құқығы.

A.A. Mukasheva, Doctor of Law, Professor, Narxoz University (Almaty, Republic of Kazakhstan); A.S. Ibrayev, PhD, Associate Professor, Higher School of Law, Astana International University (Astana, Republic of Kazakhstan): Problems of Protecting the Rights of Landowners and Land Users: Domestic and Foreign Experience.

The paper examines the problems of protecting the rights of landowners and land users in the Republic of Kazakhstan in the context of the development of land legislation and the transformation of land relations. The relevance of the study stems from the need to improve the effectiveness of legal mechanisms ensuring the stability of land rights and the rational use of land resources. The subject of the research includes the norms of the land legislation of the Republic of Kazakhstan, judicial practice, and foreign experience in regulating land relations.

The purpose of the study is to identify existing legal problems and develop proposals for improving land legislation. The methodological framework of the research is based on formal-legal, comparative-legal, and systemic methods of analysis. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive assessment of the current regulation of land relations and in the formulation of proposals aimed at clarifying certain provisions of the Land Code of the Republic of Kazakhstan.

The results of the research demonstrate that despite the existence of an established legislative framework, problems of legal uncertainty and insufficient effectiveness of mechanisms for controlling the use of land resources still remain. The study concludes that it is necessary to further improve the legal regulation of land relations, digitalize cadastral procedures, and develop mechanisms for the sustainable management of land resources.

Keywords: land relations; land law; Land Code; rights of landowners; rights of land users; land reform; land disputes; state regulation; rational use of land; comparative land law.

Научная статья подготовлена в рамках проекта AP26195725 «Проблемы защиты прав землевладельцев и землепользователей: анализ судебной практики», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Айтмагамбет А.К. История и перспектива развития земельных отношений. Вестник науки. 2023. Т. 1. 12 (69). С. 16-26.
2. Земельный кодекс Казахской ССР от 16 ноября 1990 г. № 332-XII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000261 (20.10.2025).
3. Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 28 июня 1991 г. № 729-XII «О земельной реформе в Казахской ССР». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000621 (20.10.2025).
4. Закон Республики Казахстан от 22 июня 1991 г. № 695-XII «О разгосударствлении и приватизации» (с изменениями, внесенными Законом РК от 12.04.93 г. № 2118-XII; Указами Президента РК от 17.03.95 г. № 2135; от 05.10.95 г. № 2489). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000581 (20.10.2025).

5. Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу закона, от 22 декабря 1995 г. № 2717 «О земле» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.01.2001 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004064 (20.10.2025).

6. Закон Республики Казахстан от 24 января 2001 г. № 152-II «О земле» (с изменениями, внесенными Законами РК от 10.07.01 г. № 227-II; от 24.12.01 г. № 276-II; от 08.01.03 г. № 375-II). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021552 (20.10.2025).

7. Земельный кодекс Республики Казахстан от 20 июня 2003 г. № 442-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1040583 (20.10.2025).

8. Начало земельных реформ. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6776> (21.10.2025).

9. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Land tenure and agricultural land markets in Kazakhstan: analysis, challenges and policy recommendations. Budapest, 2025. 78 p. (TCP/KAZ/3802 project report). URL: <https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cd4921en> (22.10.2025).

10. Механизмы регулирования земельных вопросов рассмотрели на заседании республиканской профильной комиссии в новом формате. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/> (21.10.2025).

11. Земельные отношения. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-birzhan-sal/activities/4542> (21.10.2025).

12. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г.). URL: <https://online.zakon.kz/Document/> (22.10.2025).

13. Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 23 декабря 2014 г. № 160 «Об утверждении Правил ведения государственного земельного кадастра в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 22.12.2015 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36896534 (21.10.2025).

14. Приказ Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 17 января 2020 г. № 7 «Об утверждении Правил рационального использования земель сельскохозяйственного назначения и внесении изменений и дополнения в некоторые приказы Министра сельского хозяйства Республики Казахстан» (с изменениями по состоянию 01.06.2024 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36180912 (20.10.2025).

15. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 16 июля 2007 г. № 5 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с защитой права собственности на жилище» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.12.2024 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30114184 (20.10.2025).

16. Верховный суд Республики Казахстан. Анализ судебной практики рассмотрения административных исков по земельным спорам. Астана, 30 июня 2023 г. 26 с. URL: <https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/> (22.10.2025).

17. Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 г. № 350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264. (22.10.2025).

18. Приказ заместителя Премьер-Министра Республики Казахстан – Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 20 декабря 2018 г. № 518 «Об утверждении Правил организации и проведения конкурса по предоставлению права временного возмездного землепользования (аренды) для ведения крестьянского или фермерского хозяйства, сельскохозяйственного производства» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.09.2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34842102 (20.10.2025).

19. Чаплин Н. Ю. Основы правового регулирования земельных отношений в России и зарубежных странах. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 45–53.

20. Международное частное право: Иностранное законодательство. Сост. и научн. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут, 2000. С. 592– 601.

21. Суханов Е.А. Сравнительное исследование владения и собственности в английском и в германском праве. Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 96–107.

22. Крассов О.И. Право собственности на землю в странах Европы: монография. М., 2014. 520 с.
23. Анисимов А.П., Чаркин С.А. Объекты земельных правоотношений. Российская юстиция. 2012. № 2. С. 85-99.

References:

1. Aitmagambet A.K. Istoriya i perspektiva razvitiya zemelnyh otnosheniy. Vestnik nauki. 2023. T. 1. 12 (69). P. 16-26.
2. Zemelnyy kodeks Kazakhskoy SSR, 16.11.1990 № 332-XII). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000261 (20.10.2025).
3. Zakon Kazakhskoy Sovetskoj Sotsialisticheskoy Respubliki ot 28.06.1991 № 729-XII «O zemelnoy reforme v Kazakhskoy SSR». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000621 (20.10.2025).
4. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 22.06.1991 № 695-XII «O razgosudarstvlenii i privatizatsii» (s izmeneniyami, vnesennymi Zakonom RK ot 12.04.93 g. № 2118-XII; Ukazami Prezidenta RK ot 17.03.95 g. № 2135; ot 05.10.95 g. № 2489). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000581 (20.10.2025).
5. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan, imeyushchiy silu zakona, ot 22.12.1995 № 2717 «O zemle» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 23.01.2001 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004064 (20.10.2025).
6. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 24.12.2001 № 152-II «O zemle» (s izmeneniyami, vnesennymi Zakonom RK ot 10.07.01 g. № 227-II; ot 24.12.01 g. № 276-II; ot 08.01.03 g. № 375-II). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021552 (20.10.2025).
7. Zemelnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 20.06.2003 № 442-II (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.10.2025 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1040583 (20.10.2025).
8. Nachalo zemelnyh reform. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6776> (21.10.2025).
9. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Land tenure and agricultural land markets in Kazakhstan: analysis, challenges and policy recommendations. Budapest, 2025. 78 p. (TCP/KAZ/3802 project report). URL: <https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cd4921en> (22.10.2025).
10. Mekhanizmy regulirovaniya zemelnyh voprosov rassmotreli na zasedanii respublikanskoy profilnoy komissii v novom formate. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/> (21.10.2025).
11. Zemelnye otnosheniya. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-birzhan-sal/activities/4542> (21.10.2025).
12. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan (prinyata na respublikanskom referendume 15.03.2026). URL: <https://online.zakon.kz/Document/>. (21.10.2025).
13. Prikaz Ministra natsionalnoy ekonomiki Respubliki Kazakhstan ot 23.12.2014 № 160 «Ob utverzhenii Pravil vedeniya gosudarstvennogo zemelnogo kadastra v Respublike Kazakhstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 22.12.2015 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36896534 (20.10.2025).
14. Prikaz Ministra selskogo khozyaystva Respubliki Kazakhstan ot 17.01.2020 №7 «Ob utverzhenii Pravil ratsionalnogo ispolzovaniya zemel selskokhozyaystvennogo naznacheniya i vnesenii izmeneniy i dopolneniya v nekotorye prikazy Ministra selskogo khozyaystva Respubliki Kazakhstan» (s izmeneniyami po sostoyaniyu 01.06.2024 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36180912 (20.10.2025).
15. Normativnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 16.07.2007 № 5 «O nekotoryh voprosah razresheniya sporov, svyazannyh s zashchitoy prava sobstvennosti na zhilishche» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 25.12.2024 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30114184 (20.10.2025).
16. Verkhovnyy sud Respubliki Kazakhstan. Analiz sudebnoy praktiki rassmotreniya administrativnyh iskov po zemelnym sporam. Astana, 30.06.2023. 26 p. URL: <https://sud.gov.kz/sites/default/files/> (22.10.2025).

17. Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 29.06.2020 № 350-VI «Administrativnyy protsedurno-protsessualnyy kodeks Respubliki Kazakhstan» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.07.2025 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264 (20.10.2025).

18. Prikaz zamestitelya Premer-Ministra Respubliki Kazakhstan – Ministra selskogo khozyaystva Respubliki Kazakhstan ot 20.12.2018 № 518 «Ob utverzhdenii Pravil organizatsii i provedeniya konkursa po predostavleniyu prava vremennogo vozmездnogo zemlepolzovaniya (arendy) dlya vedeniya krestyanskogo ili fermerskogo khozyaystva, selskokhozyaystvennogo proizvodstva» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 14.09.2025 g.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34842102 (20.10.2025).

19. Chaplin N. Yu. Osnovy pravovogo regulirovaniya zemelnyh otnosheniy v Rossii i zarubezhnyh stranah // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. № 6. P. 45–53.

20. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Inostrannoe zakonodatelstvo. Ed. A.N. Zhiltsov, A.I. Muranov. M.: Statut, 2000. P. 592–601.

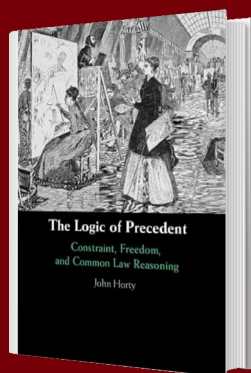
21. Sukhanov E.A. Sravnitel'noe issledovanie vladeniya i sobstvennosti v angliyskom i v germanskom prave. Vestnik grazhdanskogo prava. 2012. № 6. P. 96–107.

22. Krassov O.I. Pravo sobstvennosti na zemlyu v stranah Evropy: monografiya. M., 2014. 520 p.

23. Anisimov A.P., Charkin S.A. Obekty zemelnyh pravootnosheniy. Rossiyskaya yustitsiya. 2012. № 2. P. 85–99.

Для цитирования и библиографии: Мукашева А.А., Ибраев А.С. Проблемы защиты прав землевладельцев и землепользователей: отечественный и зарубежный опыт // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 77-92. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_77

Материал поступил в редакцию 29.05.2026

НОВЫЕ КНИГИ

John Harty. The Logic of Precedent: Constraint, Freedom, and Common Law Reasoning. Publ. Cambridge University Press. 2025. – 276 p.

ISBN-13 978-1009356503

Unlike statutory law, which relies on the explicit formulation of rules, common law is thought to emerge from a complex doctrine of precedential constraint, according to which decisions in earlier cases constrain later courts while still allowing these courts the freedom to address new situations in creative ways. Although this doctrine is applied by legal practitioners on a daily basis, it has proved to be considerably more difficult to develop an adequate theoretical account of the doctrine itself. Drawing on recent work in legal theory, as well as AI and law, this book develops a new account of precedential constraint and the balance achieved in the common law between constraint and freedom. This account, which involves construction of a group priority ordering among reasons, is then applied to other topics including the semantics of open-textured predicates and the practice of making exceptions to general rules.

ISSUES OF RECOGNITION MIGRANT WORKERS' SOCIAL VULNERABILITY FOR ENSURING RIGHT TO HEALTHCARE IN THE CENTRAL ASIAN REGION

M.N. TAZHIYEVA, Senior Lecturer, Department of Law and International Relations, Kazakh-American Free University (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan), e-mail: tazhieva.marzhan@yandex.ru

A.S. MYTALYAPOVA, PhD in Law, Associate Professor, Department of Law and International Relations, Kazakh-American Free University (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan), e-mail: ojan-12@mail.ru

The relevance of this topic stems from the need to develop migration and regulatory legislation in the fields of healthcare and social security due to changes in migration patterns within the country and the Central Asian region.

The subject of this study is the sphere of public relations related to the reception of migrant workers from foreign countries and their integration into key sectors of the national economy.

The aim of this study is to examine the issue of social vulnerability among migrant workers in the context of realizing the right to health protection in the Republic of Kazakhstan.

The research methods are based on theoretical and methodological analysis, a legal framework approach, a review of scientific studies and informational materials from international organizations, as well as the use of statistical data.

The novelty of the study lies in conceptualizing the notion of social vulnerability of migrant workers through the lens of recognizing their right to health protection, conducting a detailed analysis of national and regional legal regulations governing the coverage of migrants by health care services, and identifying shortcomings. The main *conclusions* are that access to healthcare for migrant workers depends on their migration status, the nature of their employment and the regional regulations in force. This may act as a structural factor contributing to social vulnerability for certain categories of migrants.

Keywords: labor migrants, social vulnerability, right to health, access to medical care, migrants' rights, Kazakhstan, Central Asia.

Introduction

The term "labour migration" refers to the movement of people to another country for the employment purposes. Such migration occurs predominantly from less industrialised countries to economically developed countries. Labour migration is defined as the movement of citizens abroad for the purpose of obtaining paid employment under a contract in a country of which they are not nationals [1]. Labour migration in Central Asian countries is driven by differences in wage levels between countries [2].

According to researchers, an analysis of the advantages and disadvantages of labour migration shows that its benefits include migrants filling shortages of low-cost labour in receiving countries and sending their earnings back to their countries of origin [3]. Among the disadvantages identified are problems of assimilation, xenophobia, inadequate housing conditions, illegal activities, radicalisation and involvement in crime [4]. Unfortunately, the provision of healthcare to migrant workers is not identified as a problem in this list, indicating a lack of attention to this important issue in the academic literature.

Central Asia is characterised by high levels of migration, with Tajikistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan being the main countries of origin for migrants. Until recently, Kazakhstan was a transit country for migrant workers, but it has increasingly become an important destination for migrants. According to the

Kazakhstani news agency Inform.kz [5], as of 1 April 2025, 13,891 migrant workers were employed in the country. Among those formally employed (i.e. with permits issued by local executive authorities), 1,023 were classified as skilled workers. In addition, 1,709 people were employed in seasonal work and 3,609 through intra-corporate transfers. By type of economic activity, the largest numbers of workers are employed in sectors such as construction, agriculture, forestry and fisheries, as well as mining, manufacturing and mineral extraction.

Kyrgyzstan is predominantly a country of emigration, and the number of its citizens living abroad increased by 48 per cent between 1990 and 2020. Although permanent migration is less common, temporary labour migration from the Kyrgyz Republic are significant. Tajikistan and Uzbekistan are among the countries most dependent on remittances, making their economies particularly vulnerable to external shocks. The number of Tajik migrant workers in 2023 was 652,014, compared with 775,678 in 2020. More than 96% migrated to Russia, while 18,418 migrated to Kazakhstan [6].

Following the dissolution of the USSR, labour migration began to play a key role in Uzbekistan's economy. More than 2.5 million Uzbeks are engaged in permanent labour migration abroad. Uzbekistan has now become a country of origin of migrant workers, while their remittances play an important role in improving living standards. Large-scale migration reduces pressure on the domestic labour market and contributes to improving the welfare of significant groups of the population [7]. As can be seen, Kazakhstan is the only Central Asian country receiving migrant workers. This article focuses on healthcare issues affecting migrant workers in Kazakhstan.

The contemporary global nature of the world economy has contributed to increased labour mobility, giving people access to broader economic opportunities through labour migration. Murphy notes that, despite these developments, people who migrate in search of employment continue to face a range of social, humanitarian and economic problems, indicating the particular vulnerability of this category of workers [8]. Established research on the status, rights and opportunities of migrants in receiving countries emphasizes that their experience of living in the receiving society is primarily shaped by the vulnerability inherent in migrant workers, which is associated with personal characteristics such as age, sex, ethnicity, nationality, religion, language, sexual orientation or gender identity, as well as migration status. Thus, as La Spina notes, a migrant leaving the country of origin already carries a set of vulnerability factors rooted in individual characteristics, which may be further exacerbated during residence in the receiving country [9]. As Freedland notes, the migration status of workers in a foreign state may deprive them of effective protection of labour rights, particularly in the case of seasonal workers [10]. The vulnerability of migrant workers is closely associated with serious forms of rights violations in some receiving countries, as the authors demonstrate. Research emphasizes that the legal regulation of migrant workers' status may itself create conditions in which migrants are subjected to "super-exploitation", becoming completely dependent on their employer and operating within broader structural frameworks that reinforce such dependence. As Fudge and her colleagues argue, in such circumstances the law does not function as a protective mechanism but, on the contrary, exacerbates the vulnerability of migrant workers [11].

In examining the vulnerability of migrant workers arising from social deprivation, Loganathan and colleagues note that many migrant-receiving countries lack a consistent national policy towards this group of workers. Even where such policies exist, they are often applied only to migrants with regular status, while excluding undocumented migrants or those whose applications for residence and work permits are still pending [12]. Meanwhile, Wendy E. Parmet argues that immigration policy and law are important determinants of health and, in some countries, systematically prevent migrants from realising their right to healthcare and health protection. Immigration laws, regulatory frameworks and visa restrictions create a hierarchy of access to healthcare. In other words, the scope of healthcare available to a migrant depends on the category to which that person is assigned. Undocumented migrants, migrants with pending applications and temporary migrant workers have the least access. Such exclusion weakens the healthcare system as a whole, since restricting migrants' access to healthcare may contribute to the spread of infectious diseases and place additional pressure on healthcare institutions, ultimately increasing social costs [13].

One of the key mechanisms for integrating migrant workers into the healthcare system is their inclusion in social health insurance. However, as Helena Legido-Quigley and colleagues argue, even

where health insurance systems exist, migrant coverage is possible only where migrants have the appropriate legal status allowing them to make regular and timely contributions [14]. Other categories of migrant workers are forced to rely on their own financial resources, which in most cases makes it difficult to cover the high costs of healthcare services, thereby creating significant economic barriers to accessing healthcare. The same study concludes that although migrant workers are recruited into key sectors of the economy, such as construction, agriculture and domestic services, they remain insufficiently integrated into healthcare systems, creating structural injustice. The authors also reach the legal and policy conclusion that a national healthcare system that excludes certain categories of migrant workers cannot be considered universal and, moreover, violates principles of international law reflected in documents of the World Health Organization (WHO), the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR), and relevant Council of Europe standards.

In the domestic academic literature, the vulnerability of international migrant workers has received very limited attention. Existing studies by scholars from Central Asian countries predominantly examine labour migration in the region through the challenges and opportunities that may affect the socio-economic development of these countries [15].

Thus, the absence of comprehensive research on migrant vulnerability and recognition of their right to health in Kazakhstan highlights the need for further research into the relationship between the legal conditions governing the realisation of migrant workers' right to health and their social vulnerability. It is necessary to establish how migration status, the nature of employment and the applicable regional legal regime may operate as structural factors of vulnerability and affect the realisation of migrant workers' right to health. The purpose of this study is to examine the legal conditions governing the realisation of migrant workers' right to health in the Republic of Kazakhstan and to examine the significance of these conditions as structural factors of vulnerability. To achieve this purpose, the study addresses the following research questions:

To what extent can the legal conditions governing migrant workers' access to healthcare in Kazakhstan operate as a structural factor of their social vulnerability?

How do migration status, the nature of employment and the applicable regional legal regime affect the scope of healthcare entitlements available to migrant workers?

Materials and Methods

As part of this study, a theoretical and methodological analysis of academic literature and informational materials produced by international organisations was conducted to determine the meaning of the concept of "migrant social vulnerability". To conceptualise the social vulnerability of migrant workers in the context of the right to health, documents of the International Organization for Migration (IOM), the International Labour Organization (ILO), and international human rights standards were examined.

A legal analysis was conducted to examine in detail the legal status of migrants in relation to the right to health under Kazakhstan's legislation and regional legal instruments, which made it possible to determine the scope of healthcare entitlements available to migrant workers. The scope of these entitlements was examined in relation to three legally significant factors: the migrant worker's migration status, the nature of their employment, and the applicable regional legal regime. The analysis considered how these factors affect access to a minimum scope of healthcare and the possibility of including migrant workers in mechanisms providing broader healthcare coverage.

Results and Discussion

Determinants of the social vulnerability of migrant workers and their relationship with the right to health

Migrants' circumstances are influenced by numerous risk factors that may create or exacerbate their vulnerability. The IOM identifies different categories of risk factors and divides them into four main groups: individual factors, household and family factors, community factors, and structural factors. Depending on the context, risk factors at different levels may affect migrants in different ways. Different risk factors may intersect or coexist. Risks may arise at the point of origin, during the journey and in the country of destination. Since this study examines the situation of migrant workers in the context of Kazakhstan as a

receiving state, it focuses on structural factors of vulnerability. These encompass interrelated legal, administrative, social, economic and healthcare-related barriers in the country of destination. Structural factors also include economic and social conditions and environmental conditions at the national, regional and international levels. Structural factors are relatively stable and may have both immediate and long-term effects on migrants and members of their families. At the structural level, risk factors that may adversely affect migrants also include marginalisation and discrimination, conflict and instability, poor governance, the absence of accountability mechanisms and weak rule of law. Existing risks may create or exacerbate the vulnerability of migrant workers, which the Organisation defines as the limited capacity of migrants to avoid, resist, cope with or recover from violence, exploitation and abuse [16].

Upon arrival in a destination country, migrants may, in addition to the factors mentioned above, encounter administrative and social risks such as lack of knowledge of the local language, xenophobia and difficulties integrating into the receiving society. Migrant workers may also encounter unscrupulous employers. Migrants without regular status may experience particular vulnerability in such circumstances because, even where they are entitled to social services, they often refrain from accessing them for fear of being identified. Such migrants face the risk of immigration enforcement, including removal from the country. This threat may create conditions for further vulnerability associated with manipulation and exploitation by those who may threaten to report them to the authorities [17]. Upon arrival at the destination, inhumane reception conditions, the absence of separation between social support and immigration enforcement, and denial of humanitarian assistance increase risks to migrants' health and safety and undermine their human rights [18]. Thus, migrant vulnerability is not an inherent characteristic of migrants but is associated with the circumstances in which they find themselves throughout the migration process; upon arrival in the destination country, legal and administrative conditions determine their ability to exercise their rights. This is also reflected in the *Principles and Guidelines on the Human Rights Protection of Migrants in Vulnerable Situations* of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, which draw on international human rights instruments according to which human rights are universal, inalienable, indivisible and interdependent. By treating vulnerability as a central element of the human rights framework, the document regards the state as the primary duty-bearer responsible for respecting, protecting and fulfilling human rights, including those of migrants. International migrants in vulnerable situations are understood as persons who are unable effectively to enjoy their human rights, are at increased risk of violations and abuse and, consequently, are entitled to call on a duty-bearer's heightened duty of care [19].

Where migration status, the nature of employment or participation in a particular healthcare coverage mechanism restricts access to healthcare, this may particularly exacerbate the social vulnerability of a migrant worker. In such circumstances, the legal conditions governing access to healthcare services become one of the structural factors that may increase vulnerability [19].

The right to health is one of the fundamental human rights. The Universal Declaration of Human Rights [20], the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR) [21], and other international human rights standards recognise everyone's right to the highest attainable standard of health and to access healthcare as fundamental rights. General Comment No. 14 of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights states that States are required to respect the right to health and ensure equal access to healthcare services without discrimination [22]. Migrants' vulnerability may be exacerbated where this right is not respected. Where a migrant's health deteriorates and they are unable to obtain emergency or planned healthcare through the national social protection and healthcare system on the same basis as citizens, the financial burden increases, requiring the migrant worker to pay for healthcare services out of pocket. In such circumstances, as studies indicate, many migrant workers resort to self-treatment, seek assistance from compatriots, use traditional medicine or postpone seeking healthcare until they return to their country of origin, which may have adverse consequences for their health. Migrants without regular residence status are often among those who find themselves in such vulnerable circumstances [23].

The ILO and other international institutions concerned with labour relations and international migration have repeatedly emphasised the need to expand migrant workers' access to healthcare services. According to sociological studies conducted by the IOM among migrant workers from Central Asia,

limited access to healthcare services arises from a range of economic, informational, administrative and legal barriers [23]. This study focuses on legal factors related to migration status, the nature of employment and mechanisms of healthcare coverage. The universality of the right to health does not mean literally identical access to healthcare services for all categories of persons. However, the legal conditions determining the scope of available healthcare services may play an important role in exacerbating the social vulnerability of migrant workers.

Legal conditions for ensuring migrant workers' right to health in Kazakhstan and at the regional level

In Kazakhstan, the right to health is one of the important matters regulated at the constitutional level in accordance with the international human rights framework [24]. Under the 1995 Constitution, citizens of Kazakhstan were guaranteed the right to health and were entitled to receive the guaranteed volume of free medical care, as well as paid medical care in public and private healthcare institutions and from persons engaged in private medical practice [25].

Article 32(1) of the new Constitution, adopted on 15 March 2026, similarly to the 1995 Constitution, provides that citizens of the Republic of Kazakhstan have the right to health [26].

However, paragraph 2 of this Article differs substantially from the corresponding provision of the 1995 Constitution and provides that citizens of the Republic of Kazakhstan are entitled to receive medical care, as established by law, without paying for it themselves. Accordingly, the guaranteed volume of free medical care (GAFMC), which the Code of 7 July 2020 On Public Health and the Healthcare System defines as "the volume of medical care provided from budgetary funds", is no longer expressly established as a constitutional category [27].

At the same time, foreign nationals and stateless persons temporarily staying in the Republic of Kazakhstan, as well as asylum seekers, are entitled to GAFMC for diseases posing a danger to others, according to the list and within the scope determined by the authorised body, unless otherwise provided by the laws of the Republic of Kazakhstan or international treaties ratified by the Republic of Kazakhstan [27].

Kandas (ethnic Kazakhs who have arrived from abroad), refugees, as well as foreign nationals and stateless persons permanently residing in the Republic of Kazakhstan, are entitled to GAFMC on the same basis as citizens of the Republic of Kazakhstan [27]. Thus, the legislation establishes different scopes of GAFMC for foreign nationals depending on their legal status. Under the Code, a limited scope of GAFMC applies to persons temporarily staying in the Republic of Kazakhstan and asylum seekers. Therefore, residence status affects the scope of healthcare entitlements, with different scopes provided for permanently and temporarily residing foreign nationals.

The provision of GAFMC and paid medical care is regulated by law, while the Constitution does not specify mechanisms for implementing these provisions in relation to non-residents. As noted above, an important legislative act governing the exercise of rights in the field of healthcare is the 2020 Code of the Republic of Kazakhstan On Public Health and the Healthcare System, which entitles temporarily staying foreign nationals, along with stateless persons and asylum seekers, to GAFMC for diseases posing a danger to others, while the list of diseases and the scope of care are determined by the Ministry of Health [27]. The list [28] predominantly covers infectious diseases and does not constitute comprehensive healthcare coverage. A broader scope of healthcare entitlements is available through the inclusion of migrants in other coverage mechanisms. The Social Code of the Republic of Kazakhstan establishes the principles of equality and non-restriction of human and civil rights in the field of social protection, together with the principle of shared responsibility of the State, employers and citizens for financing various social guarantees [29]. The Law On Compulsory Social Health Insurance (CSHI) provides that persons for whom contributions have been made to the Social Health Insurance Fund are entitled to healthcare within the compulsory social health insurance system [30]. CSHI is a mechanism through which formally employed migrant workers may obtain broader healthcare entitlements; however, the nature of employment is not the only condition for inclusion in this system. The possibility of inclusion also depends on legal status and the applicable regional legal regime.

The Code provides for imputed medical insurance (IMI) for foreign nationals temporarily staying in

the Republic of Kazakhstan. This type of insurance covers primary healthcare and specialised inpatient medical care in emergency situations where the health of a foreign national deteriorates (Article 201-1 of the Health Code) [27]. Under the Law On Migration of the Population, obtaining medical insurance is a condition of entry into the country for migrant workers (Article 35 of the Law On Migration of the Population) [31]. The scope of services provided under IMI is not equivalent to that provided under CSHI, as IMI constitutes an independent coverage mechanism for a particular category of migrant workers.

For the further analysis of the issue, it is important to distinguish between migration status and the nature of employment. Irregular migration status refers to a person's stay in the territory of a state without complying with migration requirements, whereas informal employment refers to employment relationships that have not been formalised in accordance with the procedure established by law. These characteristics may overlap but are not identical.

Since the dissolution of the Soviet Union and the emergence of sovereign states with clearly defined national borders, foundations of regional migration law have been developed in Central Asia and among the CIS Member States. However, issues relating to social protection, the provision of healthcare to migrant workers, and the rights and needs of undocumented migrants have not developed systematically. The 1994 CIS Agreement on labour migration places responsibility for migrant workers' healthcare on the employer in the state of employment on the same basis as for its citizens [32], rather than on the State. Thus, within the scope of this Agreement, formal employment is important not only for the foreign national's employment status but also as a condition for financing healthcare. Under the conceptual framework adopted in this study, foreign nationals who are actually engaged in employment but remain outside formalised employment relationships fall outside this financing mechanism because the mechanism of healthcare protection depends on the existence of formally established employment relationships. Unregistered workers therefore remain without potential access to healthcare services through this mechanism.

Kazakhstan has ratified the Convention on the Legal Status of Migrant Workers and Members of Their Families of the Member States of the Commonwealth of Independent States (CIS) of 14 November 2008. All Central Asian countries are CIS Member States. Under this Convention, a "migrant worker" is a person who is a citizen of one Party, or a stateless person permanently residing in the territory of one Party, who lawfully stays and lawfully engages in paid employment in the territory of another Party of which that person is not a citizen and in which that person does not permanently reside [33]. Article 7 of the Convention sets out the principal rights of migrant workers, including the rights to life, liberty and personal security; to marry; to protection of lawfully owned private property; to education; to access and participate in cultural life; and to social security (social insurance), except pensions. It also provides migrant workers with the right to receive emergency medical care free of charge and other medical care on a paid basis [33]. This means that the Convention establishes a regional minimum of the right to health that is provided irrespective of the national healthcare financing model. The Convention distinguishes between social insurance and the right to medical care, confirming that medical care is not limited to participation in a social or health insurance system. The absence of a migrant worker from the health insurance system of the receiving state cannot in itself constitute a basis for complete exclusion from medical protection. Moreover, paragraph 3 of the same Article recognises the legal personality of migrant workers and members of their families in the territory of the receiving state [33]. The Convention establishes a certain scope of entitlements for nationals of the relevant states parties who lawfully stay and lawfully engage in paid employment. This means that the applicability of its rules depends on the lawfulness of the foreign national's stay. In other words, actual engagement in employment is not sufficient: the relevant residence and employment status is required in order to obtain the specified scope of services.

Of particular interest in the context of the present study is Article 17 of the Convention, which provides that the Parties shall cooperate in the field of health insurance for migrant workers [33]. The Parties recognise health insurance for migrant workers as a permissible and promising means of providing healthcare services. The provision directs the Parties towards developing cooperation and creates a basis for including migrant workers in national social health insurance schemes while preserving the minimum access to services specified in Article 7 of the Convention.

Under the Treaty on the Eurasian Economic Union (EAEU), social security includes compulsory insurance against temporary incapacity for work or the risk thereof in connection with maternity, compulsory insurance against occupational accidents and occupational diseases, and compulsory health insurance [34]. This means that workers from one EAEU Member States in the territory of another Member State enjoy equal rights with citizens subject to compliance with national requirements. To receive planned healthcare in Kazakhstan on the same basis as citizens, a worker must be formally employed, have the required contributions made by the employer and have insured status. Annex 30 to the Treaty establishes a special regime for workers from Member States. Emergency medical care is provided free of charge regardless of insurance status, while planned care is available through formal employment and participation in CSHI [34]. This is one of the distinctive features arising from the Treaty.

Social security and the right to medical care referred to in Article 98 of the Treaty are governed by different provisions. According to the interpretation provided by the EAEU Court, social health insurance is a means of the financial and organisational provision of medical care and does not itself constitute medical care. Therefore, inclusion in an insurance system is not required in order to receive emergency medical care. Other medical care is governed by the legislation of the receiving EAEU Member State and applicable regional agreements. This treaty-based legal regime applies only to workers arriving from EAEU Member States and does not cover foreign nationals outside this legal status. Thus, within Central Asia, this regime applies to Kazakhstan and Kyrgyzstan because they are the Member States of the Union in the region. Workers from Uzbekistan and Tajikistan do not have access to CSHI on this basis. The applicable regional regime therefore becomes a factor differentiating the provision of healthcare entitlements to migrant workers depending on their country of origin.

Under the conceptualisation of the structural vulnerability of migrant workers adopted in this study, what matters is not the foreign worker's health insurance status or the mere absence of insurance coverage as such, but the legal conditions that determine the possibility of obtaining a broader scope of healthcare entitlements. Where access to broader healthcare coverage depends on migration status, the nature of employment and the applicable regional treaty regime, these criteria may operate as factors that exacerbate the vulnerability of foreign workers.

Thus, the applicable regional legal regime determines not only access to guaranteed healthcare but also whether a migrant has the possibility of being included in a system providing broader healthcare coverage. In the context of the issue examined in this study, this is significant because differences in the legal conditions governing access to healthcare mechanisms create different levels of medical protection. The applicable regional treaty regime may therefore operate as a structural factor capable of exacerbating the vulnerability of migrant workers who do not have access to mechanisms providing broader coverage.

Conclusion

The study sought to operationalise and conceptualise the social vulnerability of migrant workers in the context of the provision of their right to health, an approach that has not previously been undertaken in academic discourse in Kazakhstan. The study moves beyond an abstract understanding of social vulnerability by considering specific causes in the form of structural risks arising in the receiving state. In doing so, it demonstrates that vulnerability is not an immanent characteristic of a migrant worker but a condition that develops as a result of the need to overcome numerous legal, administrative and social barriers in exercising fundamental rights. In the context of the right to health, legal conditions acquire particular importance because they determine the scope of healthcare entitlements available to migrants and their ability to access a broader range of healthcare services.

The analysis of national legislation and regional international agreements demonstrates that the level of migrants' healthcare coverage does not depend on a single legal condition. A combination of legally significant factors operates at the national and regional levels. Migration status determines the scope of healthcare entitlements available to different categories of foreign nationals. The formalisation of employment relationships provides access to certain schemes offering a broader range of healthcare services. The applicable legal regime within the region further differentiates the opportunities available to migrant workers, as the CIS and EAEU regimes provide certain healthcare entitlements and coverage mechanisms for workers who meet the prescribed conditions. At the same time, the provision of medical

care and the inclusion of a foreign worker in a health insurance system are governed by separate legal provisions.

Migration status, the nature of employment and the applicable regional legal regime cannot in themselves be regarded as causes of social vulnerability. These factors create different levels of healthcare coverage through the legal conditions established by legislation. Legal differentiation in access to healthcare entitlements and mechanisms providing broader coverage may be regarded as a structural factor capable of increasing the social vulnerability of migrant workers who are unable to meet the conditions for inclusion in such mechanisms. However, limitations in coverage do not mean a complete absence of healthcare provision, since the minimum scope of healthcare entitlements and the mechanisms for providing a broader scope of healthcare must be considered separately.

The study provides a basis for further consideration of ways to reduce structural barriers to the realisation of migrant workers' right to health. This includes considering ways to preserve a guaranteed minimum scope of healthcare services for migrant workers, examining pathways for migrant workers employed outside formal employment relationships to participate in health insurance mechanisms without formalising their employment relationships, and strengthening cooperation with countries of origin within the region. Such measures could contribute to bringing Kazakhstan's healthcare system closer to international human rights standards, advancing universal health coverage, strengthening public health and reducing the social vulnerability of migrant workers employed in key sectors of the economy.

М.Н. Тажиева, аға оқытушы, Құқық және халықаралық қатынастар кафедрасы, Қазақстан-Американ Еркін Университеті (Қазақстан Республикасы, Өскемен қ.); А.Ш. Муталыпова, з.ғ.к., қауымдастырылған профессор, Құқық және халықаралық қатынастар кафедрасы, Қазақстан-Американ Еркін Университеті (Қазақстан Республикасы, Өскемен қ.): Орталық Азия аймағында еңбек мигранттарының денсаулық сақтау құқығын қамтамасыз ету үшін олардың әлеуметтік әлсіздігін тану мәселелері.

Осы тақырыптың өзектілігі ел ішіндегі және Орталық Азия аймағындағы миграциялық үрдістердің өзгеруіне байланысты миграцияны, денсаулық сақтау мен әлеуметтік қамсыздандыруды реттейтін заңнаманы дамыту қажеттілігінен туындайды.

Зерттеу объектісі – шетелдік мигрант жұмысшыларды қабылдау және оларды ұлттық экономиканың негізгі салаларына интеграциялауға қатысты қоғамдық қатынастар саласы. Осы зерттеудің мақсаты – Қазақстанда денсаулықты қорғау құқығын жүзеге асыру контекстінде мигрант жұмысшылардың әлеуметтік осалдық мәселесін зерттеу.

Зерттеу әдістері теориялық және әдіснамалық талдауға, нормативтік-құқықтық тәсілге, академиялық зерттеулер мен халықаралық ұйымдардың ақпараттық материалдарын шолуға, сондай-ақ статистикалық деректерді пайдалануға негізделген.

Зерттеудің жаңалығы – мигрант жұмысшылардың әлеуметтік осалдық ұғымын олардың денсаулықты қорғау құқығын тану тұрғысынан тұжырымдауда және мигранттардың медициналық қызметтерге қолжетімділігін ұлттық және өңірлік деңгейде құқықтық реттеуді егжей-тегжейлі талдап, олқылықтарды анықтауда. Негізгі қорытындылар мигрант жұмысшылардың медициналық қызметке қолжетімділігі олардың миграциялық мәртебесіне, жұмыс сипатына және қолданыстағы өңірлік реттеулерге байланыстылығын көрсетеді. Бұл белгілі бір мигрант топтарының әлеуметтік осалдығына ықпал ететін құрылымдық фактор болуы мүмкін.

Түйінді сөздер: еңбек мигранттары, әлеуметтік осалдық, денсаулыққа құқық, медициналық қызметке қолжетімділік, мигранттардың құқықтары, Қазақстан, Орталық Азия.

М.Н. Тажиева, старший преподаватель кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского Свободного университета (Республика Казахстан, Усть-Каменогорск); А.Ш. Муталыпова, к.ю.н., ассоциированный профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского Свободного университета (Республика Казахстан, Усть-Каменогорск): Проблемы признания социальной уязвимости трудящихся-мигрантов в целях обеспечения права на медицинскую помощь в регионе Центральной Азии.

Актуальность темы связана с необходимостью развития миграционного и регулирующего сферы здравоохранения и социального обеспечения законодательства по причине изменений миграционных паттернов в государстве и регионе Центральной Азии.

Объектом исследования является сфера общественных отношений, связанная с приемом трудовых мигрантов из зарубежных государств и привлечения их в ключевые сферы национальной экономики.

Цель работы состоит в изучении вопроса социальной уязвимости трудящихся-мигрантов в контексте реализации права на охрану здоровья в Республике Казахстан.

Методы исследования основаны на теоретико-методологическом анализе, нормативно-правовом подходе, изучении научных исследований и информационных материалов международных организаций.

Новизна исследования заключается в концептуализации понятия социальная уязвимость трудовых мигрантов через призму признания их права на охрану здоровья и детальном анализе национального и регионального правового регулирования охвата мигрантов услугами здравоохранения и выявлении несовершенств. Основные *выводы* сводятся к тому, что обеспечение охвата трудовых мигрантов здравоохранением зависит от миграционного статуса, характера трудовой деятельности и применяемого регионального режима. Это может выступать структурным фактором социальной уязвимости для некоторых категорий мигрантов.

Ключевые слова: трудовые мигранты; социальная уязвимость, право на охрану здоровья, доступ к медицинской помощи, права мигрантов, Казахстан, Центральная Азия.

References:

1. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families: adopted by UN General Assembly Resolution 45/158 of 18 December 1990. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers> (03.10.2025).
2. Kuldashova Z. Labor migration in Central Asia: issues, impacts, and strategic solutions. Medzinárodné vzťahy. Slovak Journal of International Relations. 2024. Vol. 22. No. 2. Pp. 162–182. DOI: <https://doi.org/10.53465/SJIR.1339-2751.2024.2.162-182> (05.10.2025).
3. Ciuciu M.M. Advantages and disadvantages of labor migration. The Annals of the University of Oradea. Economic Sciences. 2018. Vol. 27. No. 1. Pp. 38–46. URL: <https://anale.steconomieuoradea.ro/volume/2018/n1/3.pdf> (05.10.2025).
4. Tanaka Y., Cranford C.J. Navigating cumulative disadvantages of migration, care, and employment regimes: dependent immigrants in Canada. Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2025. Vol. 32. Issue 3. Pp. 459–484. URL: <https://doi.org/10.1093/sp/jxae024> (05.10.2025).
5. Bol'shinstvo trudovykh migrantov priezzhayut v Kazahstan iz Kitaya [Most migrant workers come to Kazakhstan from China]. Inform.kz. 2025. 22 April. URL: <https://www.inform.kz/ru/bolshinstvo-trudovykh-migrantov-priezzhayut-v-kazahstan-iz-kitaya-de9196> (05.10.2025). (In Russ.).
6. Respublika Tadzhiqistan [Republic of Tajikistan]. URL: <https://www.pragueprocess.eu/ru/countries/915-respublika-tadzikistan> (07.10.2025). (In Russ.).
7. Nasyrova L. Modern issues affecting changes in the labour migration process in Uzbekistan. Scientific Research and Innovation in Industry 4.0. 2022. Vol. 1. No. 1. Pp. 130–132. URL: <https://doi.org/10.47689/4.v1i1.3520> (07.10.2025).
8. Murphy C. The enduring vulnerability of migrant domestic workers in Europe. International & Comparative Law Quarterly. 2013. Vol. 62. Issue 3. Pp. 599–627. URL: <https://doi.org/10.1017/S0020589313000195> (05.10.2025).
9. La Spina E. Migrant vulnerability or asylum seeker/refugee vulnerability? More than complex categories. Oñati Socio-Legal Series. 2021. Vol. 11. Issue 6(S). Pp. S82–S115. URL: <https://doi.org/10.35295/OSLS.IISL/0000-0000-0000-1225> (05.10.2025).
10. Freedland M. Migrants at Work and the Division of Labour Law. In: Costello C., Freedland M. (eds.). Migrants at Work: Immigration and Vulnerability in Labour Law. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 1–26. URL: <https://academic.oup.com/book/8559/chapter/154436906> (05.10.2025).

11. Fudge J., Strauss K. Migrants, Unfree Labour, and the Legal Construction of Domestic Servitude: Migrant Domestic Workers in the United Kingdom. In: Kotiswaran P. (ed.). *Revisiting the Law and Governance of Trafficking, Forced Labor and Modern Slavery*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. Pp. 524–555. URL: <https://doi.org/10.1017/9781316675809.019> (05.10.2025).
12. Loganathan T., Rui D., Pocock N.S. Healthcare for migrant workers in destination countries: a comparative qualitative study of China and Malaysia. *BMJ Open*. 2020. Vol. 10. No. 12. e039800. URL: <https://bmjopen.bmj.com/content/10/12/e039800> (05.10.2025).
13. Parmet W.E. Immigration Law as a Social Determinant of Health. *Temple Law Review*. 2020. Vol. 92. No. 4. Pp. 931–952. URL: <https://phlr.temple.edu/publications/immigration-law-social-determinant-health> (05.10.2025).
14. Legido-Quigley H., Pocock N., Tan S.T., Pajin L., Suphanchaimat R., Wickramage K., McKee M., Pottie K. Healthcare is not universal if undocumented migrants are excluded // *BMJ*. 2019. Vol. 366. Article l4160. URL: <https://doi.org/10.1136/bmj.l4160> (05.10.2025).
15. Салимов Ф.Н. Вызовы и возможности, связанные с миграцией для Центральной Азии. *Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право*. 2024. Т. 3. № 1. С. 86–96. URL: <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/1462> (09.10.2025).
16. *Handbook for Migrants Vulnerable to Violence, Exploitation and Abuse on Protection and Assistance*. Geneva: International Organization for Migration, 2019. URL: <https://publications.iom.int/books/handbook-migrants-vulnerable-violence-exploitation-and-abuse-protection-and> (12.05.2026).
17. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the Protection of the Human Rights of Migrants in Vulnerable Situations (A/HRC/34/31). Geneva: United Nations, 2017. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g17/007/68/pdf/g1700768.pdf> (12.05.2026).
18. Global Migration Group. *Principles and Guidelines, Supported by Practical Guidance, on the Human Rights Protection of Migrants in Vulnerable Situations*. Geneva: United Nations, 2018. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/tools-and-resources/principles-and-guidelines-human-rights-protection-migrants-vulnerable> (12.05.2026).
19. *Extending Social Protection to Migrant Workers, Refugees and Their Families: A Guide for Policymakers and Practitioners*. Geneva: International Labour Organization, 2021. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_protect/@protrav/@migrant/documents/publication/wcms_826684.pdf (12.05.2026).
20. Universal Declaration of Human Rights. Adopted by UN General Assembly Resolution 217 A (III) of 10 December 1948. Art. 25. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (12.05.2026).
21. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted by UN General Assembly Resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966. Art. 12. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural> (12.05.2026).
22. General Comment No. 14: The Right to the Highest Attainable Standard of Health (Art. 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights). UN Doc. E/C.12/2000/4, adopted 11 August 2000. Para. 14. URL: <https://www.refworld.org/legal/general/cescr/2000/en/36991> (12.05.2026).
23. *Migrants' Right to Health in Central Asia: Challenges and Opportunities*. Almaty: International Organization for Migration, 2022. URL: <https://kazakhstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11586/> (12.05.2026).
24. Zhapparova A.S. Pravovye voprosy okazaniya psixiatricheskoi pomoshchi v Respublike Kazakhstan [Legal Issues in Rendering Mental Health Care in Kazakhstan]. *Pravo i gosudarstvo*. 2021. № 2 (91). Pp. 75–91. URL: https://doi.org/10.51634/2307-5201_2021_2_75 (12.05.2026). (In Russ.).
25. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan]: adopted on 30 August 1995. Art. 29. URL: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000> (12.05.2026).
26. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan]: adopted on 15 March 2026. Art. 32 (1). URL: <https://www.adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (12.05.2026).

27. Kodeks Respubliki Kazakhstan «O zdorov'e naroda i sisteme zdravookhraneniya» [Code on Public Health and the Healthcare System of the Republic of Kazakhstan]. No. 360-VI of 7 July 2020. URL: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K2000000360> (12.05.2026).

28. Prikaz Ministra zdravookhraneniya Respubliki Kazakhstan № QR DSM-121/2020 ot 9 oktyabrya 2020 goda [Order of the Minister of Health of the Republic of Kazakhstan No. QR DSM-121/2020 of 9 October 2020 "On Approval of the Rules for Medical Care for Foreigners and Stateless Persons Temporarily Staying in the Republic of Kazakhstan, as well as Asylum Seekers, Refugees, Kandas and Victims of Human Trafficking"]. Registered under No. 21407 on 12 October 2020. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021407> (12.05.2026). (In Russ.).

29. Sotsialnyi kodeks Respubliki Kazakhstan [Social Code of the Republic of Kazakhstan]. No. 224-VII of 20 April 2023. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224> (12.05.2026). (In Russ.).

30. Zakon Respubliki Kazakhstan «Ob obyazatel'nom sotsial'nom meditsinskom strakhovanii» [Law of the Republic of Kazakhstan "On Compulsory Social Health Insurance"]. No. 405-V of 16 November 2015. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000405> (12.05.2026). (In Russ.).

31. Zakon Respubliki Kazakhstan «O migratsii naseleniya» [Law of the Republic of Kazakhstan "On Migration of Population"]. No. 477-IV of 22 July 2011 (as amended on 22 July 2024). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (12.05.2026). (In Russ.).

32. Agreement on Cooperation in the Field of Labour Migration and Social Protection of Migrant Workers. Adopted on 15 April 1994. URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=26267> (13.04.2026).

33. Konventsiya o pravovom statuse trudyashchikhsya-migrantov i chlenov ikh semei gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv [Convention on the Legal Status of Migrant Workers and Members of Their Families of the Member States of the Commonwealth of Independent States]: adopted on 14 November 2008. URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=25890> (13.04.2026). (In Russ.).

34. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze [Treaty on the Eurasian Economic Union]: signed in Astana on 29 May 2014 (as amended on 24 June 2024). URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcms5vjrbo0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (12.05.2026). (In Russ.).

Для цитирования и библиографии: Tazhiyeva M.N., Mytalyapova A.S. Issues of Recognition Migrant Worker's Social Vulnerability for Ensuring Right to Healthcare in the Central Asian Region // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 93-103. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_93

Материал поступил в редакцию 08.09.2025

DOES LAW EXIST IDEALLY? LORENZ KAEHLER'S ONTOLOGY OF LAW REVISITED

A. DIDIKIN, Doctor in Philosophy, PhD in Law, Associate Professor, Higher School of Law, Maqsut Narikbayev University, Head of IVR Regional Branch in Central Asia (Astana, Republic of Kazakhstan), e-mail: a_didikin@kazguu.kz

The relevance of the topic of this paper is due to the insufficient study of Lorenz Kaehler's new legal theory of the ideal dimension of law in contemporary philosophy of law. The problem considered in the paper is the philosophical justification of the ontological ideality thesis, according to which legal norms exist as abstract propositional entities independent of any of their physical or institutional characteristics.

The subject of the research is the analysis of Kaehler's arguments distinguishing the claim to correctness thesis, legal ideality, and ontological ideality, together with his critique of Robert Alexy's discourse theoretical account of law's ideal dimension and his relation to Gustav Radbruch's formula on statutory lawlessness.

The purpose of the work is to theoretically reconstruct and critically assess Kaehler's ontological argument for the ideal dimension of law from the perspective of the legal positivism and other approaches in legal philosophy.

The novelty of the topic is due to the lack of critical studies in the modern scientific papers examining Kaehler's paper *What Is the Ideal Dimension of Law?* and the related debate initiated by Vitaly Ogleznev on the modal and epistemic status of ontologically ideal legal entities, as well as the need to rethink Kaehler's terminology of "ontological ideality" from a social fact based legal argumentation perspective.

The research methods used in the paper are those characteristic of analytical jurisprudence, including methods of logical and conceptual analysis, comparative legal analysis, and critical textual interpretation of primary philosophical sources.

The main conclusions of the paper are to reveal the key arguments of Kaehler's ontological ideality thesis and to demonstrate their limitations: it is argued that Kaehler's objections to the claim to correctness thesis are largely persuasive, but his positive ontological thesis, modelled on abstract objects such as numbers, Fregean thoughts, or Popper's "world 3" is not adequately supported by the examples he offers, and that these examples are better explained by a modest positivist account according to which law persists through copies, institutional memory, and interpretive communities rather than through an independent immaterial realm of propositional legal content.

Keywords: philosophy of law; legal positivism; ontological ideality; claim to correctness; legal interpretation; L. Kaehler, R. Alexy, G. Radbruch, V. Ogleznev.

Introduction

Lorenz Kaehler's argument, developed most fully in his paper *What Is the Ideal Dimension of Law?* published in *Ratio Juris* in 2024, offers an elegant defense of the ideal, propositional nature of law, but several of its central ideas are philosophically and methodologically controversial. The paper itself is broader than the ontological thesis discussed below. Kaehler distinguishes three independent senses in which law may be called "*ideal*": a moral ideal dimension, a legal ideal dimension internal to law itself, and an ontological ideal dimension concerning what kind of entity a legal norm is [1, pp. 210–213]. Our attempt of extended explanation the ontological thesis within this broader legal-philosophical context

that reconstructs Kaehler's supporting arguments in more detail, and sharpens the objections already advanced against it.

Materials and Methods

The paper uses research methods characteristic of analytical jurisprudence, including those related to the use of methods of logical and linguistic analysis, as well as special legal methods (formal legal method of interpretation of regulatory prescriptions and legal rules).

Main Provisions

Kaehler's Three Dimensions of Legal Ideality

Kaehler's paper is written as a direct response to Robert Alexy's long standing claim that law necessarily possesses an ideal dimension because it raises a "claim to correctness", a thesis most recently restated in Alexy's collection *Law's Ideal Dimension* [2]. Alexy's dual nature thesis holds that law combines a *real dimension* (defined by authoritative issuance and social efficacy) with an *ideal dimension* (defined by that claim to correctness), which he takes to include at minimum a claim to justice [2].

Kaehler challenges these arguments on the next reasons. He distinguishes four possible readings of the claim to correctness thesis: a *foundation thesis* (that the claim constitutes law's ideal dimension in all fundamental questions), a *capability thesis* (that law is even capable of raising such a claim, given that it is not a person able literally to perform a speech act), a *strong claim thesis* (that law claims full moral correctness), and a *weak claim thesis* (that law claims merely not to be extremely unjust) [1, pp. 214–222]. Against the foundation thesis Kaehler argues that law's ontological status (what kind of entity it is) is a more fundamental question than whether it raises any claim about itself, since the very possibility of "claiming" presupposes that law belongs to a category of entities capable of containing propositional claims at all. Against the strong claim thesis he constructs another example: a constitution whose preamble openly states, "as fallible human beings, we know that this constitution is not perfectly just, but it is the best we could agree on" which would not thereby collapse into "power relations" [1, p. 219]. Against the weak claim thesis he argues that distinguishing "extreme" from "ordinary" injustice is itself a sophisticated theoretical achievement, one that took Radbruch a lifetime to formulate [3] and cannot be assumed to be implicit in every legal system whatsoever [1, pp. 220–223]. But after explaining the claim to correctness thesis Kaehler turns to what he regards as the more defensible ground for calling law "ideal": its ontological nature.

On Propositional Content of Law

The argument says that because law can appear in many forms (such as text, speech, or gestures), its propositional content is more important than its physical form. Kaehler states this position sharply: "law differs from empirical facts about the outside world, it is tempting to situate it instead in the inner world of thoughts and attitudes" [4, p. 26]. Law cannot consist solely of material things or physical events, because physical events by themselves cannot prescribe what ought to be done, and because any particular manifestation of a norm might disappear without the norm losing its normative force.

From this point of view, he concludes that law is "ontologically ideal" being immaterial and consisting of a certain propositional meaning, comparable in this respect to numbers, stories, games, or algorithms [1, pp. 223–226].

However, this reasoning moves too quickly. It is reasonable to say that content matters for guiding actions (this is an epistemic point), but it is a much stronger claim to say that law is fundamentally abstract (an ontological claim). The fact that the same legal norm can be communicated in different ways does not prove that law exists as an abstract entity. It only shows that norms can function independently from their specific forms to some extent. Kaehler himself anticipates a version of this worry when he insists that "ontologically ideal" should not be equated with "abstract object," precisely because documents such as a statute or the Universal Declaration of Human Rights are, in his words, "concrete at least insofar as they designate particular propositional objects", unlike universal properties such as "whiteness" [1, p. 216]. Yet this terminological refinement does not resolve the underlying difficulty: whether one calls the entity "abstract" or "ontologically ideal", the inference from *communicability across media* to *independent immaterial existence* remains an logical leap rather than a demonstrated conclusion.

A legal positivist might argue instead that what really exists are social facts such as how people recognize, use, and interpret legal rules. In this view “propositional content” is not an independent reality but a theoretical idea built on these social practices. For example, the meaning of a police officer’s gesture or a legal rule depends on social conventions, institutional roles, and shared practices. These are real empirical factors. By separating legal content from these factors, the argument risks treating something as independent when it actually depends on social reality.

Kaehler is aware of this positivist rejoinder and attempts to neutralize it by arguing that the “social fact thesis” which the most fundamental of positivism’s core commitments is in fact compatible with ontological ideality since social facts can themselves consist of or generate propositional content that lacks physical properties [1, p. 227]. This compatibility claim, however, is asserted rather than proven: Kaehler concedes that “a normative prescription does not need a factual basis in order to remain valid (unless the conditions of its validity are restricted in this way). The reason for this is that norms apply to all people, places and times that meet the conditions stated either in them or in the norms regulating their application” [4, p. 28]. It leaves open exactly the question, whether propositional content genuinely floats free of social practice or is simply an abstraction constructed from it, in the way that “the average taxpayer” is an abstraction from actual taxpayers rather than an independently existing entity.

Sources of Law and Roman Law Example

The argument claims that if a written law is destroyed (for example, burned), the law itself still exists. This example is used to show that law is immaterial and persistent. Kaehler frames this feature technically as *persistence*, one of three properties he attributes to ontologically ideal norms alongside *ubiquity* (independence from a particular place) and *translatability* (the possibility of formulating the same norm in different languages). He develops the persistence claim further in a paper *The Attenuated Reality of Law*, where he explicitly notes that “Roman law, for instance, is still a subject of discussion despite its invalidity” [4, p. 41] and that legal norms once created exist independently of any particular utterance about them, and “the fact that legal norms have only an attenuated reality is especially important for fundamental norms, which define which laws are part of the legal system” [4, p. 39]. For this argument Vitaly Ogleznev and V.G. Bondarev assert that on Kaehler’s account “even immoral, fictitious, or long-forgotten norms continue to exist as ideal objects, since they possess the same formal characteristics: immateriality and propositional structure” [5, p. 45].

However, law survives such destruction because copies, memories, and institutional records still exist, and people continue to treat those rules as valid. If all copies and memories disappeared at the same time, and no legal practices remained, it would be much harder to say that the law still exists. So the persistence of law can be explained by stable institutional memory, not necessarily by the existence of abstract entities. Kaehler’s own psychologism directed argument runs the opposite risk here: he insists that even “even if everybody loses all recollection of a certain norm once it is adopted as law, and even if no remnants of its formulations are left in anyone’s brain, it can still be valid law” [1, p. 215]. But this qualification is telling and back in to precisely the material trace (the book) whose destruction was supposed to be irrelevant to the norm’s continued existence. If recovery from a surviving physical or institutional record is what makes it plausible to say the norm “still exists” then persistence is being explained through distributed material and social nature, not through an ontologically ideal realm operating independently of all implementations.

The same issue arises in the example of Roman law. The author says that Roman law is “still regarded as law” even though it is no longer in force. However, today we usually call Roman law “law” in a historical or conceptual sense, not as a currently existing legal system. Kaehler concedes that ontologically ideal entities such as legal norms possess only an “attenuated” or “weakened” form of reality, because the “law’s reality would become a concept that is neither suitable to understand law nor its importance in practice” [4, p. 36].

Kaehler’s own admission that ontological ideality yields at best a weakened sense of “reality” undercuts the stronger persistence claim advanced in the *Ratio Juris* paper, where considering propositional identity is treated as sufficient to say that law “continues to exist” in any strong sense. If a repealed statute enjoys the same ontological status as a merely imagined or never enacted one, the concept of “existence” being

defended does very little independent explanatory work: it cannot by itself distinguish law that is currently binding from law that is dead history or pure fiction.

The argument does not clearly distinguish between “this was law” and “this is law now” and this weakens the claim that law exists independently of social facts.

Ontological Ideality versus Psychologism

It is worth noting that Kaehler does not defend ontological ideality only against positivist reductionism to social facts. He also directs it against a rival non-materialist theory, psychologism, according to which legal norms are mental or “psychical” entities. He cites Karl Olivecrona's description of legal norms as psychical and Paul Amselek's claim that they “belong to our inner universe, to the world of our thoughts” [1, p. 215].

Kaehler rejects this view on two grounds. First, that establishing a norm's content does not require examining anyone's mental states, since a forgotten norm could later be recovered from a document. Second, that the inference from “law is not physical” to “law is psychical” commits a false dichotomy, because entities such as geometrical figures or algorithms are neither physical nor psychical. He invokes Gottlob Frege's postulate of a “third realm of thoughts” belonging neither to the external world nor to subjective representation, and Karl Popper's ontology distinguishing “world 1” (the physical), “world 2” (conscious experience) and “World 3” (objective ideas) [1, pp. 216].

This part of the argument is more successful as a critique of psychologism than as a positive proof of ontological ideality. Showing that “physical” and “psychical” do not exhaust the possible categories of being does not establish by itself that law occupies the specific third category modeled on Fregean thoughts or Popperian “world 3” objects. Frege's and Popper's ontologies were designed primarily to explain the objectivity of mathematical and logical truths, entities whose content does not vary with linguistic community, historical period or institutional recognition. Legal norms differ from numbers in exactly the respect a positivist would emphasize: a statute's content depends on enactment, can be validly changed by a subsequent legislature and derives its normative force from recognition within a particular institutional order, none of which is true of the number seven or another number.

Kaehler's own discussion of Hans Kelsen illustrates the difficulty from within legal theory itself. Kaehler shows that Kelsen's *Pure Theory of Law* fluctuates between describing legal validity as an “ideal existence” independent of empirical acts and tying the “objective ought” of a norm closely to the concrete act of will that created it, before ultimately embracing in his later work a “realist” monism that confines itself to the “humanly created positive real order” and appears to reject a separate transcendental “ideal order” altogether [1, pp. 217–218]. Kaehler reads this as an unresolved tension in Kelsen. But it can equally be read as evidence that even a theorist deeply committed to the separation of “is” and “ought” ultimately found it necessary to anchor legal validity in social and institutional acts rather than in a free standing ideal reality.

Discussion

Remarks on “Reasons” and Existence

A central Lorenz Kaehler's thesis is that empirical facts are insufficient to establish the existence of law and that “reasons” are needed to classify propositional content of law, where these reasons are distinct from grounds of validity [1, p. 215, 219]. These reasons are said to be different from reasons that make law valid. It is unclear what kind of reasons these are. They could be: *conceptual* (how we use the word “law”), *moral* (what should count as law), *methodological* (how legal theory should classify things). Without this clarification the claim that reasons “shape the existence of law” becomes unclear and may confuse different issues such as existence and classification.

This uncertainty recurs throughout Kaehler's treatment of validity. Discussing Radbruch's famous argument that positivism can appeal only to power, and that “power cannot yield an ‘ought’”, Kaehler acknowledges that Radbruch's move from the inability to derive validity from empirical facts to the conclusion “that law must rest on a value” leaves questions unanswered about the precise relationship between values, validity and norms [1, p. 219; 3].

Kaehler nonetheless treats the argument as supporting ontological ideality on the ground that empirical facts do not themselves possess validity or invalidity, so that “once law is characterized as either valid or invalid, it cannot be reduced to empirical fact” [1, p. 219]. This inference again moves faster than the premises allow: validity might instead be understood as a status conferred by a rule of recognition operating within a social practice: a status that is genuinely not empirical fact itself, yet is wholly grounded on empirical, institutional facts for its content and application, without requiring an independent ontological register in which “validity” resides.

Also separating reasons for existence from reasons for validity does not fit well with many legal theories. For example, in Hart’s theory the rule of recognition both defines what counts as law and explains why it is valid. The same social practice explains both existence and authority in a clear way. The Lorenz Kaehler’s thesis criticizes fact-based approaches but does not clearly show why a more advanced account of social practices cannot already include the role of reasons as part of those practices. But if legal content is whatever a recognized law-making procedure enacts, then the reasons that “shape” that content are simply the reasons operative within the social and institutional practice of law-making – they need not be relocated to an independent ontological plane to do their explanatory work.

Legal Interpretation and Ontology of Law Revisited

The argument also claims that some legal outcomes already exist, even if no one has thought about them yet, because they logically follow from existing rules. It suggests that if most competent lawyers would reach the same conclusion, then law must depend not only on facts but also on reasons.

However, this idea has a problem. Saying what competent interpreters would decide is still a factual claim about how a certain group behaves under certain conditions. This agreement can be explained by shared language, professional training, and institutional standards – all of which are social facts. Therefore, “reasons” can be understood as part of these social practices, not as proof of a separate abstract level of law.

Kaehler’s broader arguments in *Ratio Juris* paper actually supplies materials that could be directed against his own ontological thesis on precisely this point. In distinguishing “legal ideality” from “ontological ideality” he defines the former as “the sum of all ideals contained within the law”, ideals that are, on his own account, internal to and dependent on a given legal system’s particular institutional history capable of diverging from morality [1, pp. 213]. If legal ideals of this kind are system, relative and historical in context, it becomes harder to see why the “ontological” level should be treated as an autonomous, non-relative field of propositional entities rather than as itself an example of the same social or institutional practices. Similarly Vitaly Ogleznev asserts that Kaehler’s “modal argument” concerning law’s claim to moral correctness secures only a logical, not an institutional necessity and therefore leaves open the possibility of a non-metaphysical explanation of normativity [6, pp. 95–97].

Conclusion

Kaehler’s arguments against the strong and weak versions of the claim to correctness thesis are persuasive. It is indeed implausible to attribute to every legal system a necessary, self-referential claim either to full moral correctness or to the avoidance of extreme injustice.

Where the argument is least convincing is in the positive, ontological thesis that replaces the claim to correctness to the thesis that law is “ontologically ideal” in a sense modelled on numbers, Fregean thoughts or Popper’s “world 3”. The examples in support of this thesis (the persistence of Roman law as a topic of ongoing discussion, the survival of a forgotten norm recoverable from a book) are each compatible with and better explained by a more modest positivist account: law persists because copies, institutional memory and interpretive communities persist, not because propositional legal content occupies an independent immaterial field.

Kaehler’s own argumentation that ontologically ideal entities enjoy only an “attenuated reality” suggests that even the author is not fully committed to the strong metaphysical reading that his terminology invites. A revised formulation that asserts “ontological ideality” as a form of imaging the legal content and not exhausted by any single physical token, rather than as evidence of independent field of legal entities would remain everything valuable in Kaehler’s theory.

Дидикин А.Б., ф.ғ.д., з.ғ.к., Мақсұт Нәрікбаев атындағы Университеттің Жоғары Заң Мектебінің Associate Professor, Орталық Азиядағы IVR Аймақтық филиалының жетекшісі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.): Заң идеалды түрде бар ма? Лоренц Келердің заң онтологиясы қайта қаралды.

Бұл жұмыстың тақырыбының өзектілігі Лоренц Келердің қазіргі құқық философиясындағы құқықтың идеалды өлшемі туралы жаңа құқықтық теориясының жеткіліксіз зерттелуіне байланысты. Жұмыста қарастырылған мәселе онтологиялық идеализм тезисінің философиялық негіздемесі болып табылады, оған сәйкес құқықтық нормалар олардың кез-келген физикалық немесе институционалдық ерекшеліктеріне тәуелсіз дерексіз пропозициялық субъектілер ретінде өмір сүреді. Зерттеу пәні-Келердің дұрыстығын, құқықтық идеалдылығын және онтологиялық идеалдылығын талап етуді Ажырататын дәлелдерін талдау, Оның Роберт Алексидің дискурстық теориялық есебін сынға алуымен бірге заңның идеалды өлшемі және Оның Густав Радбрухтың заңмен бекітілген заңсыздық формуласымен байланысы. Жұмыстың мақсаты – Келердің құқықтың идеалды өлшемі туралы онтологиялық дәлелін теориялық тұрғыдан қайта құру және сыни тұрғыдан бағалау құқықтық позитивизм көзқарас және басқа құқықтық философия тәсілдер. Тақырыптың жаңалығы Келердің еңбегін зерттейтін заманауи ғылыми еңбектерде сыни зерттеулердің болмауына байланысты Құқықтың Идеалды Өлшемі қандай? Виталий Оглезневтің бастамасымен онтологиялық тұрғыдан идеалды заңды тұлғалардың модальді және гносеологиялық мәртебесі, Сондай-ақ Келердің «онтологиялық идеализм» терминологиясын әлеуметтік фактілерге негізделген құқықтық дәлелдеу тұрғысынан қайта қарау қажеттілігі туралы осыған байланысты пікірталастар. Жұмыста қолданылатын зерттеу әдістері аналитикалық құқықтануға тән әдістер болып табылады, оның ішінде логикалық және концептуалды талдау әдістері, салыстырмалы құқықтық талдау және бастапқы философиялық дереккөздерді сыни мәтіндік түсіндіру. Жұмыстың негізгі тұжырымдары Келердің онтологиялық идеализм туралы тезисінің негізгі дәлелдерін ашып көрсету және олардың шектерін көрсету болып табылады: Келердің дұрыстығы туралы тезиске қарсылықтары негізінен нанымды, бірақ оның позитивті онтологиялық тезисі, сандар, Фрегиялық ойлар немесе Поппер Әлемі 3 сияқты дерексіз объектілерге негізделген, ол ұсынған мысалдармен жеткілікті түрде расталмаған және бұл мысалдар қарапайым позитивистік есеппен жақсы түсіндіріледі, оған сәйкес заң көшірмелер арқылы сақталады, Және институционалдық жады, және интерпретациялық қауымдастықтар пропозициялық құқықтық мазмұнның тәуелсіз материалдық емес саласы арқылы емес.

Түйінді сөздер: құқық философиясы; құқықтық позитивизм; онтологиялық идеализм; дұрыстығына талап қою; құқықтық түсіндіру; А. Кэлер, Р. Алекси, Г. Радбрух, В. Оглезнев.

Дидикин А.Б., д.фил.н., к.ю.н., Associate Professor Высшей школы права Maqsut Narikbaev University, руководитель регионального отделения IVR в Центральной Азии (г. Астана, Республика Казахстан): Существует ли право идеально? Пересмотр онтологии права Лоренца Кэлера.

Актуальность темы данной статьи обусловлена недостаточным изучением новой теории права Лоренца Кэлера об идеальном измерении права в современной философии права. Проблема, рассматриваемая в статье, заключается в философском обосновании тезиса об онтологической идеальности, согласно которому правовые нормы существуют как абстрактные пропозициональные сущности, независимые от каких-либо их физических или институциональных характеристик. Предметом исследования является анализ аргументов Кэлера, в которых он выделяет тезис о притязании на корректность, правовую идеальность и онтологическую идеальность, а также его критику теоретико-дискурсивного подхода Роберта Алексиса к идеальному измерению права и его отношение к формуле Густава Радбруха о законном неправде. Цель работы – теоретически реконструировать и критически оценить онтологический аргумент Кэлера в пользу идеального измерения права с точки зрения юридического позитивизма и других подходов философии права. Новизна темы обусловлена отсутствием критических исследований в современных научных статьях, посвященных статье Кэлера «Что такое идеальное измерение права?». и связанная с этим дискуссия, инициированная Виталием Оглезневым о модальном и эпистемологическом статусе онтологически идеальных сущностей, а также о необходимости переосмысления кэлеровской терминологии «онтологической

идеальности” с точки зрения юридической аргументации, основанной на социальных фактах. В статье использованы методы исследования, характерные для аналитической юриспруденции, включая методы логического и концептуального анализа, сравнительно-правового анализа и критической текстологической интерпретации первоисточников. Основные выводы статьи заключаются в выявлении ключевых аргументов тезиса Кэлера об онтологической идеальности права и демонстрации их пределов: утверждается, что возражения Кэлера против тезиса о притязании на корректность в значительной степени убедительны, но его позитивный онтологический тезис основан на абстрактных объектах, таких как числа, мысли Фреге или “третий мир” Поппера не подкрепляется в достаточной мере примерами, которые он предлагает, и что эти примеры лучше объясняются скромным позитивистским подходом, согласно которому закон сохраняется благодаря копиям, институциональной памяти и интерпретирующим сообществам, а не через независимую нематериальную сферу пропозиционально содержания.

Ключевые слова: философия права; правовой позитивизм; онтологическая идеальность; и притязание на правильность; юридическая интерпретация; Л. Келер, Р. Алекси, Г. Радбрух, В. Оглезнев.

References:

1. Kaehler L. What Is the Ideal Dimension of Law? *Ratio Juris*, 2024. Vol. 37. Iss. 3. P. 210–229.
2. Alexy R. *Law’s Ideal Dimension*. Oxford University Press, 2021. URL: <https://academic.oup.com/book/41215> (11.08.2026).
3. Radbruch G. Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law [1946] (B. Litschewski Paulson & S. L. Paulson, Trans.). *Oxford Journal of Legal Studies*. 2006. Vol. 26. Iss. 1. P. 1–11.
4. Kähler L. The Attenuated Reality of Law. *Law and Realism. Proceedings of the Special Workshop held at the 29th World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy in Lucerne, Switzerland, 2019*. André Ferreira Leite de Paula (ed.), Andres Santacoloma Santacoloma (ed.). Franz Steiner Verlag, 2021. P. 23–43.
5. Ogleznev, V. V., Bondarev, V. G. Философские основания теории онтологической идеальности права Лоренца Кэлера [Philosophical Foundations of Lorenz Kähler’s Theory of the Ontological Ideality of Law]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Social and Political Studies*. 2025. Vol. 86. P. 37–49. (in Russian).
6. Ogleznev V. V. Онтологическая идеальность, модальные аргументы и нормативные предложения [Ontological Ideality, Modal Arguments and Normative Sentences]. *Право и государство [Law and State]*. 2025. Vol. 4 (109). P. 93–99. (in Russian).

Для цитирования и библиографии: Didikin A.B. Does Law Exist Ideally? Lorenz Kaehler’s Ontology of Law Revisited // *Право и государство*. № 3(112), 2026. – С. 104–110. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_104

Материал поступил в редакцию 07.06.2026

ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗМ: ИДЕЯ И МЕТОД

М.А. БЕЛЯЕВ, к.ф.н., доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Российская Федерация, г. Москва), e-mail: mabelyae@msal.ru

В статье обосновано, что некоторые отечественные философы права, декларирующие приверженность правовому реализму, связывают эвристичность данного подхода с его способностью редуцировать многообразие наблюдаемых явлений к фактам, а связи этих явлений – к причинно-следственным связям. Такое понимание возможностей правового реализма соответствует прагматически ориентированному мировоззрению отдельных его сторонников. Вместе с тем общественные условия, в которые помещен вооруженный данным инструментарием субъект познания, не благоприятствуют поиску новых истин по следующим причинам. Во-первых, социальная коммуникация имеет не только фактическую составляющую, но и символическую, которая в сфере публичной власти выражена понятием легитимности, а методология правового реализма не позволяет раскрыть в должной мере проблемы достижения и утраты легитимности. Во-вторых, в работах сторонников правового реализма в значительной мере упрощен онтологический компонент, поскольку роль и значение коллективной деятельности в функционировании правовой системы редуцированы до индивидуального уровня. В-третьих, сохранение приверженности реалистической идеологии ведет к утрате предметной специфики, создаваемой юриспруденцией. Эта специфика заключается в государственно-правовых закономерностях, сведение которых к иным по природе связям методологически возможна, но вовсе не необходима для правосознания в целом и его идейного уровня в частности.

Ключевые слова: правовой реализм, философия права, парадигма, социология права, позитивизм, методология социальных наук, юридическое мышление, юридическая деятельность, прагматизм, методологический плюрализм.

Введение

Импульсом к написанию данной работы послужил выход в свет коллективной монографии «Перспективы правового реализма» [1]. Это издание, как и те книги, которые ранее выходили под редакцией И.Л. Честнова и Е.Н. Тонкова, явилось плодом усилий многочисленного коллектива авторов, в большинстве своем весьма положительно настроенных по отношению к правовому реализму, и демонстрирующих готовность использовать его базовые мировоззренческие установки в исследовании конкретных проблем права и государства. Один этот факт, как представляется, уже демонстрирует наличие перспектив у данного исследовательского направления. Однако трудность заключается в том, что часто оригинальный исследовательский подход в его употреблении сводится к новой интерпретации накопленных учеными суждений. Если временно отвлечься от связи научной истины с реальностью, конвенциональный характер этой истины позволяет создавать всё новые и новые интерпретации без какого-либо их взаимного сопоставления. Но действительная оценка эвристичности метода или подхода требует такого сопоставления.

В данной статье предполагается выделение в правовом реализме инструментальной части (посредством разграничения реалистической идеи и сопутствующей методологии) и определение

того, благоприятствуют ли факторы и условия, в которые помещен вооруженный данным инструментарием субъект познания, поиску новых истин в сфере права.

Материалы и методы

Безусловно, проделываемая в этом тексте работа носит всецело *аналитический характер* и способствует производству ряда полезных *абстракций*. В действительности идея и метод действуют в органическом единстве, конституируя из индивидуальных исследователей некое коммуникативное сообщество, в пределе своего развития образующее *парадигму как форму индивидуации мышления*. Но мыслитель, всецело верный определенной парадигме, склонен не критически отвергать альтернативные подходы, также выступающие результатом коллективного мышления ученых. А поскольку никакого *tertium comparationis* (основания для сравнения) для двух парадигм нет, аналитическое разделение представляется довольно полезным приемом.

Основные положения

Особенности правового реализма демонстрируются соавторами названной выше монографии применительно к разным задачам. Так, например, И.А. Честнов, говоря о правовом реализме, выделяет узкий и широкий подходы. Первый рассматривает правовой реализм как «перспективное и активно развиваемое сегодня как в отраслевых юридических науках, так и в теории права направление, акцентирующее внимание на юридических практиках: как действуют ... правоприменители и обыватели; чем мотивированы их действия; какие факторы (правовые и экстраправовые) влияют на такого рода действия» [1, с. 77]. В рамках широкого подхода предполагается, что микросоциология юридических практик дополнена их философско-теоретическим обоснованием. Вообще давать обоснование для той или иной практики, деятельности – ход, свойственный классической рациональности. Утверждается, например, что определенное действие следует совершать или предпочесть иным действиям, поскольку оно наиболее эффективно при существующем распределении ресурсов (прагматизм, утилитаризм, экономический способ мышления) либо поскольку оно наиболее полно отвечает принципу, норме, заповеди (религиозный способ мышления или этика эпохи Просвещения). Современная рациональность в своих запросах скромнее, в ее пределах обосновать уже совершенное действие означает лишь продемонстрировать его изначальную возможность. Благодаря таким авторам как К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд, М. Фуко мы знаем, что эти возможности могут пониматься искаженно, поэтому и действия, оцениваемые самими субъектами как рациональные, могут не быть таковыми в действительности. В гносеологическом отношении это лишь делает задачу обоснования на один шаг длиннее, поскольку у названных искажений восприятия тоже существуют причины – внутрисубъективные или общественные, чье постижение входит в задачу рациональной реконструкции.

Вопрос состоит лишь в том, способен ли правовой реализм осуществлять эту реконструкцию, с одной стороны, и необходима ли она для нужд юридического сообщества, с другой стороны. Если предположить, что глубина постижения причин того или иного поведения зависит от вовлеченных в исследование неправовых факторов, а именно это и оговаривает И.А. Честнов, то налицо размытие предмета юридического познания. В мире всё связано незримыми многочисленными связями со всем прочим, материя субстанциальна, поскольку ее формы взаимосвязаны и не имеют «бытийных» разрывов внутри себя. Следовательно, для любого юридически значимого факта могут быть найдены причины каких угодно порядков, лежащие за пределами собственно права. В этом случае правовой реализм превращается в реализм лингвистический, психологический, экономический и даже физический, поскольку во всех этих областях есть детерминация одних событий другими. В конечном итоге, сохранив приверженность реалистической идеологии, мы утрачиваем предметную специфику, создаваемую юриспруденцией. Эта специфика заключается в государственно-правовых закономерностях, подмена которых иными устойчивыми связями, безусловно, возможна, но вовсе не необходима. Рискну утверждать обратное: эпистемически добродетельным следует считать такой научный поиск, результаты которого будут принадлежать той же предметной области, которой принадлежали и поставленные исследователем вопросы. Но должны ли мы быть эпистемически добродетельными – это вопрос, на который каждый исследователь отвечает самостоятельно.

В целом, из аргументации И.Л. Честнова не следует, что юриспруденция, стремясь к большей реалистичности, по какой-то причине должна перестать быть тем, чем она является. Мотив углубления познания сохраняет свою значимость, но нужно тщательно выбирать между различными способами такого углубления, поскольку не все средства одинаково хороши. Добавление в мир права эмпирических данных далеко не всегда ведет к открытию новых устойчивых связей, в особенности, если иметь в виду природу правовой системы и ее составных частей.

Е.Н. Тонков, главный сторонник правового реализма в его российском варианте, выдвигает два важных апологетических тезиса, не лишенных, однако, двусмысленности. Первый состоит в том, что приверженцами правового реализма «отрицается примитивизация права как замкнутой логической системы, в которой действуют только добросовестные законодатели и идеальные правоприменители (в т.ч. судьи). В реалистической парадигме творцы законов не отстаивают интересы (якобы избравших их) граждан, создавая полезные для населения нормы права, а судьи не выводят механически решения из очевидных фактов и понятных норм. В человеческих сообществах нормотворцы действуют перманентно в интересах себя и своих референтных групп, а судьи принимают решения, стремясь максимально институализировать свои (материальный и процессуальный) статусы» [1, с. 121]. Возражая на это утверждение, можно было бы заметить следующее: а) полагание права как логической системы во всяком случае есть некая полезная условность, но ни в коей мере не его примитивизация, поскольку реализация логического мышления в юридической деятельности во многих случаях есть интеллектуально сложный процесс; б) если отрицать логический характер связи правовых норм между собой, непонятно, чем его следует заменить (чисто волевая связь имеет место в мире человеческих действий); в) статус судьи и так максимально институализирован, вероятно, автор имел в виду, что некие решения создают для некоторых судей угрозу утраты судейского статуса, но в таком случае автор неявно предлагает либо элиминировать принцип независимости судей в их служебной деятельности, либо счесть нормой отклонение от соблюдения данного принципа, то есть легитимировать случаи таких отклонений и в пределах опять-таки обесмыслить сам принцип. И если на мгновение вообразить, что выявляемые ситуации забвения этого принципа как-то влияют на его легитимность, остается загадкой, по каким правилам должны в таком случае действовать участники судебного процесса, имея в виду личную заинтересованность судьи в определенном решении по делу. Позволяется ли и этим субъектам игнорировать требования процессуального законодательства или же имеет смысл попытаться восстановить нарушенную законность – такие вопросы возникают при комментировании первого категорического тезиса Е.Н. Тонкова. Говоря иначе, если совокупность норм описывает желаемые (с точки зрения законодателя, в первую очередь) способы поведения, то всякое отклонение от этих норм и необходимо рассматривать в этом его качестве, то есть как поведение, противоречащее нормам. Вопрос о том, чей интерес отражен в конкретном законодательном акте, есть вопрос политический, а не правовой. Если парламент той или иной страны систематически допускает забвение интересов избирателей в своей деятельности, нужно ли нормализовать эту ситуацию путем отыскания достаточного количества ее причин? Ответ кажется очевидным: причины знать необходимо, но и противостоять их пагубному действию также необходимо.

Кроме того, непонятно, почему такого рода политически объяснимый расклад сил и интересов нужно инкорпорировать в правовую науку, что может дать такая инкорпорация? Приведет ли она, например, к признанию неэффективности института конституционно-правовой ответственности и его частичной или полной ликвидации? Подобные вопросы вновь возвращают нас к сопоставлению правила поведения и конкретного действия, соответствующего этому правилу. Можем ли мы сказать, что совершившее это действие лицо действительно следовало правилу? Поскольку внутренний мир действующих лиц для нас непрозрачен, следует пользоваться условностью или фикцией, отвечая на вышеуказанный вопрос положительно. В этом смысле веками проверенный алгоритм юридической квалификации содеянного и есть инструмент, обеспечивающий максимально реалистичное познание социальной действительности в условиях недоступности ряда параметров на ее микроуровне. Гипотетически предполагая, что поведение, соответствующее правилу, представляет собой следование данному правилу, государство в лице уполномоченных органов либо стимулирует такое поведение, либо прямо предписывает его, но не сводит сами действия лиц к обусловившим их

причинам. Если такой ход не имеет места в действительной жизни, насколько он необходим в науке? Создатель юридической нормы обладает волей, и исполнитель данной нормы также обладает волей. Теоретическое познание причин их действий, уходя все дальше в глубь материальных факторов, отчасти аннигилирует волевою природу правоотношений.

С другой стороны, юридическая наука уделяет огромное внимание отклонениям от правил, достаточно вспомнить, насколько подробно в уголовном праве разработана конструкция состава преступления, и как необоснованно и избыточно на ее фоне выглядит попытка описать по той же модели состав правомерного поведения. Такие попытки не находят своего применения ни в какой отрасли законодательства, в связи с чем их плоды содержатся лишь в учебниках по теории государства и права, где их присутствие также не мотивировано. Хорошо разработанная в рамках науки конструкция оказывается не подверженной дальнейшему обобщению, что создает предел абстрактно-научному мышлению в данном вопросе.

Охранительной функции права корреспондируют такие дисциплины как криминология и юридическая психология, являющиеся прикладными, но чрезвычайно важными. Человечество, создавая институты, заинтересовано в их эффективной работе, поэтому причины и условия правонарушающего поведения изучаются весьма пристально. И их изучение не обходится без эмпирических данных, так что и сами причины правонарушений рассматриваются как факты – открытые, либо подлежащие открытию в будущем. Факт рассматривается как причина другого факта, а норма – как основание для другой нормы, но причина не тождественна основанию, а из факта не вытекает нормы. И повсеместная распространенность правонарушений не легализует его, это может сделать лишь законодатель посредством строго определенных процедур (декриминализация деяния)

Второй тезис Е.Н. Тонкова следующий: «Правовые реалисты единодушны в том, что формализованные тексты о должном (напр., нормативно-правовые акты) не являются адекватным описанием правовой реальности. Феномен сущего в праве не раскрывается в концепциях, игнорирующих реалистические паттерны. Различение «права в книгах» и «права в действии» является обязательным для всех сторонников реализма» [1, с. 123]. Думается, уважаемый исследователь не станет спорить с тем, что нормы принимаются и оформляются с тем, чтобы направлять поведение лиц, субъектов – индивидуальных и коллективных. Работа государства, в чьих руках находится право (инструмент), весьма схожа с работой учителя. Рассмотрим, например, как учитель математики взаимодействует с учеником. Вначале он объясняет ученику некоторое арифметическое правило и показывает, как это правило работает. Затем предлагает ученику повторить показанное, затем модифицирует упражнение и даёт много подобных заданий, добиваясь полной самостоятельности и полного понимания учеником данного правила. И до тех пор, пока ученик будет совершать ошибки, учитель будет ему указывать на них, что вполне оправданно и ожидается от учителя (если не учеником, то уж точно его родителями). Также и государство – сколько бы раз субъект ни нарушал закон, он всякий раз должен будет нести ответственность (если наличествуют условия ее наступления, здесь как раз и соединяется должное и сущее). В области педагогики никому не приходит в голову всерьез различать «математику в книгах» и «математику в жизни», понимая под первой предметную основу деятельности учителя, а под второй – то множество ошибок, которые совершают ученики в процессе освоения арифметических правил. Напротив, хорошая работа учителя сводит множество ошибок учеников к минимуму. В правовой сфере действует та же логика: чем меньше правонарушений, тем (для государства) лучше, причины правомерного поведения при этом не так уж важны, поскольку на правомерное поведение не нужно воздействовать посредством принуждения.

Таким образом, мы видим, что Е.Н. Тонков, как и И.А. Честнов, хотя более открыто и непосредственно, выступает за придание эмпирическим знаниям какого-то особенного статуса в юридической науке, которого они якобы лишены в настоящее время. И это устремление, с его точки зрения, положительно характеризует правовой реализм. В действительности здесь имеет место недооценка текущего положения дел в юридической науке, где существует целая область, называемая социологией права, которая занята изучением условий действия права в конкретном обществе и разработкой предложений по совершенствованию отдельных правовых инструментов, пригодных опять-таки для конкретного общества. Уделить фактам больше внимания, чем уделяется сегодня в социологии права, юридическая наука по вполне понятным причинам не может, не утра-

чивая, как уже говорилось выше, предметной специфики. Прикладное знание невозможно сделать фундаментальным, равно как, например, технологию нельзя положить в основу теории – всегда бывает с точностью до наоборот. Хорошо построенная теория позволяет открывать целый спектр новых технологических возможностей, эта же закономерность прослеживается в социальной сфере, только здесь базовых теорий изначально много: некоторые затрагивают только уровень социальных процессов, некоторые – только личность, другие исследуют переходы между уровнями реальности и т.д. Для всех этих исследований насущно необходима эмпирическая информация, но сама по себе она не может указать на новую норму, равно как и на новый закон природы.

Дискуссии и обсуждение

Как справедливо утверждает Н.С. Чернякова, «сфера должного – это действительно особое измерение, но измерение самого сущего, а не некая сфера, существующая наряду с сущим. Должное противостоит не сущему, а недолжному» [2, с. 11]. И это противостояние достаточно хорошо отрефлексировано правовой наукой. Максимально реалистической в этом отношении выглядела бы аргументация следующего вида. Допустим, нам необходимо обосновать преимущественно запретительное регулирование отношений в какой-либо высокотехнологичной сфере (тот же искусственный интеллект). Как это сделать с учетом позиции правового реализма?

Первое – нужно показать (скорее всего, это будет многоступенчатое рассуждение), что отсутствие строгих запретов повлечет в конечном итоге социальную дезинтеграцию, что категорически недопустимо.

Второе – нужно выявить те параметры общественных отношений, наличие которых позволит от запретительной модели регулирования перейти к разрешительной.

Третье – необходимо указать, каким путем могут быть достигнуты данные параметры.

Во всех трех случаях задействована эмпирическая информация, при этом должное и недолжное строго разграничены. Но само понимание того обстоятельства, что технологии невозможно в течение долгого времени запрещать – это не только эмпирическое суждение, но и ценностное, а следовательно нормативное. Поэтому никакого дуализма должного и сущего в действительности нет. Он есть лишь в области строго рационального мышления, то есть формальной логики и тех суждений, которые могут быть связаны между собой по логическим правилам. Однако ни позитивизм, ни другие доктрины, критикуемые правовыми реалистами, не утверждают, что суждения в структуре научной теории должны быть связаны исключительно логикой. К тому же сфера применения «гильотины Юма», по нашему мнению, сегодня должна сокращаться, поскольку формально-логических систем за XX век математики и философы придумали огромное количество, и в каждой системе принимаются за истину свои собственные аксиомы, о существовании которых Д. Юм ничего не знал по объективным причинам, а современные правоведы (значительная их часть) – по причинам субъективным.

Сторонники правового реализма настаивают на том, что разделяемая ими парадигма имеет большее прикладное значение по сравнению с юридическим позитивизмом и натурализмом. Согласно Г.Э. Адыгезаловой, «правовой реализм и правовой плюрализм имеют общую философскую основу – это прагматизм. Опираясь на идеологию практической полезности, сторонники правового реализма пытались познать функциональную сущность права, понять причины неопределённости права» [1, с. 214]. Е.Н. Тонков, словно бы комментируя слова о прагматизме, поясняет: «право существует как практический инструмент: в этом смысле становление американского, скандинавского и советского правопорядков в период между двумя мировыми войнами было основано в большей степени на воле акторов силы, опыте и юридической практике, чем на теоретических и законодательных конструкциях. Несмотря на различия между тремя упомянутыми вариантами правового реализма, в основных теоретических предпосылках (прагматизм в США, антиметафизическая философия в Скандинавии, партийная идеология в СССР) три базовых направления имели много общего. Если в США сторонники реализма настаивали на актуализации деятельности судей, то в СССР авторами правовых новаций и доктрин становились субъекты партийно-исполнительной власти, от которых принципиально зависели и тексты нормативных предписаний, и результаты судебных актов» [1, с. 119]. Если оставить в стороне весьма спорный довод о причастности субъектов

партийной власти к созданию в СССР правовых доктрин, тезис об инструментальном характере права выглядит соответствующим и прагматизму в мировоззренческом отношении, и правовому реализму в методологическом. Вопрос заключается не в том, является ли право инструментом воздействия, находящимся в руках государства, а в том, есть ли в праве нечто еще помимо этого (не в структурном отношении, а в содержательно-смысловом)? Представляется, что прагматизм как мировоззрение не исчерпывает собой суть юридического мышления и деятельности. Надо согласиться с тем, что для целей применения права фактическая способность принимать результативные решения зависит от тщательно собранной эмпирической информации, которая, естественно, отсутствует в нормативных текстах (хотя и частично порождается их взаимным движением). Но не менее важным является и легитимность, достижение которой представителем власти позволяет ему принимать решения совершенно различной степени эффективности, не становящиеся при этом недействительными. Научный уровень правосознания вбирает в себя и подвергает рациональной переработке все известные факторы легитимации публичной власти. В этом отношении прав М.В. Шугуров, полагаящий что «философия права сама выступает значимым компонентом процесса легитимации» [3, с. 90]. И если правовой реализм фактическую расстановку сил в конкретном государстве в определенный момент времени оценивает лишь с позиции эффективности, игнорируя легитимность, он делает шаг назад в научном осмыслении действительных социальных процессов.

Исследователь права, будучи прагматически ориентирован, идет по верному пути, но гипертрофирует важность одних аргументов и оставляет в забвении другие. Прагматизм предполагает следующее: если в ходе исследования мы используем гипотезу, принятие которой не дает практического эффекта, такую гипотезу следует отвергнуть в пользу иной, дающей такой эффект. Это хорошо соотносится с проблемой неопределенности в праве. Если предположение о природе права как логически замкнутой системе суждений оставляет невыясненным происхождение неопределенности, такое предположение следует отвергнуть в пользу иного. Сторонники правового реализма, для которых, однако, неопределенность имеет не лингвистическую, а социальную природу, как раз и заняты подбором наилучшей гипотезы. Но социальная природа (человеческая ли, институциональная, неважно) не специфична, нет единой науки, в пределах которой она могла бы рассматриваться. Как пишет М.В. Антонов, «в реалистической традиции высказано множество мнений о факторах, которые оказывают влияние на поведенческий выбор человека, на его решения и поступки – от знаменитой теории завтрака до влияния классовой, расовой, половой, религиозной принадлежности судьбы на принимаемые решения. Каждый из этих аспектов требует своего набора методов и приемов изучения, так что и в этом плане правовой реализм ускользает от определения и становится совокупностью социально-гуманитарного знания о том, что в общественной жизни воздействует на правовое поведение человека» [1, с. 168].

Чтобы не удалаться в дурную бесконечность, правовед-реалист (или, что аналогично, правовед-прагматик) должен где-то остановиться. Проблема не в том, что правовой реализм нельзя определить достаточно точно, а в том, что цепочки причинно-следственных связей, выявляемые благодаря эмпирическим данным, нигде не заканчиваются. Социальные свойства обусловлены психологическими, психологические свойства – биологическими и т.д. Наша теория, удаляясь от социального бытия, становится более обоснованной и ресурсоемкой (в отношении фактов), но одновременно бесполезной и беспредметной. Трудно называть такое положение дел реализмом.

Но и без редукции социального правовой реалист стоит перед трудностью: число свойств права или государства, или иного общественного феномена потенциально бесконечно, поэтому необходимо вначале выяснить, как создаются эти свойства, определить некий смысловой центр, вокруг которого данные свойства группируются. В натуралистической парадигме (а также, например, у А. Райнаха или раннего А.В. Полякова) таким центром будет эйдос права – объект метафизической природы, концентрирующий в себе смысловые аспекты соответствующего вида деятельности. Но реалисты не признают существования эйдосов, смыкаясь по этому признаку с позитивистами, так что их последней реальностью или субстанцией должна как раз быть деятельность. Именно в рамках разных видов деятельности создаются новые нормативные свойства, распределяемые между субъектами и объектами. Именно деятельностная структура нуждается для своего описания в массивах эмпирических данных. И только юридическая деятельность, рассмотренная как субстанция,

не исключает волевого начала в праве, признавая одновременно взаимную ограниченность воли и разума как среди индивидуумов, так и между коллективами. Однако правовые реалисты по какой-то причине не согласны рассуждать о деятельности.

Заключение

Таким образом, предпринятые в настоящей работе рассуждения позволили сделать следующие выводы.

Во-первых, различие идейной и методологической составляющих правового реализма оказалось наиболее хорошо определимым в ситуациях, кризисных для концепции. Таких ситуаций ровно две: либо от правового реализма остается лишь метод, ничем не отличимый от позитивистски ориентированной социологии, либо лишь идея предельной индивидуализации социального бытия. Во втором случае правовые реалисты оказываются не способны ответить на вопрос, кто же производит те нормативные свойства, которые затем усваиваются индивидами. Парадоксальным образом правовые реалисты являются с этой точки зрения чистыми номиналистами (в средневековом смысле этого термина).

Во-вторых, если бы сторонники правового реализма отличались не избирательной, а сплошной эпистемической добродетелью, им потребовалось бы сделать три дополнения к своей теории: а) осознать потребность не в микро-, а в макросоциологии как теоретической рамке для собираемых фактов и приступить к реализации данной потребности; б) признать субстанциальный характер человеческой деятельности, имеющий силу и в отношении социальных норм, не исключая правовые; в) осмыслить инструментальные ограничения, присущие не только конкурирующим парадигмам, но и самому правовому реализму.

В-третьих, недопущение ухода эмпирической реконструкции правовых систем в бесконечность возможно при условии признания правовыми реалистами множества разнообразных типов отношений между сущностями или суждениями о сущностях. В частности, не все связи, представляемые правовым реализмом в качестве причинно-следственных, являются на самом деле таковыми, равно как и не все связи, осознаваемые как логические, подчиняются формальной логике.

Таким образом, правовому реализму в целях большей привлекательности и повышения эффективности следует расширить и набор приемов и средств познания, и онтологию (предполагаемую схему реальности), с опорой на которую осуществляется данное познание. Тогда, возможно, о перспективах правового реализма можно будет говорить не номинально, а вполне реалистически (пусть читатель простит автору этот невольный каламбур).

М.А. Беляев, PhD, доцент, мемлекет және құқық теориясы кафедрасы, Мәскеу мемлекеттік заң университеті (Ресей Федерациясы, Мәскеу қ.) Құқықтық реализм: идея және әдіс.

Мақалада құқықтық реализмге адалдығын мәлімдейтін кейбір ресейлік заң философиялары бұл тәсілдің эвристикалық құндылығын бақыланатын құбылыстардың алуан түрлілігін фактілермен және бұл құбылыстар арасындағы себеп-салдарлық байланыстармен азайту мүмкіндігімен байланыстыратыны айтылады. Құқықтық реализмнің әлеуетін осылай түсіну оның кейбір жақтаушыларының прагматикалық бағытталған дүниетанымына сәйкес келеді. Сонымен қатар, осы құралдар жиынтығымен қаруланған когнитивті субъект орналасқан әлеуметтік жағдайлар келесі себептерге байланысты жаңа ақиқаттарды іздеуге қолайлы емес. Біріншіден, әлеуметтік коммуникация тек фактілік компонентті ғана емес, сонымен қатар мемлекеттік билік саласында заңдылық ұғымы арқылы көрінетін символдық компонентті де қамтиды; құқықтық реализм әдіснамасы заңдылыққа жету және жоғалту мәселелерін жеткілікті түрде ашпайды. Екіншіден, онтологиялық компонент құқықтық реализмді жақтаушылардың еңбектерінде айтарлықтай жеңілдетілген, себебі құқықтық жүйенің жұмыс істеуіндегі ұжымдық қызметтің рөлі мен маңызы жеке деңгейге дейін төмендетілген. Үшіншіден, реалистік идеологияны ұстануды жалғастыру юриспруденция қалыптастырған пәндік ерекшеліктің жоғалуына әкеледі. Бұл ерекшелік мемлекеттік құқықтық заңдылықтарда жатыр; оларды басқа сипаттағы байланыстарға дейін төмендету әдіснамалық тұрғыдан мүмкін, бірақ тұтастай алғанда құқықтық сана үшін, әсіресе оның идеологиялық деңгейі үшін қажет емес.

Түйін сөздер: құқықтық реализм, құқық философиясы, парадигма, құқық әлеуметтануы, позитивизм, әлеуметтік ғылымдар әдіснамасы, құқықтық ойлау, құқықтық тәжірибе, прагматизм, әдіснамалық плюрализм.

Maxim A. Belyaev, PhD, Associate Professor, Department of State and Law Theory, Moscow State Legal University (Moscow, Russian Federation) Legal Realism: Idea and Method.

The paper argues that some Russian legal philosophers who declare their adherence to legal realism link the heuristic value of this approach to its ability to reduce the diversity of observed phenomena to facts, and the connections between these phenomena to causal relationships. This understanding of legal realism's potential aligns with the pragmatically oriented worldview of certain of its proponents. At the same time, the social conditions in which a cognitive subject armed with this toolkit is situated are not conducive to the search for new truths, for the following reasons. First, social communication includes not only a factual component but also a symbolic one, which in the sphere of public authority is expressed through the concept of legitimacy; the methodology of legal realism does not adequately address the problems of attaining and losing legitimacy. Second, the ontological component is considerably simplified in the works of legal realism's advocates, since the role and significance of collective activity in the functioning of the legal system are reduced to the individual level. Third, continuing to adhere to the realist ideology leads to the loss of the subject-specificity created by jurisprudence. This specificity lies in state-and-legal regularities; reducing them to connections of a different nature is methodologically possible but is by no means necessary for legal consciousness as a whole, and particularly for its ideological level.

Keywords: legal realism, philosophy of law, paradigm, sociology of law, positivism, methodology of the social sciences, juridical thinking, legal practice, pragmatism, methodological pluralism.

Список литературы:

1. Перспективы правового реализма. Коллективная монография. Под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2026. 736 с.
2. Чернякова Н.С. Ценностная природа истины: автореф. дисс. докт. филос. наук. М., 1995. 32 с.
3. Шугуров М.В. Феномен легитимности права: философское измерение. Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1(2). С. 86-103.

References:

1. Prospects of Legal Realism. Collective monograph. Edited by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. St. Petersburg: Aletheia, 2026. 736 p. (in Russian).
2. Chernyakova N.S. The Value Nature of Truth: abstract of diss. doctor of philosophical sciences. Moscow, 1995. 32 p. (in Russian).
3. Shugurov M.V. The Phenomenon of the Legitimacy of Law: Philosophical Dimension. Russian Journal of Legal Research. 2015. No. 1(2). P. 86–103. (in Russian).

Для цитирования и библиографии: Беяев М.А. Правовой реализм: идея и метод // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 111-118. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_111

Материал поступил в редакцию 03.06.2026

DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_119
УДК 17.03; 340.12

LAW IN THE FACE OF THE CHANGING PROBLEMS OF THE WORLD (Review of the xxxii World Congress of the International Association for philosophy of Law and Social Philosophy, June 28–July 3, 2026, Istanbul, Turkey)

V. OGLEZNEV, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Higher School of Law, Maqсут Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan), e-mail: ogleznev_vitaly@mnu.kz

A. DIDIKIN, Doctor of Philosophy, PhD in Law, Associate Professor, Higher School of Law, Maqсут Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan), e-mail: a_didikin@kazguu.kz

The XXXII World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (IVR) took place at Kadir Has University in Istanbul, Türkiye, from June 28 to July 3, 2026. Its theme was “*Law in the Face of the Changing Problems of the World*”. Founded in Germany in 1909, the worciation brings together scholars working in legal and social philosophy. Its World congresses provide an opportunity to present research and discuss developments in these fields with colleagues from different academic traditions.

The opening ceremony included addresses by IVR President Chinsuk Yoon, President of the Philosophical Society of Turkey Ioanna Kuçuradi, and representatives of Kadir Has University. Former IVR President Mortimer Sellers commemorated legal philosophers who had died since the previous congress in Seoul.

The programme included plenary lectures, special workshops, working group sessions, and round tables. Plenary speakers included Lea Ypi, who spoke on “How Capitalism Undermines Freedom”; José Medina, on “Silencing, Counter-Communities, and Kinds of Activism”; Claudio Michelon, on “Reclaiming Subjectivity in Legal Argumentation”; Dietmar von der Pfordten, on “Law as Mediation: A More Comprehensive Understanding of the Nature of Law”; and Stephen Macedo, on “Covid as State of Exception: How Our Institutions Failed Us”. Round tables addressed analytical legal philosophy, the development of legal philosophy in Türkiye, and the relationship between artificial intelligence and the legal order.

Maqсут Narikbayev University was represented by Vitaly Ogleznev and Anton Didikin. Both presented papers at the **workshop “Prospects for Legal Realism”**, which brought together scholars from Russia, Germany, and Serbia. Ogleznev’s paper, “*Systematic Terms in Alf Ross’s Account of Legal Language*”, examined the function of legal concepts such as ownership in connecting conditioning facts with legal consequences. He compared Ross’s account with Rudolf Carnap’s correspondence rules, focusing on how rules of use explain the meaning of terms in law and science. Didikin’s paper, “*Can Metaphysical Realism be useful for justifying Legal Realism?*”, addressed the relationship between metaphysical realism and legal realism. He argued that metaphysical realism can be useful by providing a semantic picture where legal terms (for example, “equality”, “punishment”) aim at real properties or classes of cases, even if our understanding is partial or contested. Metaphysical realism is useful wherever legal realism pushes law to pay attention to empirical sciences. In social and legal research it supports the claim that social structures and institutions have real properties that explain legal outcomes and should inform doctrinal development.

Ogleznev also participated in the **workshop “The Performative Dimension of Legal Reasoning”**, convened by Pablo Raúl Bonorino Ramírez of the University of Vigo. The English-language session included contributions by Joaquín Rodríguez-Toubes Muñiz on the prescriptive force of legal definitions, Alfonso García Figueroa on recognition and performative inconsistencies in legal and political discourse, Brisa

Paim Duarte on visual evidence and the performative limits of legal reasoning, and *Bonorino Ramírez* on legal correctness and the proposal for a Constitution of the Earth.

In his paper “*The Performative Force of Legal Ascriptives*”, *Ogleznev* proposed distinguishing ascriptive speech acts within Searle’s classification. He argued that legal utterances such as “X is guilty” or “The contract is concluded” can ascribe a legal status and produce institutional consequences. The paper distinguished acts that establish a legal status from judicial acts that also determine the relevant facts, explaining how legal utterances combine factual findings with the attribution of responsibility, rights, or obligations.

Another *workshop*, “*From Leibniz to the Digital Age: Logic, Law, and the Future of Legal Thought*”, explored historical and contemporary uses of logic in law. *Michał Araszkiewicz* delivered a keynote on computational legal interpretation. *Diogo Campos Sasdelli* traced the history of logic and legal justification, while *Mikhail Antonov* examined the different meanings of “system” in legal thought. *José Renato Gaziero Cella* and *Lia Loana Curial Oliva* discussed deontic logic and artificial intelligence. Their second joint paper considered the Brazilian electronic judicial process through the lens of Kafka’s *The Trial*, questioning the growing reliance on quantitative measures of judicial performance. *Cesar Serbena* addressed the challenges that AI poses for legal evidence. *Réka Markovich* examined the logical modelling of judicial discretion, and *Leandro Nascimento Mantau* discussed the limits of algorithmic decision-making in criminal law.

Ogleznev presented “*In What Sense Does Law Exist? Logical Form and Ontological Commitment in Legal Discourse*”. Using examples involving legal persons and diplomatic immunity, he distinguished logical relations between legal propositions from the conditions under which legal entities exist. His argument was that the existence of rights, legal persons, and institutions cannot be established by logical form alone. It requires attention to conditions of application, institutional recognition, and validity within a normative practice.

Under the auspices of the *Central Asian IVR section*, established in 2025, *Didikin* organised the *workshop “The Nature of Law and Legal Reality”*. Speakers included *Lorenz Kähler* of the University of Bremen, *Eckardt Buchholz-Schuster* of Coburg University of Applied Sciences and Arts, and *Sofya Koval* of HSE University in Moscow. The discussion concerned the existence of law, the distinctive features of legal reality, and the main arguments of *Kähler*’s theory of the ontological ideality of law.

Didikin also presented the paper “*A Neuroscientist in the Courtroom*” at the *workshop “Law and Ethics of Neuroscience and Emerging Neurotechnologies”*, organised by colleagues from Turkish universities. He argued that the participation of a neuroscientist in court helps to increase the accuracy of justice by taking into account the latest scientific data about a person’s condition at the time of the crime. However, the need to determine the legal status of a neuroscientist in the court process. The neuroscientist involved in the trial acts as a mediator between two different systems of reality description – the scientific and the legal – and translates the neuroscientific data into the language of law.

Didikin’s presentation reported findings from the research project “*The Application of Neuroscientific Data in Jurisprudence*”, conducted at *Maqsut Narikbayev University* during the 2025–2026 academic year. The workshop brought together researchers from the United States, Australia, and European countries.

Throughout the congress, working groups met to discuss questions in legal and social philosophy, legal theory, constitutional law, and international law. The IVR leadership also held a meeting of representatives of its regional sections. More than 1000 participants attended the congress, representing countries across Europe, Asia, and the Americas.

The next IVR World Congress will take place in Paris in 2028. The journal *Law and State* will continue to publish information about the Association’s activities.

Для цитирования и библиографии: *Ogleznev V.V., Didikin A.B. Review of XXXII IVR Congress “Law in the Face of Changing Problems of the World” // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 119-120. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_119*

МАЗМҰНЫ

- Утеген Д., Балахмет А. Қазақстанның мемлекеттік басқаруындағы жасанды интеллект: дербес деректерді қорғау және қоғамдық сенімнің әлсіреуінің алдын алу тетіктері. 6.
- Сайранқызы Н. Инклюзив білім беру контекстінде арнайы мектептердің рөлін қайта пайымдаудан туындайтын құқықтық коллизиялар. 19.
- Есетова С., Ибраева А., Имангазиев Т. Қазақстан Республикасы Конституциясының преамбуласы қандастарды репатриациялау саясатының құндылықтық негізі ретінде. 31.
- Бабаджанян Е.Л., Ахмади М.А., Мальков Р.М. Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексіндегі шарттық құқық нормаларының диспозитивтілігі презумпциясы: кешенді бағалау және заңнамалық ұсыныс. 49.
- Сибирцев Г. Мишель Фуконың 1975 жылғы 8 қаңтарда Коллеж де Франсте оқыған дәрісіндегі сот-психиатриялық сараптамаға қатысты сыны. 67.
- Мукашева А.А. Ибраев А.С. Жер иелері мен жер пайдаланушылардың құқықтарын қорғау мәселелері: отандық және шетелдік тәжірибе. 77.
- Тажиева М.Н., Муталыпова А.Ш. Орталық Азия аймағында еңбек мигранттарының денсаулық сақтау құқығын қамтамасыз ету үшін олардың әлеуметтік әлсіздігін тану мәселелері. 93.
- Дидикин А.Б. Заң идеалды түрде бар ма? Лоренц Келердің заң онтологиясы қайта қаралды. 104.
- Беляев М.А. Құқықтық реализм: идея және әдіс. 111.
- Оглезнев В.В., Дидикин А.Б. Әлемнің өзгеріп отырған мәселелері жағдайындағы құқық (Құқық философиясы және әлеуметтік философия халықаралық қауымдастығының XXXII Дүниежүзілік конгресіне шолу, 2026 жылғы 28 маусым-3 шілде, Ыстамбұл, Түркия). 119.

CONTENTS

- Utegen D., Balakhmet A. Artificial Intelligence in Kazakhstan's Public Administration: Personal Data Protection and Mechanisms to Prevent the Erosion of Public Trust. 6.
- Sayrankizy N. Legal conflicts arising from the reconsideration of the role of special schools in inclusive education. 19.
- Yessetova S., Ibrayeva A., Imangaziyev T. The Preamble to the Constitution of the Republic of Kazakhstan as the Value-Based Foundation of the Repatriation Policy for Qandas. 31.
- Babadzhanyan E.L., Akhmadi M.A., Malkov R.M. The presumption that contract law provisions are default rules in the Civil Code of the Republic of Kazakhstan: a comprehensive assessment and a legislative proposal. 49.
- Sibirtsev G. Critique of Forensic Psychiatric Expertise in Michel Foucault's 8 January 1975 Lecture at the Collège de France. 67.
- Mukasheva A.A. Ibrayev A.S. Problems of Protecting the Rights of Landowners and Land Users: Domestic and Foreign Experience. 77.
- Tazhiyeva M.N., Mytalyapova A.S. Issues of Recognition of Migrant Workers' Social Vulnerability for Ensuring the Right to Healthcare in the Central Asian Region. 93.
- Didikin A. Does Law Exist Ideally? Lorenz Kaehler's Ontology of Law Revisited. 104.
- Belyaev M.A. Legal Realism: Idea and Method. 111.
- Oglezneva V., Didikin A. Law in the Face of the Changing Problems of the World (Review of the XXXII World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy, June 28–July 3, 2026, Istanbul, Türkiye). 119.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

«Құқық және мемлекет» журналына бұрын жарияланбаған ғылыми мақалалар, жазбалар, құқықтанудың әртүрлі салаларындағы зерттеулер нәтижелері туралы хабарламалар (жақсырақ салыстырмалы-құқықтық сипаттағы), жаңа ғылыми заң басылымдарына шолулар, мемлекет және құқық мәселелері жөніндегі маңызды ғылыми конференциялар туралы мақалалар қабылданады.

Жариялану үшін ұсынылатын материалдар келесі талаптарға жауап беруі тиіс:

1. Мемлекет және құқық саласындағы жаңа өзекті ақпаратты және бұрын жарияланбаған және басқа басылымдарда жариялауға арналмаған бірегей ғылыми зерттеулердің нәтижелерін қамтуға тиіс. Автор мақаланы және басқа материалдарды ұсынған кезде редакциялық кеңеске олардың жарияланған-жарияланбағанын әлде басқа басылымдарға ұсынылған-ұсынылмағандығын хабарлауға міндетті. Әрбір автор журналда жылына екі реттен көп емес мақала жариялай алады. Бір мақалада екі авторға дейін рұқсат етіледі, егер грант бойынша мақала болса, онда үш автордан аспайды. Мәтіннің 50%-дан астамы жасанды интеллект арқылы жасалғаны анықталса, мақала қарауға қабылданбайды.

2. ҚР БҒМ талаптарына сәйкес (2016 жылғы 4 наурыздағы № 13409 бұйрық, өзгертулер және толықтырулармен) Ғылыми мақала – бұрын жарияланбаған және жаңалығы бар авторлық эзирлемелерді, қорытындыларды, ұсынымдарды қамтитын; немесе ортақ тақырыпқа байланысты бұрын жарияланған ғылыми мақалаларды қарауға арналған (жүйелі шолу) ғылыми зерттеудің, эксперименттік немесе талдамалық қызметтің өзіндік тұжырымдары мен аралық немесе түпкілікті нәтижелерін баяндау. Ғылыми мақаланың құрылымы атауынан, аннотациядан, түйін сөздерден, негізгі ережелерден, кіріспеден, материалдар мен әдістерден, нәтижелерден (мақаланың негізгі бөлігі, әдетте, 3-4 бөлімнен тұрады – ред.) талқылаудан, қорытындыдан, қаржыландыру туралы ақпараттан (бар болған жағдайда), әдебиеттер тізімінен тұрады.»

3. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақаланың басында автордың аты – жөні мен тегі (мақала аудармашысы болған жағдайда аудармашы туралы ақпарат, мақаланың бірнеше авторының жанында корреспондент-автор көрсетіледі), ғылыми атағы, лауазымы, кафедрасы, ЖОО, автордың жұмыс орны, қаласы, елі, электрондық мекенжайы туралы өзге де ақпарат орналастырылады. Автордың тегінен кейін мақаланың атауы, орыс, қазақ және ағылшын тілдеріндегі үш аннотация (кемінде 5-8 ұсыныс) (авторлардың тегін, аты-жөнін, әр автордың жұмыс орнын және мақала атауын аударып). Аннотацияда тақырыптың өзектілігі, зерттеу тақырыбы, жұмыстың мақсаты, әдістері, жаңалығы және мақаланың негізгі тұжырымдары ашылады. Әр аннотациядан кейін тиісті тілдегі 10 негізгі сөз.

4. А4 форматындағы 10-16 беттен тұратын мақала Microsoft Word мәтіндік редакторында Times New Roman шрифтімен терілуі керек, өлшемі 14, бір интервал арқылы және мақаланың барлық қажетті құрылымдық элементтері болуы керек (жоғарыдағы 2-тармақты қараңыз). Көлемі 16 беттен асатын мақалалар бас редактормен келісіледі.

5. Дереккөздерге сілтемелер мақаланың мәтнінде төртбұрышты жақшада беріледі және қажет болған жағдайда бетті көрсете отырып, «Әдебиет» тізімінде келтірілген дереккөзге тиісті библиографиялық сілтеменің нөмірі түрінде ресімделеді, мысалы: [9, 12-бет]. Бірнеше дереккөз нөмірлерін көрсететін мәтіндік сілтемелерде соңғылары бір-бірінен нүктелі үтірмен бөлінеді, мысалы: [7; 19, 6. 45; 37, Б.201]. Келтірілетін статистикалық деректерді, нормативтік актілерді, оның ішінде халықаралық және шетелдік актілерді жариялау көздеріне сілтемелер міндетті болып табылады. Мақаланың соңында осы тақырып бойынша негізгі ғылыми, оның ішінде ең жаңа (түпнұсқа тілінде және латын транслитерациясында бөлек) әдебиеттер тізімі берілген. «Құқық және мемлекет» журналының редакциясы бірқатар елдер бойынша салыстырмалы-құқықтық материалды пайдалануды, біздің журналдағы сабақтас тақырыптар бойынша жарияланымдарды зерделеуді (журнал сайтындағы мұрағатты қараңыз) және сіздің жұмысыңыз үшін пайдалыларын әдебиеттер тізіміне енгізуді ұсынады. УДК нөмірі, әдебиеттер тізімі (Алфавиттік тәртіппен) және ескертпелер ГОСТ сәйкес ресімделеді. Интернет-ресурстарға сілтеме жасау кезінде автор, мәтіннің атауы, сайт/портал, материалдың толық электрондық мекенжайы, оның ашылған күні көрсетіледі.

6. Мақаланың соңында «мақала бірінші рет жарияланады, басқа басылымдарға ұсынылмады және ұсынылмайды» деген жазба болуы керек, автордың (авторлардың) күні мен қолы қойылады. Мұнда автор (авторлар) туралы мәліметтер орналастырылады: тегі, аты және әкесінің аты, электрондық мекенжайы, байланыс телефондары.

Толығырақ ақпарат Журнал сайтында (Сілтеме: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Редакция мекенжайы және байланыс деректері:
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ.
Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы, 8.
тел.: 8 (7172) 70 30 07
[www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz](mailto:pravoigos@kazguu.kz)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал «Право и государство» принимаются ранее неопубликованные научные статьи, заметки, сообщения о результатах исследований в различных областях юриспруденции (желательно сравнительно-правового характера), рецензии на новые научные юридические издания, статьи о значимых научных конференциях по проблемам государства и права.

Представленные для опубликования материалы должны отвечать следующим требованиям:

1. Содержать новую актуальную информацию в области государства и права и результаты оригинальных научных исследований, ранее неопубликованных и не предназначенных для публикации в других изданиях. Автор обязан сообщить редколлегии при представлении статьи и других материалов – были ли они опубликованы или представлены в иные издания. Каждый автор может опубликовать статью в журнале не более двух раз в год. В одной статье допускается до двух авторов, если статья по гранту, то не более трех авторов. В случае обнаружения более чем 50% текста, сгенерированного искусственным интеллектом, статья к рассмотрению не принимается.

2. В соответствии с требованиями МОН РК (приказ от 4 марта 2016 г. № 13409 с последующими изменениями и дополнениями) «Научная статья – изложение собственных выводов и промежуточных или окончательных результатов научного исследования, экспериментальной или аналитической деятельности, содержащее авторские разработки, выводы, рекомендации ранее не опубликованные и обладающие новизной; или посвященное рассмотрению ранее опубликованных научных статей, связанных общей темой (систематический обзор). Структура научной статьи включает название, аннотации, ключевые слова, основные положения, введение, материалы и методы, результаты (основная часть статьи, как правило, из 3-х – 4-х подразделов – ред.), обсуждение, заключение, информацию о финансировании (при наличии), список литературы».

3. Статьи публикуются на казахском, русском, английском языках. В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (при наличии переводчика статьи – также информация о переводчике, при нескольких авторах статьи указывается автор-корреспондент), ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, иная информация о месте работы автора, город, страна, электронный адрес. После фамилии автора – название статьи, три аннотации (не менее 5-8 предложений) на русском, казахском и английском языках (с переводом фамилии, инициалов авторов, места работы каждого автора и названия статьи). В аннотации раскрываются актуальность темы, предмет исследования, цель работы, методы, новизна и основные выводы статьи. После каждой аннотации – 10 ключевых слов на соответствующем языке.

4. Статья объемом 10-16 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размером 14, через один интервал и иметь все необходимые структурные элементы статьи (см. выше пункт 2). Статьи объемом более 16 страниц согласовываются с главным редактором.

5. Отсылки на источники даются в тексте статьи в квадратных скобках и оформляются в виде номера соответствующей библиографической ссылки на источник, приведенной в списке «Литература», с указанием при необходимости страницы, например: [9, с. 12]. В текстовых ссылках, содержащих указание на несколько номеров источников, последние отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [7; 19, с. 45; 37, р. 201]. Обязательны ссылки на источники опубликования приводимых статистических данных, нормативных актов, в том числе международных и зарубежных. В конце статьи дается список литературы – основной научной по данной теме, в том числе новейшей (на языке оригинала и отдельно в латинской транслитерации). Редакция журнала «Право и государство» рекомендует использовать сравнительно-правовой материал по ряду стран, изучить публикации по смежным темам в нашем журнале (см. архив на сайте журнала) и включить полезные из них для Вашей работы в список литературы. Номер УДК, список литературы (в алфавитном порядке) и примечания оформляются в соответствии с ГОСТом. При ссылках на интернет-ресурсы указывается автор, название текста, сайт/портал, полный электронный адрес материала, дата его открытия.

6. В конце статьи должна быть запись: «статья публикуется впервые, не представлялась и не будет представлена в другие издания», ставится дата и подпись автора (авторов). Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, электронный адрес, контактные телефоны.

Более подробная информация на сайте журнала (См.: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Адрес и контактные данные редакции:
010000, г. Астана, шоссе Қорғалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Law and State» accepts previously unpublished scientific articles, notes, reports on the results of research in various fields of jurisprudence (preferably of a comparative legal nature), reviews of new scientific legal publications, articles on significant scientific conferences on problems of state and law.

The materials submitted for publication must meet the following requirements:

1. To contain new relevant information in the field of state and law and the results of original scientific research, previously unpublished and not intended for publication in other publications. The author is obliged to inform the editorial board when submitting the article and other materials – whether they have been published or submitted to other publications. Each author can publish an article in the journal no more than twice a year. Up to two authors are allowed in one article, if the article is under a grant, then no more than three authors. If more than 50% of the text is found to be generated by artificial intelligence, the article will not be accepted for review.

2. In accordance with the requirements of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Order No. 13409 dated March 4, 2016, with subsequent amendments and additions) «Scientific article – a statement of one's own conclusions and intermediate or final results of scientific research, experimental or analytical activities, containing author's developments, conclusions, recommendations not previously published and having novelty; or devoted to consideration previously published scientific articles related to a common topic (systematic review). The structure of the scientific article includes the title, annotations, keywords, main provisions, introduction, materials and methods, results (the main part of the article, as a rule, consists of 3 to 4 subsections - ed.), discussion, conclusion, information on financing (if available), references.»

3. Articles are published in Kazakh, Russian, and English. The initials and surname of the author are placed at the beginning of the article (if there is a translator of the article, information about the translator is also provided, with several authors of the article, the corresponding author is indicated), academic degree, academic title, position, department, university, other information about the author's place of work, city, country, e-mail address. After the author's surname – the title of the article, three annotations (at least 5-8 sentences) in Russian, Kazakh and English (with translation of the surname, initials of the authors, place of work of each author and the title of the article). The abstract reveals the relevance of the topic, the subject of the study, the purpose of the work, methods, novelty and the main conclusions of the article. After each annotation there are 10 keywords in the corresponding language.

4. An article of 10-16 A4 pages should be typed in a Microsoft Word text editor in Times New Roman font, size 14, with one interval and have all the necessary structural elements of the article (see paragraph 2 above). Articles of more than 16 pages are coordinated with the editor-in-chief.

5. References to sources are given in the text of the article in square brackets and are made out in the form of the number of the corresponding bibliographic reference to the source given in the list of «Literature», indicating, if necessary, the page, for example: [9, p. 12]. In text links containing an indication of several source numbers, the latter are separated from each other by a semicolon, for example: [7; 19, p. 45; 37, p. 201]. References to the sources of publication of the cited statistical data and regulations, including international and foreign ones, are mandatory. At the end of the article, a list of literature is given – the main scientific literature on this topic, including the latest (in the original language and separately in Latin transliteration). The editorial board of the journal «Law and the State» recommends using comparative legal material on a number of countries, study publications on related topics in our journal (see the archive on the journal's website) and include useful ones for your work in the list of references. The UDC number, the list of references (in alphabetical order) and notes are drawn up in accordance with GOST. When linking to Internet resources, the author, the title of the text, the website /portal, the full email address of the material, and the date of its opening are indicated.

6. At the end of the article there should be an entry: «the article is published for the first time, has not been submitted and will not be submitted to other publications,» the date and signature of the author(s) are put. Information about the author(s) is also placed here: surname, first name and patronymic in full, e-mail address, contact phone numbers.

More detailed information is available on the journal's website (See: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Editorial office address and contact details:
010000, Republic of Kazakhstan, Astana.
Maqsut Narikbayev University, Korgalzhyn highway, 8.
Tel.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz, e-mail: pavoigos@kazguu.kz

«Университет кітабы-2019: әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар» басылымдардың халықаралық байқауында (Қазан қ.) «Мемлекет және құқық» журналы «Ең үздік мерзімдік басылым» номинациясында жеңімпаз атанды.

На Международном конкурсе изданий «Университетская книга-2019: социально-гуманитарные науки» (г. Казань), журнал «Право и государство» победил в номинации: «Лучшее периодическое издание».

ҚҰРЫЛТАЙШЫ: Maqсут Narikbayev University

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағаттар комитетінде тіркеліп, 25.05.2006 жылы №7742-Ж күйі берілген.

Журнал ғылыми қызметтің негізгі нәтижелерін жариялау үшін ҚР БҒМ БҒСБҚ ұсынған ғылыми басылымдардың тізбесіне енгізілген.

ЖУРНАЛ РЕДАКЦИЯСЫ:

А.Б.Дидикин (бас редактор);
Р.А. Жакина (жауапты хатшы);
Н.М. Акпеисова (компьютерлік беттеу және әрлендірме);
А.Д. Бакирова (қазақ және ағылшын тілдеріндегі мәтіндердің редакторы).

РЕДАКЦИЯНЫҢ МЕКЕНЖАЙЫ:

010000, Астана қ.,
Қорғалжын тас жолы, 8,
Maqсут Narikbayev University,
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Журналдың толық электрондық нұсқасы және әр жеке мақала журналдың сайтында, РИНЦ-те, IPRbooks-та, Maqсут Narikbayev University репозиторінде орналастырылады және жалпыға қолжетімді болып табылады.

ISSN 2307-5201.
Материалдарды қолдану кезінде «Құқық және мемлекет» журналына сілтеме жасалу міндетті.

Журналдың материалдарында білдірілген пікірлер редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді.

Қолжазба қайтарылмайды.

Мұқабаның бірінші бетінің дизайны журнал: Акпеисова Н.

Жарияланған: 30.09.2026

© Maqсут Narikbayev University, 2026
© «Құқық және мемлекет» журналы, 2026.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Maqсут Narikbayev University

Государственный регистрационный №7742-Ж выдан 25.05.2006 г. Комитетом информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Журнал включен в перечень научных изданий рекомендуемых ККСОН МОН РК для публикации основных результатов научной деятельности.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

А.Б.Дидикин (главный редактор);
Р.А. Жакина (ответственный секретарь);
Н.М. Акпеисова (компьютерная верстка и дизайн);
А.Д. Бакирова (редактор текстов на казахском и английском языках).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Астана,
шоссе Коргалжын, 8,
Maqсут Narikbayev University
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Полная электронная версия журнала и каждая статья отдельно размещаются на сайте журнала, в РИНЦ, IPRbooks, в репозитории Maqсут Narikbayev University и являются общедоступными.

ISSN 2307-5201.
При использовании материалов ссылка на журнал «Право и государство» обязательна.

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи редакцией не возвращаются.

Дизайн первой страницы обложки журнала: Акпеисова Н.

Издан: 30.09.2026

© Maqсут Narikbayev University, 2026
© Журнал «Право и государство», 2026.

CHAIRMAN: Maqсут Narikbayev University

The state registration №7742-ZH was given on 25.05.2006 by Committee of information and archive of Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan.

The journal is included in a list of scientific publications recommended by the KKSON Ministry of Education and Science of Republic of Kazakhstan for publication of the results of scientific research.

THE EDITORS OF THE JOURNAL:

A.B. Didikin (Editor-in-chief);
R. A. Zhakina (Executive secretary);
N.M. Akpeissova (Technical and design manager);
A.D. Bakirova (Texts editor of Kazakh and English version).

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Astana,
8 Korgalzhyn highway
Maqсут Narikbayev University
tel. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

The full e-journal and articles separately are publicly available on the journal's website, Russian Science Citation Index (RINCI), IPRbooks, and in Maqсут Narikbayev University's repository.

ISSN 2307-5201.
In case of citing materials reference to the journal «Law and State» is required.

Opinions expressed in the materials of the journal do not always coincide with the point of view of the editorial office.

Manuscripts will not be returned.

The design of the first page of the magazine cover: Akpeissova N.

Published: 30.09.2026

© Maqсут Narikbayev University, 2026
© «Law and state» journal, 2026.

